

Марина Козинаки

Софи Авдюхина

По ту сторону реки (сборники)

Марина Козинаки

Темные птицы

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Козинаки М.

Темные птицы / М. Козинаки — «Издательство АСТ»,
2018 — (По ту сторону реки (сборники))

ISBN 978-5-17-114646-7

На Тридевятое государство опускается беззвездная ночь, страх расплзается по улицам городов. Темные получают то, что не должно было попасть им в руки. Неужели на стороне Светлых есть предатель? Друзья попытаются выяснить, кто он, но лишь сильнее запутаются. Равновесие сил нарушено, защитные чары Заречья начинают исчезать, и кое-кому предстоит поучаствовать в опасном древнем обряде, чтобы восстановить их. Тем временем знатные семьи заключают новые союзы, строится Долина Гремящих Ветров, но едва жизнь входит в привычное русло, как новые тайны все переворачивают с ног на голову. Оказывается, что справиться с внешними неурядицами гораздо легче, чем понять, кто ты и на чьей ты стороне.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114646-7

© Козинаки М., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Словарь	6
Глава первая. Исчезновение	8
Глава вторая. Лисья хворь	23
Глава третья. Лазарет	43
Глава четвертая. Сын провидца	68
Глава пятая. Кладбище	76
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Марина Козинаки, Софи Авдюхина

Тёмные птицы

© М. Козинаки, С. Авдюхина, 2019

© М. Козинаки, дизайн обложки, иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Словарь

Привет, потусторонний! Если ты еще не бывал в Росенике, то тебе стоит ознакомиться с некоторыми терминами, которые мы часто используем. Возможно, часть из них тебе знакома, но в вашем мире они наверняка имеют другое значение.

Данный словарь исправлен и дополнен историком, исследователем магических культур всего мира и действующим наставником Заречья – Нестором Ивановичем.

Амагиль – небольшой стеклянный или хрустальный сосуд, используемый для смешивания и хранения снадобий.

Анчутка – чертик ростом до полуметра. Официально относится к классу нечисти, но в отличие от других представителей этого класса не опасен для колдунов и не агрессивен. Если вы встретитесь с нашим Нестором Ивановичем, он вам, конечно, расскажет много научных фактов об этих существах: о классификации анчуток, о строении их тела и о принципах работы их магии. Ну а пока что вам просто надо знать, что анчутка может неожиданно запрыгнуть вам на колени, если вы будете болтать ногами под столом.

Белун – существо, которое может жить в избушке на курьих ножках вместо домового или шушеры. Ходит как на двух, так и на четырех ногах – исходя из ситуации. Покрыт длинной белой или светло-серой шерстью. Не любит холод, сквозняки и сырость. Часто простужается.

Вече, или **Вече Старейшин** – официальное название организации, призванной облегчить управление сообществом Светлых магов. В Вече входят представители двенадцати самых древних и уважаемых родов. Само слово «вече» пришло к нам из далекой древности, а у нас в Росенике все просто обожают древность!

Волхв – по одной легенде старинное название любого мага. А по другой – также название для колдуна, тесно связанного с природой, – понимающего голоса зверей и птиц, умеющего хорошо работать с растениями. Термин перестал широко использоваться, после того как возник спор, кого же именно можно именовать волхвом. В Росенике употребляется реже, а вот в северном Зорнике состоит в обиходе почти всех горожан.

Домовой – представитель маленького разумного народца. Чаще всего один домовой берет под покровительство один дом или одну конкретную семью. Требуется уважения и почитания, взамен устанавливает очень сильное защитное колдовство, оберегающее жилище. Может помогать по хозяйству, а может вообще ни разу не показаться на глаза в течение десятка лет – такому домовому достаточно, чтобы о нем просто лестно отзывались. Состоит в далекой родственной связи со скандинавскими ниссе.

Друид – термин, заимствованный у кельтских собратьев еще много веков назад. Колдун, чаще всего Земляной, имеющий особую связь с миром растений и животных. Может понимать язык зверей и птиц, слышать растения, перенимать от них знания. Нередко является перевертышем. Этот термин не является официальным, он попал в наш язык случайно. Вы частенько можете услышать, как чей-нибудь дедушка продолжает по старинке называть подобных колдунов «волхвами».

Зеркальник, или **зеркальный коммуникатор** – складное карманное зеркало, используемое колдунами для связи друг с другом. Зеркальники настраиваются под каждого конкретного мага в зависимости от его стихии. Эффективны только тогда, когда магический фон окружающего пространства не очень сильный. В остальных случаях сбоят и ломаются. В Заречье почти не работают.

Мерек – водяной черт. Бывает до метра в высоту. Не слишком агрессивное, но в меру опасное существо, получающее заметную силу на русалью неделю.

Морянка – существо, обитающее в реках, озерах и больших прудах. Не любят маленькие водоемы со стоячей и теплой водой. Имеют сросшиеся задние конечности с двумя большими плавниками вместо ступней, что внешне напоминает рыбий хвост. Живут морянки большими семьями, с себе подобными враждуют редко. Хищные, опасные как для потусторонних, так и для колдунов. Питаются свежим мясом. На русалью неделю их хвосты превращаются в ноги (хотя и достаточно слабые), из-за чего бродить возле рек и по лесам в темное время суток становится опасно. Их магия частично схожа с силой Воздушных колдунов: они легко затуманивают сознание своими песнями, лишают воли, путают мысли, обманывают.

Наяда – международный термин. Был принят на 167 мировой конференции магов для обозначения любой нечисти, имеющей внешне полное сходство с человеком. Этим словом мы чаще всего называем морянок, которые на русалью неделю меняют свой рыбий хвост на ноги и становятся поразительно похожими на нас.

Пегас – существо, напоминающее большого коня с крыльями. На самом деле пегас имеет своими предками драконов, это хорошо заметно по строению его черепа и зубам. Тем не менее мы держим их вместе с лошадьми.

Перевертыш – колдун, способный трансформировать свое тело в тело какого-либо животного.

Световик – кристалл-светильник, начинающий излучать свет от прикосновения колдуна.

Шушера – существо, которое может жить в вашей избушке на курьих ножках вместо домового. Имеет принципиально иное происхождение – некоторые ученые до сих пор относят шушера к классу духов.

Глава первая. Исчезновение

В Зорнике были в самом разгаре долгожданные торжества. Хотя по небу с раннего утра ползали сизые тучи, а дождь то прекращал, то вновь начинал моросить, город выглядел празднично.

Вокруг поместья Рублевых, стоявшего на крутом красно-буrom холме над стальной гладью озера, шумно толпились нарядно одетые гости. По длинным аллеям к поместью стекались всадники на прекрасных лошадях. В центре главной площади бесстрашный колдун с руками, испещренными шрамами, предлагал всем желающим поглядеть на молодых карельских драконов – к нему выстроилась очередь. Здесь же на площади раздавали сладости и напитки.

– За молодоженов! – кричала добродушного вида колдунья, протягивая коробку с пряниками-попрыгунчиками детворе.

– За молодоженов! – визжали они в ответ и принимались со смехом ловить угощения, которые выскакивали из коробки, едва открывалась крышка.

Возле особняка хозяева приветствовали подъезжавших гостей. Муромцы, прибывшие на роскошной крылатой вимане, были в числе опоздавших.

Митя вылез из позолоченной ладьи, сделанной в форме лебедя, и сразу же отдал дань вежливости родителям Алексея Рублева и семейству Долгоруких. А после его позвала компания колдунов, устроившихся чуть в стороне от летней террасы, откуда было видно большую часть гостей. Наконец Муромец добрался до Севы, стоявшего отдельно от остальных. Тот явно чувствовал себя неуютно рядом с пятью самыми богатыми наследниками Тридевятого государства и держался с ними взаимно холодно.

– Как добрались? – спросил Митя.

– На Вороном, – ответил Сева.

– Все вместе? И без проблем?

– Почти. Он не восторге от повозки, в которую его запрягли.

– Пегас у тебя что надо, – вмешался Волконский, окинув Заиграй-Овражкина нарочито удивленным взглядом, словно недоумевая, откуда у того взялось столь редкое и дорогое существо. – Какая порода?

– Арабская верховая.

– Порази меня Перун, где ты его достал?

Тут что-то звякнуло, и все молодые люди как один повернули головы. Анисья лукаво оглядела знакомых:

– Вот так всегда! Как только мужчины начинают рассуждать о лошадях или драконах, они теряют всякий интерес к женщинам. Сколько еще времени вы бы не меня замечали, а?

– Привет! Мы и правда отвлеклись. – Волконский улыбнулся.

– Выглядишь... божественно, – восхищенно произнес стоявший рядом с ним Нарышкин.

Все одновременно потянулись к ее руке, но Анисья сперва подала ладонь Заиграй-Овражкину, хотя тот стоял намного дальше, чем Дима Велес и Петр Нарышкин. Когда все юноши приложились губами к ее пальцам, Анисья весело щелкнула брата по носу и, звякнув жемчужной варворкой на конце длинной косы, быстро направилась к матери.

К Севе тут же вернулась привычная уверенность, когда остальные молодые люди, каждый по-своему, но все с оттенком недовольства, взглянули на него. Нарочитое внимание Анисьи вернуло его на позицию любимца девушек, отчего его странные глаза стали еще чернее и туманнее, а улыбка – самодовольно-насмешливой.

– Ах, Анисья! Анисья! – Издалека доносились возгласы колдуний, в том числе и Стаси Романовой, с которой Митя в последний раз виделся на Русальем круге. – Нет, только не говори, что твое платье из русалочьей парчи! Не может быть! Смотрите! Платье меняет цвет!

Ах, это прямо чудо какое-то! – И правда, если во время разговора с молодыми людьми ее платье было голубое, то теперь оно стало насыщенного цвета морской волны.

К середине торжества ткань и стала алой. Мите, который взволнованно искал в толпе колдуна, занимавшего его мысли весь сегодняшний день, как и все лето, то и дело попадалось на глаза это яркое пятно. Он подсознательно соотносил его с сестрой, хотя кроме мелькнувшего подола или изгиба спины больше ничего разглядеть не успевал. Рядом постоянно был Волконский, старавшийся на всех званых вечерах держаться поближе к Муромцу, и только подливал масла в огонь, увлеченно пересказывая статью из передовой Небыльской газеты, где упоминалось о Русальем круге, о сорванном посвящении велия, о загадочном нападении на Водяную колдунью, о ее героическом спасении, о самом Мите...

– Слушай, я не понял, а как ты все-таки оказался вместе с Водяной в этом лесу? – спросил Волконский.

Митя вновь повторил историю, которую уже рассказывал отцу, сестре, целителю, двоюродному и Севе.

– А ты не догадался, что за человек на нее напал?

Митя вздрогнул – он должен был ответить не то, что отвечал на этот вопрос отцу, Севе и сестре...

– Нет. – Муромец дернул поврежденным плечом, уходя от ответа.

Он думал о Звездинке каждый день! Почему отец попросил молчать о том, что это был он? Отчего нельзя было заставить Звездинку во всем признаться? Отчего нельзя было его припугнуть?

«Мы же Муромцы! – думал Митя. – Кто посмеет пойти против нас? Почему мы не можем просто обвинить его, основываясь на моих доказательствах?»

Гнев в нем достиг предела, и Митя решил во что бы то ни стало поговорить со Звездинкой. Для этого он и ждал свадьбы – прекрасного повода увидеть наконец предателя. Звездинка числился в списке приглашенных, сомнений не было: благодаря разработкам нового жилого квартала в Зорнике он за лето только упрочил свою репутацию и усилил влияние. Колдуны, мечтавшие покинуть города потусторонних и вернуться поближе к своим, ликовали. Газеты то и дело публиковали интервью восторженных магов, предвкусывающих переезд. Долина Гремящих Ветров виделась им уютным уголком, а не враждебным и холодным местом возле залива, где ледяной ветер крушит все на своем пути.

С приближением заветного дня свадьбы Митино волнение росло все сильнее, правда, он все еще не составил никакого определенного плана. Однако он был уверен, что добьется своего, даже невзирая на отцовский запрет.

Теперь же, стоя с Волконским и рассеянно отвечая на его вопросы, он чувствовал разочарование: Звездинка не появился на торжественном свадебном приеме – ни он сам, ни его жена с дочерью. Этот противоречивый день – праздничный и веселый и в то же время хмурый и пасмурный – оказался к тому же совершенно бессмысленным.

– Как тебе сие действо?

Митя повернулся к говорившему, слегка удивленный его изменившимся голосом, и обнаружил, что рядом с ним стоит уже не Волконский. Это был Иван Волков, рыжеватый, холеный и подтянутый, в кафтане из старомодной серебряной парчи, придававшей ему, как, видимо, было задумано, вид побогаче. За глаза его все звали «клуб», потому что у него была навязчивая идея организовывать клубы по интересам и устраивать их заседания в своем загородном поместье.

– Нормально... – отозвался Митя.

– А мне вот опротивели все эти рауты, свадьбы, дни рождения. Сколько можно? Девушки надевают свои роскошные наряды – кстати, у твоей сестры потрясающее платье, – щебечут о

всякой ерунде и заставляют парней танцевать. Мы же вынуждены целый вечер париться в этих дурацких кафтанах и сапогах – не вздохнуть...

Мите подумалось, что париться в дурацких кафтанах – самое любимое занятие Волкова. Тот тем временем поправил прическу, взял с пролетавшего мимо серебряного подноса бокал с медом и продолжил:

– Видно, что тебе тоже здесь скучно, – сказал он, и Митя кивнул, продолжая скользить взглядом по толпе танцующих гостей и досадуя, что так невежливо игнорировал предыдущего собеседника, который был куда лучше этого, нового. – Поговорить вообще не с кем. Все только и делают, что обсуждают, у кого какая лошадь, дракон или еще какая-нибудь тварь.

Волкову пришлось на секунду прервать монолог, чтобы отхлебнуть из хрустального бокала.

– Кстати, а это правда, что у твоего друга арабский пегас? С каких это пор роду Заиграй-Овражкиных доступна такая роскошь? Хотя я не понимаю, чего все так носятся с этими пегасами. По-моему, они совершенно бесполезны. Вот куда лучше иметь такого коня, как у тебя.

– Как у меня? – Митя на минуту вышел из оцепенения и внимательно посмотрел на Волкова. Его он помнил еще по Заречью: Митя тогда только приехал, а Ивану оставался год до Посвящения, поэтому они нередко пересекались в заколдованной деревушке.

– Ну да, я слышал, что на Русальем круге в первом состязании участвовал твой конь. И ваша команда тогда выиграла... Вообще, я не люблю все эти сплетни; честно кто-то выиграл или нет. Я не смог приехать на Русалий круг, да и не особо расстроился. Вот мне, например, все равно, честно ли выиграл ваш велий. Это так незначительно... Ведь в жизни есть куда более важные вещи, чем лошади, кафтаны и этот Круг...

– Угу.

– Как дела в Заречье? Как поживают наши старики-наставники?

– Извинишь? – спросил Митя и, не дожидаясь ответа, шагнул вперед: его взгляд уперся в высокую фигуру Димы Велеса. Тот был, как обычно, угрюм, от него веяло равнодушием. «Это именно тот человек, который мне сейчас и нужен», – вдруг понял Митя. Он вовсе не собирался затевать никаких бесед – так, обменяться парой вежливых реплик для виду, а затем, не отходя от Велеса, остаться наедине со своими мыслями.

Дима тоже рассматривал гостей, но в отличие от Муромца – без интереса.

– Привет. – Оставив позади болтливую Ивана Волкова, Митя поздоровался с Велесом.

– Виделись, – ответил Дима, но после короткой паузы добавил: – Как рука? Двигается?

– Разумеется.

– Значит, все не так страшно, как некоторые считают. Ты что, сбежал от Волкова? Прости, если это личное...

– Нет, не личное, – рассмеялся Митя, слегка удивленный его любопытством. – Я правда от него сбежал.

– Что он тебе говорил?

– Ну... что-то про свадьбы и рауты, которыми он сыт по горло.

Дима усмехнулся:

– Наверное, это моветон – признавать, что свадьбы и рауты тебе интересны. А мне нравится праздник. Да, очень приятный вечер.

Митя вежливо улыбнулся. Пожалуй, теперь можно было просто помолчать и подумать. Но он вдруг вспомнил, что именно Диму Велеса Анисья подозревала в связи с Темными. Одно время она была буквально одержима этой идеей! Что, если спросить у него о Звездинке? Так, ради интереса... и поглядеть на реакцию.

– Ты заметил, что Звездинки нет на приеме?

– Звездинки? – с безразличием отозвался Дима. – Нет, не заметил. Так его нет?

– Нет. Как думаешь, почему?

– Думаешь, я знаю? Если честно, мне все равно. Может, он носится со своим идиотским проектом по застройке Долины Гремящих Ветров, а может, придумывает что-нибудь еще более глупое...

– Ты тоже считаешь эту идею бредовой?

– Конечно! Каждый, у кого есть мозги, так считает! Если Звездинка так печется о судьбе колдунов, у которых нет возможности перебраться в один из наших городов из-за нехватки мест для жилья, пусть снесет половину своих загородных дач. Появится куда больше места для постройки жилого квартала.

– Да, мы с отцом тоже так считаем.

– Так почему твой отец не вмешивается?

– Вообще-то, он вмешивался. Они обсуждали этот план, и отец не дал согласия...

– Да, но проект приняли. Что же, получается, Муромцы теряют влияние? – Недобрая ухмылка исказила Димино лицо.

Митя промолчал.

Что-то кольнуло в груди: неприятно было такое слышать! Но неужели Велес прав? Почему отец не мог настоять на своем? словно каким-то образом Звездинка мог сдерживать его, Муромца, власть...

– Кстати, где твой... друг?

– Овражкин ведет интеллектуальные беседы с одним целителем. Они на веранде.

На этом разговор, казалось, закончился. По крайней мере, несколько минут Дима больше ничего не спрашивал, а Митя, до этого мечтавший погрузиться в размышления, теперь никак не мог сосредоточиться. Больше всего волновало то странное открытие, которое совершил Дима Велес: Звездинка стал влиятельнее Муромца.

Тем временем взгляд его упал на Женю Годунову, с сегодняшнего дня носящую фамилию своего мужа, Алексея Рублева. Это была милая девушка, крупная, с густой золотисто-бронзовой косой, причудливым образом уложенной на голове. Ее праздничный светлый наряд был верхом элегантности, простоты и хорошего вкуса. Платье дополнял неширокий золотой пояс-обруч – традиционный оберег, охраняющий невесту в день ее соединения с чужой семьей.

Когда внешний вид невесты отвлек Митю от мыслей об Анатолии Звездинке, Дима снова заговорил:

– Что-то сам Рублев невесел.

– Неудивительно. Он хотел жениться на моей сестре, а не на Жене.

Дима вдруг повернулся к нему с вытянувшимся, удивленным лицом:

– Правда?

– Ну да.

– И... что? Она...

– Отказала, естественно.

– Почему?

– Я откуда знаю. Слышал мельком, что Анисья обязательно хочет в мужа героя. Девчонки! Что с них взять?

– Героя? – недоверчиво переспросил Дима.

– Да. Романов начиталась, наверное.

– Как сентиментально! – раздался с другой стороны язвительный голос, и Митя увидел Севино лицо, озаренное насмешливой улыбкой.

– Овражкин! Наконец-то!

– Простите, что прерываю такие романтические разговоры, но, Муромец, как поживает наш великий план?

– План сгинул. Здесь нет того, кто...

Митя коротко кивнул Диме, взял Севу под руку и только открыл рот, чтобы продолжить, как за их спинами послышалось:

– Севастья-а-ан!

Друзья обернулись. Перед ними стояла пожилая женщина; ее волосы, невзирая на годы, были густого черного цвета, глаза и брови ярко подведены, а жилистые тонкие пальцы, похожие на птичьи когти, были украшены массивными перстнями.

– Бабушка? Привет. А ты что тут делаешь? – спросил Сева.

– Что я тут делаю? Пляшу и пью шампанское! Вообще-то, я прихожусь троюродной теткой матери невесты, так что вы с Женей, можно сказать, родственники, – заявила колдунья, взмахнув бокалом и выплеснув его добрую половину на кого-то из гостей. – Муромец! Приветствую! Ах, ну прямо мужчина! Жених! – Тут она снова повернулась к Севе, который мучительно пытался сообразить, кем же ему приходилась Женя Годунова, если ее мать была троюродной племянницей его бабушки. – Ну, Севастьян, забыл про свою бабку, не так ли? Совсем не приезжаешь!

– Так это потому что ты живешь в Небыли, – сказал Сева, бросив глупую затею высчитывать степень своего родства с Годуновыми.

– А ты бы перебирался ко мне, не хочешь? Нечего мешаться отцу и его этой, как ее...

– Бабушка не очень жалует Юлю, – уточнил Сева для Мити.

– А что ее жаловать, спрашивается? Вот мать твоя была другое дело – красавица, ведьма! Да не о ней речь! Как поживаешь? Говорят, все девок привораживаешь? Смотри, выбирай богатую. – Тут она снова поглядела на внука оценивающе и сама себе возразила: – А впрочем, кто ж за тебя пойдет, за такого нищего и конопатого?

– Спасибо, ба.

– Ой, а кто это к нам идет? Никак Долгорукая? Эльвира, Эльмира... как ее?

– Где?

– Да вон, мать вашей избранницы, Муромец.

И впрямь под звуки оркестра мимо гостей им навстречу плыла колдунья в длинном лиловом платье. На ее лице играла любезная улыбка.

– Митенька, вот ты где. Здравствуйте. Эльвира Долгорукая, – представилась колдунья, пожав руку Севиной бабушке. – И мне крайне приятно. Такой очаровательный вальс, почему же вы не танцуете?

– А я как раз собирался пригласить вас, – нашелся Митя, хотя это вранье далось ему совсем непросто.

– Вот как? Ну, тогда я очень вовремя.

– Бабуля, говорят, вальс очаровательный. Потанцуем? – Сева сделал серьезное лицо.

– Ох, ну и дьявол, ну и дьявол! Милочки, видите, он пригласил танцевать свою старуху? Не мешайтесь под ногами! Вот, подержите мой бокал! И лучше убегайте подальше от этого мерека! – До Мити доносились отдаляющиеся восклицания пожилой дамы.

– Ба, я не так уж плох, ты меня просто редко видишь!

– Митя, ты сегодня чем-то расстроен? – спросила Эльвира Долгорукая, озабоченно улыбнувшись. – Ты почти не общался с моей дочкой. Скажи, что-то не так?

– Пустяки. Марьяна разговаривала с подругами, и мне пришлось ее оставить – я им был не нужен, честное слово. Кажется, я только мешал обмениваться секретами.

– Ты очень тактичен. Но почти не танцуешь! Из-за руки?

– Нет, рука тут ни при чем. Нет настроения.

– Может, стоит прогуляться? – спросила Долгорукая, когда музыка закончилась. – Вон и Марьяна, кстати. Марьяна, крошка, иди сюда!

Митя обернулся в поисках Севы, словно надеясь на спасение.

Тем временем Анисья направлялась обратно в бальную залу вместе со Стасей, которая весь сегодняшний вечер забавляла ее свежими сплетнями.

– Что же ты ему ответила? – спросила белокурая колдунья, теребя жемчужинки на косе.

– Как это что? Сказала: «Подумай, кто ты и кто я?».

– Прямо вот так? Прямым текстом?

– Конечно. Еще сказала: «А ты о чем мечтал? Что я соглашусь стать твоей девушкой?

Кто же мне позволит!».

– Нет, ну ведь можно повстречаться немного... Никто тебе и не запрещал на самом деле...

– О Дажьбог, Анисья! Не будь наивной. Ну это же я так, чтобы он помучился.

– А-а, понятно. Кстати, собираешься замуж? Я слышала...

– От кого? – Стася остановилась и округлила глаза. Щеки ее пунцово зарумянились.

– Сорока на хвосте принесла. Или, как у нас говорит Илья Пророк, «сорока – ворону, ворон – всему городу». Ну так что?

– Ты слышала, что мне собираются сделать предложение?

– Да.

– Кто, Анисья? Кто же? – Стася побежала за Анисьей.

– Постой-ка, ты что, не знала?

– Ах, нет, конечно! – Стася прижала ладони к груди и так и застыла с открытым ртом.

Анисья, увидев это, рассмеялась. Стасе шел уже девятнадцатый год, и, хоть она была привлекательна и остра на язык, с женихами ей отчего-то не везло.

– Словно отворотили, – обронила как-то мать Анисьи. – Хороша девчонка, только никому не нужна.

– Ну так кто? От кого слышала?

– Ой, нет-нет! Не могу сказать. Понимаешь, не мой секрет, – с легкой издевкой отозвалась Анисья и зашагала быстрее. – Слышишь? Музыка стала громче. Идем скорее, я не хочу пропустить танцы.

– Конечно, идем. Но, может, скажешь? Хоть намек! Хоть одно словечко! Я и сама не прочь потанцевать. Надо выловить этого вашего целительского сына с черными глазами. Он прямо у меня из головы не идет. – Стася засмеялась. – Жаль, что он беден, а то... ах, да мне ж теперь не об этом думать надо...

– Почему жаль, что он беден? – машинально спросила Анисья.

– Так и не сделает хорошую партию. Если только станет чьим-нибудь любовником. Я бы не отказалась от такого... ну, смотря, конечно, кто будет моим мужем.

Анисья презрительно фыркнула и ускорила шаг, но далеко уйти ей не удалось: внезапно перед ними вырос Леша Рублев, виновник сегодняшнего торжества.

– Леша! – Обрадованная и взволнованная недавней новостью Стася обняла его за плечи. – Сбежал от невесты?

– Да нет, – он виновато улыбнулся, – пошел просто... просто... Я, кстати, как раз искал вас. Да, Анисья, можно тебя на пару слов? Извини, Стась.

– Да-да, я все понимаю. – Девушка хитро подмигнула Анисье.

– Пойдем вон туда, – предложил Рублев и повел Анисью обратно, подальше от зала. Он указал ей на одну из комнат и предусмотрительно прикрыл за спиной двери, когда она вошла. Повисло молчание. Анисья обернулась и с интересом поглядела на Рублева. Некоторая неловкость мешала ей начать говорить – после отказа от его предложения руки и сердца Анисья ни разу не оставалась с ним наедине.

– Поздравляю тебя со свадьбой. – Наконец она сама нарушила тишину, потому что если Рублев и хотел что-нибудь ей сказать, то отчего-то не решался. – Еще раз... хотя сегодня уже два раза поздравляла.

– Я хотел спросить... – вдруг сказал он, и тут Анисья заметила, что он покраснел то ли от танцев, то ли от волнения. – Давно уже хотел, да все не было подходящего момента. Кто, если не я?

– Что? – На лице Анисьи появилось удивленное выражение. Задавать таинственные и непонятные вопросы было совсем не в его духе.

– За кого ты собираешься выйти замуж, если не за меня? У тебя должен быть кто-то на примете, иначе ты бы не отвергла такую партию.

– Ты правда думаешь, что сейчас самое подходящее время для этого разговора? – озадаченно спросила Анисья, никак не ожидавшая столь нелепого поворота событий и не имевшая понятия, как следует реагировать.

– Просто ответь мне. Ведь ты же не просто так отказала мне. Я считал, что нравлюсь тебе, что у тебя есть чувства!

– Не слишком ли много ты о себе думаешь? – Ее лицо тоже залилось румянцем.

– Я так и знал! Не было у тебя никаких чувств. Ты красива и бессердечна, как все и говорят.

– Вот что, значит, про меня говорят? Значит, по мнению всех, я должна выйти за любого, кто сделает мне предложение?

– Нет, Анисья! – Рублев явно не прорепетировал свою речь до конца и не был готов к такому яростному отпору. – Ты меня неправильно поняла.

– Леша, твоя невеста скучает! Иди составь ей компанию. – Она резко повернулась к выходу, мечтая побежать со всех ног, но узкое облегающее платье не позволяло этого сделать. Рублев поймал ее за руку.

– Постой! Ну что мы как дураки! – Он горько рассмеялся. – Извини меня. Ты сегодня очень красива. Впрочем, как всегда. Я больше никогда не встречу такой, как ты. Ну почему, почему ты так поступила? Мы могли бы быть счастливы!

– Спасибо, я очень тронута. Но тебя правда ждет невеста. И она не будет счастлива, если узнает, что ты тут говоришь мне.

– Но ведь это должна была быть не она! Это должна была быть ты!

– Мне шестнадцать. Шестнадцать! Я еще не хочу замуж! Может, лет так через пять...

– Но мне надо было обзавестись женой...

– Значит, это судьба.

Он грустно улыбнулся, и его напор и смелость куда-то улетучились.

Анисья снова увидела перед собой того Лешу Рублева, который ей нравился: красивого, смешного, с добрым, чуть наивным лицом. И пусть Митя считал его самодовольным индюком, на Рублева невозможно было долго злиться, поэтому и сейчас она улыбнулась ему в ответ.

– Пойдем к гостям, – предложила Анисья. – Я потанцую с тобой, хочешь? Могу пообещать, что буду танцевать с тобой один танец на всех званых ужинах.

Он молча кивнул и медленно притянул Анисью к себе. Их лица все сближались, и Анисья так и не поняла, когда именно почувствовала прикосновение его губ, когда ответила на его поцелуй. Или это он ответил ей?

Внезапно шорох и скрип дверей оторвал их друг от друга. Анисья отпрянула от Рублева и обернулась, но ее взгляд выхватил только промелькнувший темный кафтан с еле заметной серебристой вышивкой на краю рукава, и сердце у нее вновь упало.

Сквозь приоткрытую дверь доносились звуки музыки, голоса и смех. Анисья взглянула на Рублева и направилась к выходу.

– Танец... – робко проговорил он.

– Танец будет, я же обещала.

В это время Митя поспешно покидал бальный зал, ведя за руку Марьяну. Он бы предпочел, чтобы к ним присоединился Сева, но тот куда-то исчез.

– С чего мама решила, что нам нужно выйти? Если честно, мне не хочется на улицу, – призналась Марьяна, кротко отводя взгляд.

– Но ты же не откажешься составить мне компанию?

– Нет...

За стенами поместья стояла душная испарина. По небу из-за дальнего холма крались дождевые облака, однако было жарко. Митя расстегнул ворот кафтана.

Дорожка через сад вела к небольшой белой беседке, расположенной на возвышенности и заросшей вьющимися розами. Из белых с мелкими трещинками круглых вазонов, расставленных вдоль тропинки, свешивались тяжелые синие листья. Вся зелень вокруг казалась набухшей от влаги.

В саду никого не было, кроме еще двоих – Вещего Олега и колдуна преклонных лет, идущего рядом. Митя только скользнул по ним взглядом, но Марьяна внезапно оживилась:

– О, я так и знала, что снова увижу их вместе!

– Кто этот человек? – спросил Муромец, которому лицо пожилого мага показалось смутно знакомым. Но они явно не были друг другу представлены.

– Николай Писарев, редактор газеты «Летопись-Экспресс».

– И что, Олег часто с ним общается?

– Долгая история. Однажды – давно – я подслушала их разговор на одном приеме. Писарев был в числе приглашенных, потому что профессор Звягинов должен был представить всем свое новое открытие и об этом нужно было написать в газете. Они с Олегом разговаривали очень тихо, словно не хотели, чтобы их услышали, хотя сидели тут же, вместе со всеми, и прямо рядом со мной. Но я же Земляная! Мне было скучно, вас тогда не было... – Она бросила взгляд на Митю и, убедившись, что он теперь внимательно ее слушает, продолжила: – Я от нечего делать стала подслушивать, о чем они говорят.

– И о чем же они говорили?

– О том, что потусторонние должны узнать о нас. Я знаю, что мой отец против этого. Все колдуны против. Мы столько лет прятались, жили отдельно...

– Почему они хотели, чтобы потусторонние узнали о нас? – Митя указал ей на скамейку в зарослях вьющихся роз. – Присядь.

Марьяна села и, по-детски округлив глаза, стала рассказывать дальше:

– В тот раз они этого не обсуждали. Но я знаю от папы, что именно было сказано. Этот Писарев, – она указала на пожилого спутника Вещего Олега, теперь уже шагающего далеко в глубине сада, – хотел получить поддержку у моего отца. Как они спорили!

– Так что же о потусторонних?

– Сейчас-сейчас. Они хотят, чтобы потусторонние узнали о нашем мире, потому что думают, это уменьшит возможность Старообрядцев использовать человеческие жертвы. Они думают, что если люди будут знать о нашем существовании, то будут готовы к противостоянию Темным. Какие глупости, правда? Я согласна с папочкой. Потусторонним не следует ничего знать. Они будут бояться нас и захотят всех истребить. Такое ведь случалось! И мне очень страшно от этого. Папа был зол. Я слышала, эта тема в обществе под запретом. Есть закон, разрешающий открывать нашу тайну кому-то из потусторонних только в исключительных случаях, и этот закон нельзя нарушать, потому что история пестрит плохими примерами.

– Это не закон, а что-то вроде всеобщей договоренности, – заметил Митя.

– Верно, но какая разница? Папа назвал Писарева и его единомышленников предателями и предупредил, что упрячет их в подземелье, если они станут подначивать остальных. Вот что, – Марьяна вдруг встала, – давай найдем моего отца и расскажем, что снова видели Вещего Олега со своим сообщником?

– Нет, – остановил ее Митя.

– Но... – Марьяна с удивлением обернулась.

– Сядь! Не надо никуда идти. Вещий Олег – твой будущий наставник, не стоит портить с ним отношения. Там, в Заречье, тебя не спасет от него даже папа. И... послушай, я не хочу, чтобы ты вообще говорила о том, что видела, своему отцу.

– Почему? – обеспокоенно спросила девочка.

– Неважно. Ты же не скажешь, да? – Теперь Митя и сам слышал в своем тоне привычную «муромцевскую» интонацию, не допускающую неповиновения, и на этот раз остался ею доволен.

– Ну хорошо... если тебе так хочется...

* * *

– На самом деле, Мик, это даже забавно. В Росенике многие взрослые гораздо лучше, чем их дети, разбираются в технике, которой пользуются потусторонние. Я недавно услышала, что они знают о компьютерах и умеют с ними обращаться. Кто-то даже прибегает к услугам Интернета. Хотя в Росенике в этом нет необходимости. У нас тоже, как и у вас, в городской библиотеке используют хрустальные шары для поиска книг, сведений об авторах и другой информации. К тому же у некоторых магов все-таки возникают проблемы с техникой. Огненные вызывают помехи своим присутствием и... Мик? Мик! – Полина обернулась, с удивлением поняв, что ее двоюродного брата нет рядом, хотя она только что не меньше минуты делилась с ним наблюдениями.

– Микоэль, где ты? – громко спросила она и, не получив ответа, поспешно схватила с вешалки первое попавшееся платье и принялась его разглядывать, чтобы как-то скрыть смущение: на нее настороженно поглядывала молодая француженка, зашедшая в магазин.

«Наверно, думает, что я чокнутая... разговариваю сама с собой».

Полина поплелась к примерочным, держа в руке случайно выбранное платье, а по дороге прихватила еще и юбку, сама не зная зачем: юбка была длинной, усыпанной бесчисленными яркими цветочками и отделанной по краю пышной оборкой.

«Такая бы точно понравилась Маргарите».

– Мик, – позвала Полина тише, заглянув в мужскую половину зала, но Микоэля нигде не было видно.

В примерочной она только приложила к себе платье и тут же отвесила его в сторону. На юбку она глядела долго. Ткань была мягкой, расцветка опять напомнила о Маргарите, и Полина с улыбкой подумала об их скорой встрече. Все лето они переписывались и перезванивались, а всего через каких-то пару дней должны были наконец увидеться. Она надела юбку и выглянула из примерочной: нет, Микоэля, который мог бы дать ей сейчас ценный совет, по-прежнему не было видно.

Не было поблизости и консультантов, но это и к лучшему, подумала Полина, не столь уверенно разговаривавшая по-французски, чтобы посоветоваться с кем-нибудь из них. Она опять повернулась к зеркалу.

– Ну, даже не знаю, идет ли мне, – сказала она вслух.

Только вдруг вместо своего отражения она увидела расплывающееся разноцветное пятно, словно по поверхности зеркала пошла мелкая рябь. Через пару мгновений видение исчезло, но вместо ряби появились два объемных выступа, напоминавшие нос и вытянутые губы, а чуть повыше – две выемки, очень смахивавшие на вдавненные глаза.

– *Bonjour!* – проговорило зеркало, шевеля своим серебряным ртом. – *Good morning*, доброе утро...

– Доброе утро, – отозвалась Полина, от неожиданности вцепившаяся в висевшее на крючке платье.

– Миленькие часики, – пробормотало зеркало. – С волхвометром. У папы взяли поносить?

Колдунья отдернула руку от вешалки и сунула часы прямо зеркалу под нос. Циферблат замерцал, на нем вдруг загорелась тонкая зеленая стрелка, до этого невидимая, – она описала круг и остановилась на последней отметке «магия зашкаливает».

– Значит, не мерещится...

– Вас приветствует Умное зеркало. Радو лицезреть вас в нашем магазине. Вижу, вы терзаетесь нелегким выбором между этим прелестным платьем, которое вы даже не стали мерить, и этой юбкой...

– Нет-нет, эту... это платье я возьму. – Полина, оправившись от шока, теперь покрылась краской: хорошо, что ей пришло в голову не мерить платье, – переодеваться при говорящем зеркале было неловко. – Вы, значит, просто зеркало?

– Умное зеркало! Я разговариваю на пятнадцати языках, разбираюсь в последних тенденциях моды, могу побеседовать о литературе и о новейших достижениях в косметологии...

– Хм... хорошо, – ответила Полина, чувствуя себя странно за этим разговором. – А с потусторонними... Я хочу сказать, не с магами, вы тоже беседуете... О литературе?

– Нет, ну что вы! – Зеркало зашлось приятным мужским смехом. – Как можно! Разве вы не знаете, что эти людишки не видят Умных зеркал? Они не могут со мной беседовать. Никак нет!

– Значит, нас сейчас не слышит девушка из соседней примерочной?

– Слышит. То есть она слышит вас, моя дорогая мадемуазель, а меня – нет. Она думает, что вы просто болтаете сама с собой.

«Бедняга! – подумала Полина. – Она уже второй раз за сегодня думает, что я не в своем уме!»

– Так что вы решили по поводу этой юбки? – спросило зеркало, напомнив Полине о том, что она все еще стоит, одетая в цветастую юбку до пола.

– Я... не знаю. Вообще-то, она ничего, но длина...

– Ничего! Скажете тоже! Да ведь это самая модная вещь сезона! – вскрикнуло зеркало, театрально закатив переливающиеся амальгамные глаза.

– Да? – неуверенно спросила Полина.

– Да-да-да! Берите! Берите ее, моя дорогая мадемуазель, и не пожалеете. Будете самой модной, самой красивой среди подруг!

– Вот самой красивой уж точно не буду, – весело улыбнулась Полина, подумав об Анисье.

– Говорю вам, будете, – заверило зеркало и тут же с бравадой выкрикнуло: – В моде хиппи! Длинные платья! Большие очки, цветочные мотивы!

– Ладно-ладно, я возьму ее. Буду самой модной и самой красивой. Но если все же не получится, подарю ее Маргарите.

– Кто такая Маргарита? – с любопытством настоящей сплетницы спросило зеркало.

– Прощайте, было приятно пообщаться, и спасибо за совет! – Полина прихватила платье с юбкой и вышла за шторку примерочной.

Микозля она заметила сразу же: ее взгляд упал на его русую макушку, едва она покинула примерочную, – Мик направлялся к кассам, в одной руке держа кипу вещей, в другой же сжимая мобильный телефон, в который он отчаянно тыкал пальцами, явно без какой-то надобности.

– Мама звонила, – с легким раздражением проговорил он, сунув телефон в руки Полине. – Сказала, мы срочно должны вернуться. Тебя там кто-то ждет. Ты это берешь? Давай сюда, я заплачу.

– Кто меня ждет? – удивленно воскликнула Полина. – Кто, она не уточнила?

– Может, и уточнила, но ты же знаешь... – Микоэль все так же раздраженно кивнул на телефон и пошел расплачиваться за покупки.

Через некоторое время они покинули магазин и оказались в торговой галерее.

Полина вцепилась в рукав Мика и, поудобнее перехватив пакет с покупками, оглянулась:

– Нам в другую сторону, лифт там.

– Нет, спустимся по лестнице. Мама сказала, чтобы мы сию секунду были дома.

– Это логично, по-твоему?

И действительно, чтобы дойти до лестницы, нужно было миновать не менее пяти магазинчиков, тогда как до лифта оставалось всего несколько шагов, но Микоэль, поглядев на кухню со снисходительной улыбкой и ничего не объяснив, повел ее за собой.

– Мик, ну что за привычка! Я не понимаю.

– Сейчас сама все увидишь.

– Все равно сию секунду мы не будем дома. Нам еще две остановки на автобусе. Если только такси поймать...

Лестница хорошо освещалась. Несколько ступенек вниз, и пролет кончился, за ним открылся еще один. В здании было всего два этажа, но, когда за нужным пролетом показался еще один, Полина насторожилась. Лампы тут горели не так ярко, цветные панно померкли, а за следующим поворотом и вовсе исчезли, растворившись на шероховатых бледно-зеленых, как осиновый лист, стенах, по странному стечению обстоятельств оказавшихся ужасно похожими на те, что были в подъезде дома дядюшки Феншо.

– Микоэль? Мы что, уже дома?

– Нет, тут живет мадам Бото, а мы под ней, ты забыла?

– Нет, не забыла... Но... Знаю, я должна была уже давно привыкнуть, тем более на физики мы постоянно разбираем все эти явления, но, по правде говоря, я все равно ничего не понимаю. Как мы тут оказались?

– Что? – переспросил Микоэль, обернувшись. – Когда ты так быстро говоришь по-русски, я ничего не успеваю разобрать.

– Ничего, Мик, ладно...

Они остановились у неприметной двери, возле которой стоял большой горшок с гортензией, и позвонили. Открыла Ольга Феншо, ее обычно немного встревоженное выражение лица стало еще более встревоженным:

– О, мои дорогие. Наконец-то, вас уже ждут. То есть не вас обоих, конечно, а Полюшку.

– Да кто же меня ждет?

– Наставник. Пройди в гостиную.

Полина осторожно отворила дверь и сначала увидела только грузного месье Монье, который сидел в кресле, положив свои опрятные белые руки на подлокотники.

– *Bonjour, Monsieur.* – Полина вежливо улыбнулась.

Месье Монье почему-то не ответил. Он только важно склонил голову, похожий на откормленного гуся, и снова погрузился не то в медитацию, не то в глубокие размышления о чем-то. Это показалось странным: Монье почти всегда был так весел и энергичен, что вся его большая фигура, то и дело колыхавшаяся от раскатистого хохота, никак не вязалась с образом целителя, который, по представлению Водяной колдуньи, должен был быть либо сухим и язвительным, как Густав Вениаминович, либо немногословным и спокойным, как Даниил Георгиевич. Месье Монье же не упускал возможности рассказать кому-нибудь очередную анекдотичную историю, которых в запасе имел, должно быть, миллион штук. Вот Полине, например, он постоянно говорил про девушку: она приходила к нему лечиться тридцать четыре раза, причем всегда с новой проблемой. И каково же было удивление почтенного лекаря, когда он догадался, что девушка просто влюблена в его молодого соседа и приходит каждый раз только для того, чтобы случайно столкнуться с ним на лестнице!

Полина готова была и в этот раз услышать новые подробности интригующего романа, но месье Монье оставил без ответа даже ее приветствие. Зато взгляд колдуньи тотчас упал на другую фигуру, при виде которой внутри у нее что-то радостно задержалось. Опираясь на подоконник и глядя в окно, к ней спиной стоял широкоплечий высокий мужчина. Увидев его длинные волосы и черный плащ-куколь, Полина чуть не захлебнулась от радости, догадавшись, что Странник – а это был именно он – приехал, чтобы отвезти ее в Заречье.

– Александр Владимирович! Здравствуйте!

Странник не отозвался.

«Да что сегодня со всеми? Или со мной... Никто не слышит моего голоса? – удивленно подумала она. – Кхм».

На этот раз стоявший у окна мужчина обернулся, и обернулся резко, будто ожидал увидеть за собой не хрупкую девушку, а какого-нибудь опасного Старообрядца. Он перевел на Полину взгляд немигающих синих глаз и остался стоять неподвижно.

– Здравствуйте, – уже робко повторила Полина, не вполне понимая, что происходит. Ей тут же вспомнился телефонный разговор с Маргаритой. Подруга сказала, что из-за того нападения в лесу был прерван обряд посвящения веля и что Лиса лишь чудом осталась жива. Может, из-за этого Странник так напряжен? Может, это повлекло страшные последствия, а она сидит тут, во Франции, и ничего не знает?

– Полюшка, детка. – Ольга Феншо как раз в эту секунду зашла в гостиную. – Я отменю твой визит в парикмахерскую, ты уже не успеешь сходить подстричься. Твой наставник пришел, чтобы проводить тебя к целителю.

– К целителю? – уточнила Полина, переведя взгляд с лица тети на лицо Странника, словно надеясь, что он исправит слово «целитель» на «Заречье».

– Да. Вот месье Монье дал согласие на то, чтобы другой целитель вместе с ним занялся твоим... недугом.

Монье медленно кивнул.

– А дядя? – спросила Полина.

– Ну разумеется, месье Монье связался с ним! Дядя заботится о твоём здоровье, и поэтому...

– Но ведь со мной все в порядке... вроде... Приступов за этот месяц не случилось.

– Да, но новый целитель, кажется, знает, как тебе помочь...

Полина обернулась к Страннику и месье Монье, удивленная тем, что они не произнесли ни слова с минуты ее появления в комнате.

– Мне нужно отправиться с вами прямо сейчас?

– Именно, – ответил Александр Владимирович, все так же пристально глядя на нее. Его голос непривычно резанул Полинин слух.

– Когда же мы вернемся?

– От целителя ты сразу поедешь в Заречье.

– Здорово! – Полину это заявление заметно обрадовало. – Тогда я сбегаю к себе в комнату, соберу быстро вещи. У меня все почти уже сложено, осталось самое необходимое.

– Постой! – Странник вытянул вперед руку, будто пытаясь удержать Полину. – Тебе ничего не понадобится. Мы позаботимся, чтобы вещи доставили в Заречье к твоему приезду.

– Да, но... Нужно взять хотя бы маленькую сумку... Зубную щетку, кое-что из одежды.

– Ладно, – ответил Странник с легким нетерпением в голосе. – Но поторопись. Не забудь, что завтра утром ты уже будешь в Заречье.

На душе вдруг стало тревожно. Александр Владимирович был сам не свой – это сразу бросалось в глаза. Выглядел он, в общем, неплохо, даже шрамы исчезли, но в глазах его светилось волнение, в движениях чувствовалась неуверенность, да и то, как он сказал ей «ладно»... как-то слишком холодно, слишком резко...

В своей комнате Полина машинально кинула в сумку расческу, блокнот, который валялся на столе, достала из ящика смену белья, из ванной взяла зубную щетку, с прикроватной тумбочки ручку и наконец замерла, лихорадочно соображая, что еще может понадобиться до завтра. Следом за ручкой в сумку отправилась книга Франсуазы Саган, под которой, как оказалось, лежало небольшое черное перо коршуна. Полина повертела его в руках, а потом воткнула в прическу, как сделала когда-то на балу в поместье Муромцев.

«Теперь все», – сказала она себе, еще раз мысленно перечислив все, что лежало теперь в сумке.

В гостиной месье Монье все еще сидел в кресле, Александр Владимирович застыл у окна. Ольга Феншо подошла к племяннице:

– Вещи я твои соберу, сегодня же отправлю их по адресу.

– Ладно, спасибо. Положи новое платье и юбку, они у Мика.

Тетя в сердцах прижала Полину к груди и долго-долго не отпускала.

– Ну что ты, будто навсегда прощаемся, – отмахнулась от нее Полина. – Ты и не заметишь, как придет зима и я снова приеду к вам и потрачу все ваши сбережения на новые платья.

– Приезжай, приезжай, моя детка. – Тетя смахнула слезу. – Мы тоже постараемся тебя навестить.

– Хорошо. Я пойду попрощаюсь с Микоэлем, а ты поцелуй за меня дядюшку.

Вскоре Полина вышла на улицу вместе с Александром Владимировичем, который крепко взял ее за руку, заверив, что ей сейчас опасно идти одной. Она согласно кивнула, не решаясь спросить у этого грозного человека, с чего вдруг ей стало опасно ходить одной, когда еще утром она свободно гуляла по этой самой мостовой. Странник волновался и не скрывал этого. Полина заметила, как нервно он оглядывается по сторонам, вздрагивает от малейшего звука, точно в любую секунду ожидает нападения со спины. Да и улица выглядела пустынной.

Полина ощутила, как по спине пробежали мурашки. Вдвоем со Странником они все дальше уходили от центра города, сворачивая в закоулки, о которых Полина раньше не знала, и теперь волнение передалось и ей. Что такого могло произойти, из-за чего понадобилось срочно отвезти ее к другому целителю? Может, кто-то из прорицателей увидел, что совсем скоро с ней случится очередной приступ, от которого ее не спасло бы даже средство месье Монье?

– Месье Монье! – спохватилась Полина. – Я даже не попрощалась с ним!

– Неважно, – послышался тихий ответ, и Странник зашагал быстрее, так, что Полина еле успевала за ним.

«А может, – гадала Полина, – Темные узнали о том, что я живу тут? Оттого и понадобилось поскорее увезти меня отсюда? Поэтому Странник так нервничает! Неужели за нами следят? Связано ли это с тем, кто напал на нас с Марго в лесу после окончания Русальего круга? И что теперь стало с Дарьей Сергеевной? Если весь Русалий круг задумывался только ради посвящения веля в царстве нежити, то наверняка она теперь чувствует себя виноватой в том, что сбежала с этого самого посвящения!

Тем временем переулки сменялись переулками, запертые двери открывались, темные проходы выводили путников на другие узкие улицы. Циферблат Севиных часов на Полининой руке не переставая мерцал.

«А вдруг, – Полина все размышляла и не решалась заговорить с Александром Владимировичем, – что-то случилось с кем-то из наших? С Маргаритой, например? Вдруг тот нападавший запомнил ее! И нашел!»

В ней зашевелился настоящий страх. Определенно что-то произошло! И явно что-то нехорошее! Странник начал торопиться, он резче тянул ее за руку, чуть ли не вталкивал в дверные проемы, оставаясь суровым и мрачным. Перед ними как раз выросла очередная дверь, когда Полина набралась храбрости и заговорила:

– Скажите, случилось что-то плохое?

Александр Владимирович, отпиривший одной рукой тяжелую дверь старым потемневшим ключом, медленно обернулся. Полину новой волной окатил нахлынувший страх. Взгляд наставника красноречиво сказал о чем-то, но о чем именно, Полина не поняла, точнее, попыталась уверить себя в том, что не поняла. Липкий морозец пробрал до костей, так, что Полина с трудом сдержала дрожь, но интуиция что-то хладнокровно нашептывала в отказывающееся воспринимать правду ухо.

Полина не смогла вынести этого страшного взгляда и опустила глаза. Тут-то и пришла внезапная подсказка: на пальце руки, намертво сжавшей ее кисть, поблескивал перстень с большим камнем... бледно-розовым камнем, в сердцевине которого, как маленькое пламя, мерцали голубые разводы.

«О, его ни с чем не спутать, – где-то в воспоминаниях Полины рассмеялась Маргарита. – Сам он розовый, а изнутри льется голубой свет. Это аспилат. Защищает от Огненной магии».

Полина вздрогнула, попыталась выдернуть ладонь из грубой руки, но ничего не вышло, и она беспомощно посмотрела на Александра Владимировича.

– Зачем вы носите аспилат? – спросила Полина дрожащим от страха шепотом.

Странник покосился на открывшийся дверной проем. По его непроглядному мраку она догадалась, что перед ними лежит пространственно-временной туннель.

– Я не войду туда, пока не ответите. Скажите мне... зачем вам аспилат?

Странник не отозвался и толкнул ее вперед.

– Стойте! – вскрикнула Полина, почувствовав боль в руке. – Зачем вам защищаться от Огненной магии, если вы сам – Огненный?

Ответом был негромкий презрительный смешок.

– Пустите меня! – Полина закричала во все горло, чувствуя обволакивающий ее ужас. Господи, это надо же было быть такой душой! Обо всем ведь можно было догадаться с самого начала! – Я знаю, кто вы, знаю! *Aidez! Aidez-moi!!!*¹

Картина выстроилась слишком быстро. Она ведь не ощущала никакой Огненной магии. Если задуматься, она не ощущала вообще ничего. Значит, колдун скрывал свою силу. Зачем? Как жаль, что этот вопрос только теперь пришел ей в голову. Теперь, когда она уже догадалась, кто стоит перед ней.

Полные отчаяния вопли девушки потонули в глухих коридорах туннеля, и молодой человек, прибежавший на крик в эту подворотню, увидел только неприглядную серую улочку и заколоченную старую дверь.

Тем временем Ольга Феншо, чувствуя неясное беспокойство, безо всякой причины зародившееся в ней сегодня с самого утра, долго стояла на крыльце, глядя вслед исчезающим вдали племяннице и наставнику из Заречья. Наконец, когда они пропали из вида, она тяжело вздохнула и вернулась в квартиру. Она никогда не любила прощания.

– *Peut etre une tasse de café?*² – крикнула она доктору из прихожей, но ей никто не ответил.

– Михаил! Месье Монье уже ушел? – еще громче прокричала она, на этот раз обращаясь к сыну.

– Как он мог уйти, если ты все время стояла у двери?

– Ох, верно! – Ольга всплеснула руками. – Что за глупости я говорю.

Она скинула туфли и заглянула в комнату.

– Месье Монье... месье Монье!

Почтенный лекарь все так же сидел в кресле, только голова его безвольно и нелепо свешивалась на грудь, как у игрушки со сломанной шеей.

– Месье! – Ольга подскочила к колдуну. – Вам плохо?

¹ Помогите мне! (фр.)

² Может, чашечку кофе? (фр.)

Она прикоснулась к его лицу и тут же отдернула руки – кожа гостя была холодной, неприятной на ощупь, гладкой, словно искусственной.

– Мик, – прошептала она сперва тихо, а затем позвала уже громче, изо всех сил: – Ми-и-ик!

Через несколько секунд в комнате появился ее сын.

– *Maman?*

Ольга беспомощно указала на целителя.

– Он мертв! – воскликнул Микоэль.

– Что случилось с ним, Мик? Что-то с сердцем?

Микоэль поднял голову пожилого мага и ужаснулся: глаза того ввалились, под ними на коже чернели круги, от самого лба к подбородку тянулась странная розоватая рябь.

– Проклятие. Его название тебе ничего не скажет. Специалист по Темным проклятиям умер от проклятия... Кто это мог сделать? Где тот человек, что пришел за...

Тут Микоэль в страхе взглянул на мать, и они вместе беззвучно произнесли:

«За Полиной...»

Глава вторая. Лисья хворь

Вот уже который день подряд небо продолжало тяжелеть, вбирая в себя все больше и больше мелких сиреневых туч, подползавших со всех сторон. Изредка несколько из них проливались дождем, но это был дождь мелкий, теплый, а грозовой оттенок облаков, наслаивающихся друг на друга, предвещал совсем другое.

– Будет гроза, – сказала молодая колдунья ребенку в коляске, которую она остановила возле витрин, где были выставлены новые платья господина Ламонова.

– Будет. Верно, – кивнула им пожилая пара, перед тем как свернуть в Солнечный сквер.

– Будет гроза! – крикнул один мальчишка другому, пиная мячик, отскакивавший не от земли, а от воздуха.

– Надеюсь, никакой грозы не будет! – сказала Анисья Василисе, откидывая за плечи кудри, разлетавшиеся от ветра. – О, ты видишь? Вон Тихон, и Таня, и Фадей. Ну надо же! Мы за сегодня столько знакомых встретили.

– Кстати, как прошла свадьба Рублева? Я читала в «Летописи», но это было скупое описание официальной части.

– Естественно, самого интересного там не могло быть написано, – произнесла Анисья, замывшись, и ее лицо покрыл легкий румянец. – Потому что все самое интересное, как известно, происходит за закрытыми дверями.

– О, что же там было?

Девушки уже свернули с центральной улицы, миновали два больших особняка, фабрику чудес, институт научной магии, порталную станцию и теперь шли к окраине города, в сторону железнодорожной платформы, куда никакие поезда не приходили, за совсем редким исключением, которое и составлял сегодняшний день.

– Начну с того, что все были в восторге от моего платья. Его сшили из русалочьей парчи: ее мне на день рождения подарили Долгорукие. Они, наверное, думали, что я положу ее в сокровищницу и буду сдувать с нее пылинки. – Анисья засмеялась, а потом продолжила: – Теперь про Стасю Романову. Знаю, что ей собираются сделать предложение, но я не сказала ей кто! Она чуть не лопнула от любопытства!

– Но это ведь не самое интересное из того, что случилось, правда? – с улыбкой спросила Василиса.

– Конечно, не самое! Вася, ты не представляешь! – Анисья остановилась прямо посреди дороги и понизила голос. – Рублев, Леша Рублев, меня поцеловал!

– Поцеловал? При всех?

– Да нет, ты что! Конечно, не при всех! – Белокурая колдунья снова пошла вперед, увлекая за собой подругу. – Ой, я даже не знаю, что бы тогда было...

– А что же ты?

– Я? Я вроде бы тоже его поцеловала... Это вышло так неожиданно... Но знаешь! Я зла! Он вздумал обижаться на меня за то, что я ему отказала. Но разве я виновата, что он не годится мне в мужа?

– Но я всегда думала, что ты ему симпатизируешь.

– Я этого и не отрицаю. Но, Василиса, как я могу выйти замуж за такого несерьезного человека? Мне не нравится, что он постоянно веселый, что он бывает несобран, что не стремится развивать свои силы... Он думает, что все дается легко. Конечно, так и есть, но, наверное, это нехорошо для мужчины – так думать... Ты меня понимаешь?

– Не совсем.

– Ну вот возьмем Севу... Это так, только для сравнения!

Тут и закончилась дорога, упершись в то, что можно было бы назвать вокзалом, не будь это здание таким неприметным и бесполезным. На путях стоял поезд – наоборот, громоздкий и яркий. Он был непривычной частью городского пейзажа. На этот раз это был поезд дальнего следования. Чистые окна дружелюбно блестели, в них смутно виднелись разложенные спальные полки. «Мурманск – Анапа» – бежала надпись на яркой полоске. Была открыта дверь только одного вагона, и из нее вышла, поставив на платформу чемодан, высокая черноволосая девушка, а за ней смуглая пожилая женщина с серебряной сединой.

– Это она! Она! – спохватилась Анисья, напрочь забыв о сравнении Севы с Лешей Рублевым.

– Маргарита! – Василиса вслед за Анисьей бросилась к приехавшей подруге.

– Девочки! Вот это да! Бабуля, ты посмотри, меня встречает сама Анисья Муромец. Меня что, выбрали главой светлого сообщества вместо Ирвинга?

– Марго, ну ты как всегда! – рассмеялась Анисья.

– Здравствуйте, девочки. Анисья, большая честь. Как вы все похорошели – прелесть!

– Как, и Анисья тоже похорошела? – Маргарита театрально выронила сумку. – Все, Вася, нам с тобой пора сворачивать в монастырь – все равно уже никаких принцев нам не видать!

– Ну что ты говоришь, болтушка! – Бабушка всплеснула руками. – Ладно, давайте-ка найдем извозчика. У Риточки столько вещей...

– За теми домами у дороги мы видели такси. Возьмите одно, пусть довезут вас до Белой усадьбы, – сказала Анисья. – А мы лучше прогуляемся.

– Отдадим таксисту мои вещи, а я тоже пройдуся, – воскликнула Маргарита. – Да и бабуля. У нее как раз в городе дела.

– Рита, видишь этот зеленый домик? Там раньше жила моя близкая подруга. – Бабушка тем временем остановилась посреди переулка и с грустью поглядела на заброшенное здание. – Но дом умирает, когда умирает его настоящий хозяин. И даже детям моей подруги не под силу его восстановить.

– Так подруги нет в живых?

– О, она умерла давно. Много воды с тех пор утекло.

Возникла неловкая пауза. Девушки переглянулись, а бабушка молча смотрела на улицу.

– А у вас нет дома в Росенике? – поинтересовалась Анисья, чтобы оживить разговор.

– Нет, деточка. Я живу в Суздале. Хотя вот в последнее время подумываю о том, чтобы прикупить здесь что-нибудь, – все же удобнее, и к Риточке ближе. Да только домов свободных в Росенике нет. Да и в других наших городах тоже. Правда, я слышала, в Долине Гремящих Ветров собираются строить...

– Нет, там точно ничего строить не будут, я от папы знаю, – возразила Анисья, изящным движением откинув прядь волос с лица.

– Жалко, а то ведь колдунам и селиться негде. Вы думаете, почему я уехала в Суздаль? Да потому что волшебных городов на всех не хватает. – Они тем временем свернули на центральную улицу. Маргарита тут же обратила внимание на парикмахерскую, где на высоких стульях сидели только мужчины, и лишь в самом углу можно было разглядеть одну колдунью: два мастера соорудили на ее голове сложную прическу. За парикмахерской располагалась кофейня, внутри которой сквозь окна виднелись настоящие березы прямо посреди зала.

– Но я никак не могу себе представить, как можно жить с потусторонними! – проговорила Анисья.

– Да ладно тебе! Ты могла бы жить в шикарном коттеджном поселке, в каком-нибудь огромном доме с конюшней... Хотя... ты права, такой особняк, как у вас, явно бы выделялся на фоне таунхаусов, – усмехнулась Маргарита.

– В первое время, конечно, жить в потустороннем городе сложно. Особенно, когда ты привык, что тебя окружают чудесные вещи: нож-саморезка, печка с пирожками, избушки на

курих ножках... Но со всем постепенно свыкаешься. В мире потусторонних тоже много чудесных вещей, которые удивляют.

– Но вы ведь не могли колдовать!

– Так как мой муж был потусторонним, мне было легче жить с ним в его родном городе.

Представьте, насколько ему было бы сложно в окружении магов.

– А он знал, что вы колдунья? – спросила Василиса.

– И да, и нет. Он звал меня колдуньей, но даже не подозревал, как близок к правде. Я не могла обойтись без магии, но всегда старалась не использовать ее у него перед глазами. В то время, когда я его встретила, в Тридевятиом государстве было неспокойно. Участились стычки между Светлыми и Старообрядцами. Поэтому проще было обосноваться среди потусторонних, не упоминая о своих способностях. – Она улыбнулась. – А потом у нас родились дети, и я решила, что семья для меня важнее. Я даже обрubiла многие контакты со своими старыми друзьями-магами.

– Я вот не могу себе этого представить, – вступила в разговор Маргарита. – Как можно променять эту жизнь на жизнь без колдовства?

– Магия повсюду, независимо от того, колдуешь ты сама или это делает кто-то другой. Я любила твоего деда и готова была ради него пожертвовать своими занятиями. После его смерти, когда я стала замечать, что магия передалась и тебе, я поняла, что от судьбы не уйдешь. Стала восстанавливать какие-то связи, знакомства.

– Нет, не могу представить, бабуля. Ты же такая жизнерадостная, энергичная! И жила спокойно с бабушкой, не интересовалась событиями, происходившими у колдунов?

– Ну почему же не интересовалась? – лукаво улыбнулась бабушка. – Я вела переписку с Ольгой, подругой из того зеленого дома. Тем более в Суздале не я одна колдунья. Мы иногда встречались, обменивались информацией. Ведь не все отказываются от колдовства. Кто-то посвящает своих потусторонних мужей или жен в эти тайны, кто-то живет с другими магами.

– А сейчас у вас в Росенике есть друзья? – поинтересовалась Василиса.

– После Русальего круга мне пришлось сразу несколько весточек от старых знакомых. Было интересно узнать, что с кем произошло за эти годы. Сегодня я договорилась встретиться с другом, которого не видела около сорока лет.

– А я-то думала, зачем ты меня провожать поехала, да еще и принарядилась!

– Так это свидание? – подхватили Василиса с Анисьей.

– Ой, девочки, хватит вам! Нашли кого слушать! – Бабушка укоризненно посмотрела на Маргариту. – Ну все, здесь я вас оставлю. До свидания, Василиса. До свидания, Анисья.

Она взяла Анисьину руку:

– Постарайтесь навсегда остаться такой, какая вы сейчас. Если вам это удастся, то, я верю, мир станет лучше...

– Я постараюсь, – с растерянной улыбкой проговорила Анисья, не до конца понимая смысл адресованных ей слов.

– Бабуля, до свидания! – усмехнулась Маргарита. – Поторопись, а то до *свидания* у тебя осталось мало времени.

– А тебе бы все смеяться, – пожурила ее бабушка и крепко обняла.

* * *

Целитель шел в кромешной темноте, полагаясь на чутье и старую привычку, и скоро они привели его к скрипучей двери, которую он нашарил прямо перед собой. На Заречье уже опускались летние влажные сумерки, никого из обитателей видно не было. Целитель оставил позади себя избушку Яги и быстро зашагал напрямиком к лазарету. Густав Вениаминович, мест-

ный лекарь, прислал короткое письмо с просьбой как можно быстрее явиться, поэтому Даниил Георгиевич вошел уверенно, без стука, – он знал, что его уже ждут.

Помещение было слабо освещено кристаллом-световиком.

– Как я понял из послания, проблема касается Хитриной? – сразу же спросил он, увидев за столом Густава Вениаминовича.

– Да, – ответил Жаба. – Но вы присядьте.

– Нет, спасибо. Я полагаю, снова требуется стирание памяти?

– Да, верно. Я говорил, что не стоит вас тревожить, но она отказывается иметь дело с кем-то, кроме вас.

– Это нормально. Я в прошлом занимался ее воспоминаниями. Воспоминания, знаете ли, очень дорогая вещь, даже если они причиняют боль. Человеку трудно отдать их одному целителю, не говоря уже о нескольких разных. Но не волнуйтесь, вы меня не отвлекли. Я вполне готов к этой работе. Но что произошло? Нервный срыв? Кто-то потревожил ее прошлое?

– И то, и другое, и третье... Вы что, еще не знаете? Девочка пропала. Полина Феншо.

– Подождите... Как это пропала? – Даниил Георгиевич от неожиданности сел на стоявший так кстати позади него стул. – Водяная колдунья?

– Ну вот, я же вам сразу предлагал сесть. Да, пропала Водяная колдунья. Мои запасы «жидкого спокойствия» уничтожены за раз. И как это до вас еще не дошло такое известие?

– Но как это могло случиться? За ней следили, за домом, где она жила, за ее родственниками... Да как же это так?

Лицо Густава Вениаминовича болезненно искривилось, страх, предчувствие большой надвигающейся беды исказило его черты:

– Ее охраняли. Это вообще странный случай. Были соблюдены все меры предосторожности. Но...

– На этой почве у Дарьи Сергеевны... сдали нервы? – уточнил Даниил Георгиевич.

– Да, возможно. – Густав Вениаминович нагнулся поближе к коллеге и произнес шепотом: – Боюсь, она видела в девочке свою погибшую дочь... Вы же знаете, с тех пор она немного не в ладу с собой. А тут такое...

– Верно-верно. – Целитель поспешно встал. – Это тяжелый удар для всех нас, а для нее – особенно.

Густав Вениаминович медленно прошел к двери, ведущей в лазарет, и, открыв ее, впустил целителя внутрь. Даниил Георгиевич тотчас увидел колдунью, одиноко сидевшую в окружении десятка белоснежных кроватей. Она глядела в окно, держа в руках толстую книгу, но, как только услышала, что дверь открылась, обернулась.

– Здравствуй, – сказал Даниил Георгиевич, не стараясь скрыть ни свое беспокойство, ни глубокое неприятное удивление от услышанной новости.

Колдунья в ответ улыбнулась.

Выглядела она так, словно ничего плохого не случилось. Глаза ее были сухими и, как всегда, безжизненно-желтыми.

– Добрый вечер, Даниил.

Целитель опустил на соседнюю кровать.

– Для чего ты хотела меня увидеть? – Он знал, что Лиса хочет стереть очередной кусок памяти, но необходимо было услышать ее собственный ответ. – Заранее хочу предупредить, что я знаю о потере, которую переживаешь сейчас не только ты, но и все светлое сообщество; те, по крайней мере, до кого уже дошли известия. Но девочка может найтись. Поэтому стирание воспоминаний о ней...

– Ты неправильно понял. Я не хочу стирать воспоминания о Полине, – при упоминании этого имени она снова улыбнулась. – Есть другая часть моей памяти.

– Какая же?

– Это воспоминание связано с годами, когда я проходила Посвящение.

– Почему ты не отдала мне его в прошлый раз?

– Не знаю, тогда оно казалось незначимым. А теперь часто всплывает. Оно мне снится, превращается в кошмар. Преследует меня, будто там кроется та крупица, которая в будущем разрослась и превратилась в огромную черную дыру вот здесь. – Она указала на свою голову.

– Это не дыра, – объяснил целитель. – Это часть твоей жизни, о которой ты больше не помнишь.

– Да, я знаю. Я рада, что есть способ избавиться от мыслей, способных свести с ума. Плохо лишь то, что в этой пустоте на месте исчезнувшей памяти плодятся чувства и ощущения, они множатся, становясь многократно сильнее пережитых на самом деле.

– Именно для этого ты должна расстаться со всеми воспоминаниями, касающимися неприятной темы. С любыми осколками, ведь именно они и порождают эти сонмы чувств. Так что давай начнем. Ты помнишь, что от тебя требуется? Полное погружение, ты должна раствориться в своих воспоминаниях и пустить в них меня. – Он замолчал, но через мгновение продолжил: – Я спрашиваю это всегда. Ты точно уверена?

– Да-да, – кивнула Лиса. – Мне незачем это хранить.

– Закрой глаза, три глубоких вдоха. Вспоминай что-нибудь... окружение, время года...

– Это утро, совсем раннее. Я люблю раннее летнее утро. Трава еще мокрая от росы, в воздухе туман, но сквозь него уже проглядывает солнце. Росинки сверкают, ты видишь?

Целитель тоже закрыл глаза.

– Смутно. Какого цвета лес вокруг?

– Он голубовато-зеленый. Такого холодного оттенка, но верхушки деревьев золотые от солнечных лучей.

– Иди вперед.

– Трава шуршит, роса с нее скатывается...

– Странно, я будто... очень маленького роста...

– Это потому что мы не в человеческом теле, – отозвалась Дарья Сергеевна.

– Ясно. Тогда переходи к воспоминанию о людях. Мне нужны их образы.

Даниил Георгиевич теперь как будто поднялся с колен, он увидел тот же самый лес, ту же самую траву, только уже с высоты своего привычного роста. И вместо утренней прохлады его кожу грело солнце.

Вот он уже сидит на шатком деревянном мостике. Внизу бежит река. Такая знакомая... мелкая... звонкая... Он и сам, когда проходил Посвящение, любил сидеть на этом мосту.

– Мы на месте? – спросил он.

– Да. Похоже на начало. Что было до этого, я почти не помню.

– Отмечай каждую мельчайшую деталь, чтобы памяти не за что было потом зацепиться.

– Хорошо.

Даниил Георгиевич продолжал видеть все происходящее глазами Лисы. Прозрачная вода, гладкие камни на дне, сверкающие солнечные блики.

Рядом сидел человек, он обнимал Лису за плечо.

Целитель видел уже знакомый ему портрет: черные волосы до плеч, синие глаза. Волосы лезли парню в глаза, и он убирал их рукой. Целитель ощущал легкое прикосновение ветра, запах воды, зелени.

– До этого несколько дней шли дожди, поэтому, земля мокрая. Мы пришли посидеть сюда после встречи с наставниками, я смотрю на небо, как по нему плывут облака, это я почему-то отчетливо запомнила, – продолжала Дарья Сергеевна.

Даниил Георгиевич видел и это голубое небо с легкими рваными облаками, и, когда опускал голову, поверхность старого деревянного моста.

– У Саши все пальцы в кровотокающих порезах. Они учились справляться с физической магией, а он всегда забывался и выставлял руки вперед для защиты. Вот и выходило, что ладони у него вечно разбиты, – добавила Лиса. – Мы просто сидим и молчим, я, кажется, думала про то, что хочу есть. – Она усмехнулась. – Мы ждем *его*, *он* должен скоро прийти.

– *Хватит обнимать мою девушку!* – До Даниила Георгиевича внезапно донесся громкий голос. Он увидел молодого мага, как две капли воды похожего на сидящего парня. Тот быстро взбежал на мосток.

– Я была рада его появлению, кажется, он сел рядом, сбросил Сашину руку с моего плеча. Мы очень долгое время были друзьями, а как раз незадолго до этого дня *он* предложил мне быть с ним вместе.

Теперь Даниил Георгиевич видел двух совершенно одинаковых молодых людей.

– Мы говорили про наставников, а потом почему-то сменили тему на старообрядцев.

До Даниила Георгиевича доносились фразы из разговора, но они были приглушены – казалось, он слышит их через стакан, приложенный к стене:

– *Вы чего так рано освободились? Неужели Ирвинг и Остромыслов сегодня были добренькими?* – спросил только что подошедший парень.

– *А почему это тебя не было сегодня на встрече с Остромысловым?* – усмехнувшись, поинтересовался его брат-близнец.

– *Он на прошлой встрече повздорил с ним, вот и решил в этот раз отсидеться дома,* – с ехидной усмешкой пояснила Лиса. – *А по поводу добреньких – не знаю, скорее они выглядели взволнованными. Ирвинг пришел к нам на площадку, и они быстро нас отпустили.*

Ее голос звучал в ушах целителя намного яснее и громче остальных.

– *Да, и мы как раз думали, с чего бы это вдруг им так нервничать. Ходят слухи, что у Темных снова перемены в составе предводителей и что это может вылиться для нас в проблему,* – продолжил Саша.

– *Вдруг на нас решат напасть?* – Внезапно слух целителя выхватил это короткое предложение из череды других.

– Ну и наивными же мы были... – прошептала Лиса.

– Отнюдь. Не волнуйся, все рано или поздно начинают задумываться о борьбе Темной и Светлой сторон, и все говорят об этом так, будто знают на самом деле, что происходит. Мы были такими же. Таков и мой сын, и Муромец. Не волнуйся...

– *Я сомневаюсь, что это случится скоро,* – задумчиво произнес первый близнец, – *им ведь надо подготовиться. Говорят, их новый предводитель очень хороший стратег.*

– *Главное, чтобы он был плохим воином,* – продолжал веселиться второй. – *Что вы так смотрите? Я просто не понимаю, зачем надо переживать ранние времена.*

Братья обменялись какими-то колкостями.

– *Кстати, вы слышали, что отца Марата убили?* – Опять четкий голос Лисы в голове.

– Кто? – спросил Александр.

– *Люди из нашей дружины. Я случайно услышала разговор Остромыслова с другим наставником. Этот остолоп никак не возьмет в толк, что в Заречье полно ушей, шапок-невидимок и колдунов, умеющих пользоваться Отводом глаз. Они говорили, что отец Марата поставлял информацию старообрядцам.*

– *Да не могли его убить, мы никого не убиваем! Наверняка его просто упрятали в под-земелье.*

– *Все равно! Страшно думать, что вокруг могут ходить предатели.*

– *А что, если он просто боялся за свою жизнь?* – неожиданно возразил близнец Александра. – *Ведь старообрядцы умеют припугнуть. Может, его заставили стать их бессловником?*

– Они могут лишь пустить пыль в глаза! – В голосе его брата звучали гневные нотки, которые не ускользнули от острого внимания целителя. – Это глупое оправдание. Он должен был сообщить кому-нибудь обо всем. Его смогли бы защитить.

– Кто? Дружинники? – Другой брат усмехнулся. – Они в последнее время все хуже исполняют свою работу. Я бы им свою жизнь не доверил. Вы судите поверхностно. Что, в конце концов, такого ужасного в поставке информации? Сомневаюсь, что, занимая свою должность, он владел какой-нибудь секретной информацией.

– Да ты что, – снова громкий голос Лисы-подростка, – из-за него они могли проникнуть в город. Представляешь, что бы было?

– Почему вы смотрите односторонне? Вот если Светлые убивают Темных, то они герои. А Темные, убивающие Светлых, – негодяи и убийцы. Я, конечно, не оправдываю никого. Но на Светлом сообществе тоже лежит большая вина за эту бесконечную войну, – продолжал он, вызывая негодование друзей. Даниил Георгиевич четко видел недовольное лицо его брата и чувствовал напряжение, овладевавшее в тот миг Лисой.

– Какая же вина? – спросила Дарья.

– Они сами ее начали и они ее продолжают.

– А что, мы должны спокойно смотреть, как они используют потусторонних? – В голове у целителя голос Лисы стал почти оглушительным.

– Можно просто не вмешиваться. Мы живем так, они – так.

– Они убивают!

– Мы тоже!

– Мы караем! – Ледяной голос первого близнеца, молодого Странника, донесся до Даниила Георгиевича. – Тем более мы точно не знаем, как Светлые маги расправляются с предателями.

– Раньше все колдуны использовали магию крови. Потом какая-то группа решила отделиться и перестала использовать эту магию. Но почему другие должны от этого отказываться? Если так делали их деды, прадеды? Мы же не обвиняем волков в том, что они убивают других зверей.

– Волков? – Даниил Георгиевич видел теперь двух спорящих братьев в некотором отдалении. Видимо, Лиса в этот момент встала и отошла в сторону.

– Куда ты? Убегаешь от разговора? – попытался остановить ее тот из братьев, что обвинял Светлых.

– Ты хоть сам понимаешь, что говоришь? – Даниил Георгиевич снова четко видел глазами Лисы его лицо.

– Не совсем. – Улыбка окончательно исчезла с его лица. Он стал абсолютно серьезен, было видно, что он не раз об этом думал: – Если честно, я немного запутался в том, что здесь хорошо и правильно, а что – плохо. Светлые начали войну, пытаясь переубедить Старообрядцев. И эта война повлекла за собой намного больше жертв, чем жертвоприношения Темных. Вот и думайте сами.

На этом воспоминание оборвалось. Даниил Георгиевич открыл глаза и посмотрел на сидевшую напротив колдунью.

– Все в порядке? – спросил он. – Что было дальше?

– Не помню. – Она дышала слегка учащенно.

– Сделай несколько глубоких вдохов. – В его голосе снова зазвучали успокаивающие интонации. – Теперь проверим. Ты помнишь что-нибудь о том дне, когда вы сидели с Александром и Игорем Македоновыми на мосту? Мост над Нищенкой, в конце Енотова тупика, направо и еще раз направо. Ты поняла, о каком месте я говорю? Вам, кажется, было лет по семнадцать.

– Вообще-то, мы часто там сидели. Что именно тебя интересует? – медленно ответила Лиса и с болезненной гримасой сморщила лоб, силясь выдернуть что-нибудь из своей памяти.

– Что-нибудь необычное. Какой-то особенный день, особенный разговор.

– Нет, все достаточно однообразно.

– Хорошо, очень хорошо. Твое любимое время суток?

– Утро. Раннее.

– Напиток?

– Морс.

– Да, верно, морс. Это я помню. Еда?

– Колобок.

– Колобок? – удивленно спросил Даниил Георгиевич.

– Ну да, колобок. Жена Нестора Ивановича печет отличных колобков специально для меня.

– Ладно, а теперь выпей вот это.

На прикроватной тумбочке появился стакан с отваром, приготовленным Густавом Вениаминовичем.

– И ложись спать. Ты будешь ощущать тревогу, сожаление, беспокойство... Ты знаешь. Но это надо перетерпеть. Утром все встанет на свои места. До свидания. – Целитель пожал ей руку и направился к двери.

– Постой. Даниил... а это воспоминание... то, что теперь у тебя... о чем оно? – Она протянула руку, будто могла ухватиться за ускользающие образы прошлого.

– Не волнуйся. В нем не было ничего особенного. Не надо так расстраиваться, ведь это всего лишь воспоминание. И я уверен, что у тебя в запасе есть еще достаточное количество ему подобных, чтобы вдоволь себя помучить, – улыбнулся он.

* * *

– Как странно... Зачем нам надо идти на собрание с Велес? Мы же не в первый раз тут. – По всем расчетам Анисьи, в тоне Маргариты, задавшей этот вопрос, должен был звучать привычный сарказм, а потом могла последовать какая-нибудь острая шуточка про возвращение в Заречье Маливиничка или про открытие клуба по интересам для богатых наследников Росеника, но ничего из этого не произошло.

Анисье и самой показалась необычной просьба Веры Николаевны явиться на общее собрание, которое обычно проводили для колдунов, прибывших в Заречье в первый раз.

– С другой стороны, – убеждала себя Анисья, – Велес иногда собирает нас для того, чтобы объявить о каких-то изменениях в правилах. Может, и сейчас она скажет что-то подобное? Ну, например, сообщит, что переносится на другое число важный обряд? Или вторая четверть луны больше не будет свободным днем?

– Да, с чего бы это? – удивленно проговорила Василиса.

– Не знаю, может, Маливиничок вернулся? – Анисья отметила, что произнесено это было просто по привычке: Маргарита даже и не рассчитывала кого-то рассмешить.

Поляна, пропитанная Воздушной магией и окруженная деревьями, заметно расширилась, чтобы вместить в себя всех воспитанников. Толпа гудела и рябила, Анисья, Василиса и Маргарита бестолково потоптались с краю в попытках пробраться ближе к середине, но вскоре стало понятно, что им это вряд ли удастся.

День был странным. Во-первых, что-то творилось с погодой. Небо все чернело и набирало тяжесть, так за всю неделю ни разу и не пролившись настоящим дождем. Оно прогибалось, словно резиновое, но исторгало лишь мелкие редкие капли, больно разбивавшиеся о кожу. Во-вторых, именно сегодня должна была вернуться в Заречье Полина – наставники уже пару

дней как принимали в гости воспитанников, а Розалия Павловна пекла горы пирожков для столовой, но Водяной колдуньи все не было.

Подруги молчали, будто повергнутые в уныние мыслью о возвращении в Заречье Егора Маливиничка, и думали каждая о своем. Анисья беспокойно искала глазами брата и Севу, зная, что их появление обязательно внесет в ее тревожное состояние какую-то определенность, но их нигде не было видно. Зато из толпы вдруг вынырнула тоненькая девушка. Ее сопровождали две колдуньи, их лица знакомо мелькнули перед глазами Анисьи.

– Анисья, привет! – Марьяна Долгорукая уставилась на сестру своего жениха с неподдельным восхищением. – Как дела? Ой, и где только ты достанешь такие красивые платья?

– Привет. – Анисья не сразу справилась с удивлением и только через секунду вспомнила, что Марьяне уже исполнилось четырнадцать лет и ее ждало Посвящение в Заречье.

– Это Ниночка и Настенька. – Марьяна представила своих подружек.

– Василиса, Маргарита, – ответила Анисья. – Впрочем, вы уже знакомы.

– Да. – Марьяна только теперь обратила внимание на Маргариту с Василисой, скользнув по ним снисходительным взглядом. – Кажется, мы виделись на совершеннолетию Дмитрия...

После этой фразы она потеряла к ним всякий интерес и опять повернулась к Анисье, сияя улыбкой:

– Ну, а где Полина Феншо? Водяная колдунья?

– Еще не вернулась.

– Вот жалость. – Марьяна переглянулась с Ниночкой и Настенькой, и те ответили ей расстроенными вздохами. – А то Ниночка так хотела поглядеть на нее! Ну ладно, тогда мы вас оставим – Велес сказала, чтобы все, кто тут впервые, заняли места поближе к ней.

Когда они удалились, даже не удостоив Маргариту с Василисой прощальным взглядом, Огненная колдунья схватила Анисью за локоть:

– У меня только один вопрос: почему она назвала Митю Дмитрием?

– Это его полное имя.

– Анисья, я знаю. Я имела в виду, что никто не называет его так, кроме нее.

– Ну да... Может, ей так больше нравится.

– И вообще, на балу она показалась мне какой-то другой.

– Какой? – спросила Анисья.

– Не знаю. – Маргарита нахмурилась, глядя туда, где исчезла Марьяна Долгорукая. – Просто другой, и все.

Голоса и шум листьев в густых кронах вдруг стали затихать. Вера Николаевна показалась из-за деревьев, которые от ее прикосновения изогнулись, образовав проход, и двинулась к вытоптанному пятачку земли в середине поляны. Анисья внезапно увидела брата, столкнулась с ним взглядом, но тут же снова потеряла его в сомкнувшейся за спиной наставницы толпе.

Велес попросила всех сесть. Хоть давно накрапывал мелкий дождик, примятая трава оказалась сухой и теплой.

Как обычно, собрание началось с приветствия новеньких, с рассказа о четырех стихиях, о Заречье, о наставниках. Между стволами деревьев все-таки сумел прокрасться ветер: он облетел поляну, потрепал распущенные волосы девушек, пошелестел берестой, на которой новички делали для себя пометки, и затих. Зато дождь заморосил сильнее.

– Меняется мир, а вместе с ним меняется и Заречье, – Велес произнесла эти слова и на несколько секунд замолчала. – Я расскажу о нескольких новых правилах. Теперь покидать деревню разрешено только тем, кто прошел Посвящение. До Коляды у всех остальных будет лишь один свободный день для посещения дома.

Изумленный шепоток, вызванный последними словами главной наставницы, пробежал вдоль рядов.

– Эти правила распространяются и на Белую усадьбу? – выкрикнул кто-то из молодых людей.

– В этот раз в Белую усадьбу мы не отправимся.

– Что? – Василиса удивленно посмотрела на Анисью.

– Не переедем в Белую усадьбу? Как это так? – Анисья ответила ей вопросом.

– Да, верно. – Голос Велес прозвучал ветром в ветвях. – Сейчас не самое спокойное время для непосвященных. Над нашим сообществом висит серьезная угроза, а юные колдуны – наше будущее, поэтому мы стараемся укрыть их от любой опасности.

– Какая угроза?

– Каждый раз одно и то же, – сокрушенно проговорила Маргарита. – Даже когда все отлично, все равно нам что-то угрожает. Ну и мир. А как же покупки? Бумага, одежда, сладости?

– На стороне старообрядцев, – Велес холодно оглядела толпу, – Водяная колдунья. – Стоило главной наставнице произнести последние слова, как все вокруг замерло: оборвался тихий шелест листьев и шорох травы под ногами. Воцарившаяся тишина тяжелым покрывалом опустилась на головы колдунов.

– На этом собрание окончено. – Не обратив внимания на то, что все застыли на своих местах, Вера Николаевна обернулась серым зайцем и исчезла.

Анисья не сразу поняла смысл фразы, она словно ждала ее продолжения, но, когда увидела, что Велес исчезла, медленно повернулась к подругам и посмотрела сначала на Василису, а затем на Маргариту. Лица у них были такие каменные, что больше походили сейчас на лики статуй.

– Какая еще Водяная колдунья на стороне Старообрядцев? – тихо спросила Маргарита побелевшими губами.

Заяц мелькнул совсем близко, сверкнув дымчатыми лапками, и протиснулся между корнями деревьев, отделяющих полянку Воздушных от всей деревни.

– Вера Николаевна! – Первой очнулась Василиса и кинулась догонять наставницу.

Маргарита с Анисьей бросились за ней вслед, не услышав, что сзади их окликнул Митя.

– Вера Николаевна! Подождите! – Девушки бежали через поле, пытаясь угнаться за главной наставницей. – Пожалуйста! Пожалуйста, подождите.

Наконец, вняв их просьбе, заяц замер и в одно мгновение обернулся пожилой колдуньей с длинными седыми волосами.

– Водяная колдунья на стороне Темных? Это правда? Как это случилось?

– Я сказала все, что вам следует знать, – спокойно проговорила Вера Николаевна. – Больше никаких сведений, которыми я могла бы с вами поделиться, у меня нет.

– Какая Водяная колдунья? – выкрикнула Маргарита.

– А вы знаете многих? Полина Феншо, конечно.

И, больше ничего не сказав, Вера Николаевна снова исчезла, на этот раз превратившись в кого-то настолько маленького, что подругам даже не удалось разглядеть, в кого именно. Хотя никто из них уже не старался увидеть и остановить ее. Они остались стоять, глядя друг на друга пустыми растерянными взглядами, и ни у одной не нашлось слов, которые можно было произнести.

Поток магов, словно ручей, вырывающийся из-за стены леса, огибал их неподвижную троицу, проносясь мимо с шипением, шуршанием и всплеском сотен голосов: все обсуждали только что услышанные новости. А Василиса, Анисья и Маргарита продолжали молча смотреть друг на друга.

Митя, заметивший это, собрался подойти к ним, но Сева взял его под руку и предостерегающе оттащил назад:

– Не надо, они сами разберутся. Поговоришь с ними попозже.

– Беда не дуда: станешь дуть, а слезы идут. – Парни обернулись к Илье Пророку. Казалось, старик не заметил ребят, хотя прошел совсем рядом. Невозможно было понять, расстроило или удивило его известие о похищении Водяной колдуньи и слышал ли он вообще слова Велес. Он удалялся в сторону леса, продолжая что-то бормотать.

* * *

Река в этом месте сильно сужалась, превращаясь в стремительный ручей, и журчала звонко, но по-осеннему грустно. Казалось, что вместе с бурлящим потоком воды уносилось вдаль и все хорошее, что когда-либо случалось. Иссушенный солнцем вейник сплошь покрывал небольшой бережок и рваными пучками торчал вдоль тропинки, ведущей к маленькому мосту, сложенному из нескольких почерневших от влаги бревен. Эта неказистая кладка пряталась от взоров под кронами яблони-дикарки и старого орешника, чьи листья пропускали немного солнечного света и бросали на воду резные тени. Большие водомерки скользили по поверхности речки, оставляя за собой тонкие следы, которые тут же затягивались и исчезали в быстром течении. На мосту, свесив ноги вниз, сидела Василиса и смотрела на шумный ручей. Ветер трепал и путал ее рыжие волосы. Все вокруг казалось ей странным. Сколько раз они с Анисьей пугали Полину разговорами о том, что Темные только и мечтают ее схватить. Но разве кто-нибудь из них думал, что это может случиться на самом деле? Разве кто-то предполагал, что это когда-нибудь станет реальностью? Так как же все произошло? Что не так сделали Светлые колдуны? Каким образом они упустили Полину в то самое время, когда поблизости оказались Старообрядцы? Все это было так страшно и так непонятно, что хотелось заплакать.

Рядом с Василисой, застыв в неудобной, неестественной позе, сидела Маргарита. Она вздрогнула и с усилием потерла пальцами лоб.

Своим присутствием колдуньи как нельзя лучше дополняли тоскливый пейзаж. Ими даже залюбовался сам водяной – его лицо вырисовывалось в подводной тине, а вздохи были слышны в камышах: затащить бы под воду таких красавиц, вот бы вышли русалки! Близилась осень, и ее начало почувствовалось как-то совершенно внезапно. Вот только что еще был конец лета, а теперь вдруг... раз, и мрачное покрывало опустилось на землю, приглушив сочную зелень, а небо нависло низко и грозно. Только осталось пятно рыжих волос Василисы и ярко-красная рубашка Маргариты.

После собрания прошло несколько часов.

Митя и Сева ступали тихо. Они прошли насквозь весь Енотов тупик, повернули направо за старым дубом и стали пробираться сквозь заросли высокой травы.

– Что ты собираешься им сказать? – спросил Сева.

– Не знаю, возможно, это они нам что-нибудь скажут.

Срезав через поле оставшийся путь, парни наконец увидели перед собой хлипкий мосток и сидевших на нем Василису и Маргариту. Девушки не обратили на них внимания, хотя не могли не слышать шуршания травы совсем рядом, и Митя с Севой, тоже не произнес ни слова, опустились на бревна.

Сева свесил ноги и уставился на ботинки, покрывшиеся от ходьбы семенами каких-то растений.

– Вы давно здесь? – спросил он, в конце концов решив нарушить скорбное молчание.

– Не знаю точно, – пожала плечами Василиса. – Если честно, кажется, что прошла вечность. – Она повернулась к ребятам. – Как вы нас нашли?

– Моя сестра посчитала, что вы должны быть тут, – ответил Митя.

– Мы еле спрятались от всех, кто засыпал нас вопросами. Мы попытались поставить здесь защиту, но вас она почему-то пропускает.

– Извините, что помешали вам.

– Нет, вам мы рады, – спохватилась Василиса.

– Мы могли бы встретиться и попозже... В целом мы хотели только узнать, когда последний раз кто-нибудь из вас виделся или разговаривал с Полиной.

– Маргарита ей звонила. – Василиса повернулась к подруге. – Маргарита? Ой! Что с тобой?

Сева перегнулся через спину друга и взглянул на колдунью.

– Она дрожит! – испуганно воскликнула Василиса.

Сева вскочил на ноги и ловко пробежал по узкому краю моста, чтобы добраться до Маргариты. Он схватил ее за запястья:

– Посмотри-ка на меня.

Девушка медленно подняла сильно побледневшее лицо. Глаза ее были красными, покрытыми тонкой сеточкой лопнувших сосудов, зубы стучали, словно от холода, кожа покрылась мурашками.

– Все хорошо...

– Нет-нет, все совсем не хорошо! – возразил Сева. – Когда это началось? Только что?

– Не знаю. Мне вдруг стало холодно. Недавно. Очень холодно. И пустота какая-то дикая... – Маргарита снова вздрогнула.

– Что с ней?

– Похоже на Лисью хворь. Температура уже высокая. Эта болезнь заразна. Если что-то такое почувствуете, скажите Жабе. Пойдем, Маргарита. Тебе нужно к Густаву Вениаминовичу. Ну? Сама сможешь идти?

Маргарита кивнула, и Сева помог ей перейти через мост.

– Вы останетесь тут? – Он взглянул на Митю.

Тот тут же повернулся к Василисе.

– Если мы можем как-то помочь... – взволнованно начала она.

– Ей сейчас может помочь только целитель, – сказал Сева. – Ты лучше расскажи Муромцу все, что слышала за последнее время о Водяной.

– Я почти ничего не знаю. – Василиса с грустью поглядела на свое отражение в воде, когда Сева с Маргаритой ушли. – Маргарита разговаривала с Полиной по телефону. Она вот-вот должна была вернуться в Заречье.

– На самом деле я могу кое-что тебе рассказать, – признался Митя. – Это обсуждали Старейшины. Я только хотел уточнить у вас детали. Потому что выходит, что тех, кто должен был охранять Полину, просто-напросто обвели вокруг пальца...

– Как?

– За Полиной приехал Александр Владимирович. Он пришел вместе с месье Монье – тем лекарем, который занимался Полининым проклятьем, – поэтому Полинина тетя даже не заподозрила неладное, хотя должна была: никто ведь не предупреждал их семью, что Странник явится за Водяной в этот день. Не заподозрили и те, кто должен был следить за домом Феншо.

– Подожди, я ничего не понимаю... Почему Александр Владимирович приехал за Полиной?

– Ты ничего не слышала про его брата-близнеца?

– Да, слышала, Полина рассказывала. Лиса была за ним замужем.

– Это был он, а никакой не Александр Владимирович. Хотя Македонов сейчас тоже под подозрением – одно время он был не на нашей стороне.

– Нет... разве он мог?

– Многие семьи теперь требуют, чтобы его не допускали к наставничеству. Это естественно – новость об исчезновении Водяной вызвала панику.

Василиса поежилась.

– Замерзла? – вдруг спросил Митя взволнованно. – Может, у тебя тоже эта Лисья хворь?

– Просто ветер стал холоднее. – Василиса мотнула головой и поглядела на небо. – И дождь опять начинается.

– Пошли к деревне. – Митя снял кофту, надетую поверх рубашки, и протянул Василисе.

– Нет-нет, спасибо. Мне правда не холодно.

– Знаешь, лучше возьми. Овражкин свалит всю вину на меня, если ты заболеешь, – улыбнулся Митя.

Дождь резко усилился, и небо разорвалось на части молнией.

– О, а вот и гроза, наконец... Ее предсказывают уже неделю. – Василиса закуталась в кофту. – А что говорит тот целитель, месье Монье, каким образом брат-близнец Александра Владимировича вышел на него?

– Он уже ничего не говорит, – помрачнел Муромец. – Его нашли мертвым в комнате, когда колдун, притворившийся Македоновым, увел Полину.

Василисины глаза от изумления расширились.

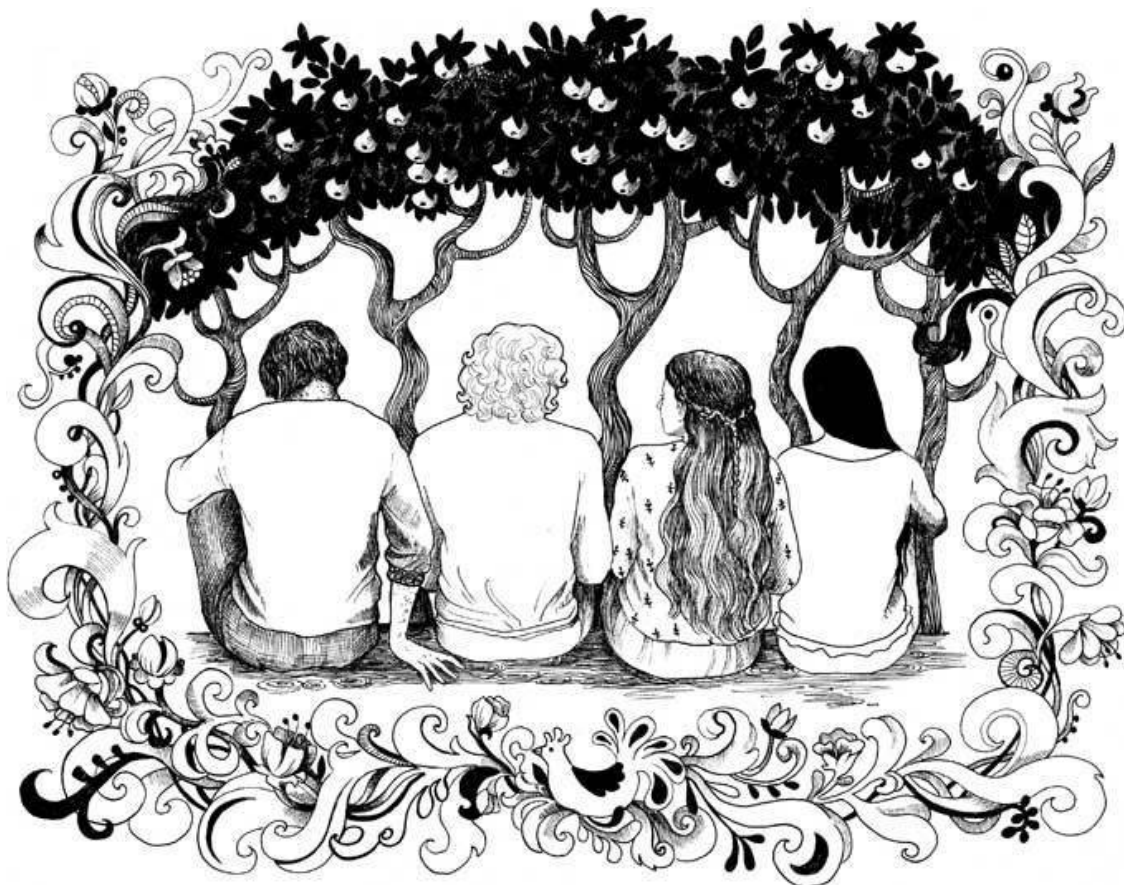
– Но что же сейчас может быть с Полиной! Что они могут с ней сделать?

– Я уверен, что с ней все будет... если не в порядке... то... По крайней мере, они не причинят ей вреда, ведь она им нужна, – отозвался Митя, поглядев нерешительно на Василису. – Она нужна им для совместного колдовства.

– Но они не смогут заставить ее перейти на их сторону!

– Согласен. Ее магия для них такая же загадка, как и для нас.

– Но, Митя. – Муромец слегка вздрогнул, когда нежный голосок произнес его имя, однако Василиса этого не заметила, продолжая брести по дорожке и крепче обхватив себя холодными руками, которые не согревались даже под шерстяным свитером. – Меня мучает один вопрос... И он гораздо важнее того, как Старообрядцам удалось похитить Полину. Как нам теперь похитить ее у них?

На этот раз Митя пожал плечами.

– Но если ты что-нибудь узнаешь на Вече Старейшин, если услышишь от отца какие-нибудь новости, ты ведь скажешь нам? – Василиса подняла на него глаза.

– Конечно.

Еще несколько минут они шли молча, а дождь тем временем превратился в настоящий ливень, и, когда вся земля содрогнулась от оглушительного громового раската, Василиса предложила пробежаться до дома. Вместо двух магов на дорожке тут же появились белка и белый кот, и через пару мгновений их задние лапки мелькали уже между рядами избушек на курьих ножках.

* * *

Несмотря на довольно поздний час, в столовой было многолюдно. Однако вместо привычного веселого гомона, который царил здесь, когда маги приходили поужинать после встреч с наставниками, Вещего Олега встретила гнетущая тишина. Колдуны, проделавшие путь в темноте под проливным дождем, лишь еле слышно перешептывались. В одном конце за небольшим столом сгрудились девушки в вымокших белоснежных плащах, ближе к центру, рассевшись на длинных скамейках, расположилась группа травников. Холодный влажный воздух, липнувший к каждому, кто входил, явно говорил о том, что меньше всего здесь Огненных; некому было наполнить столовую теплом и громкими разговорами. После собрания с Велес большинство обитателей Заречья впали в странное состояние. Они были напряжены и молчаливы, на встречи с наставниками в этот день не явился ни один колдун. Казалось, что такую новость, как похищение единственного Водяного мага, будут обсуждать яростно и оживленно, но жители деревушки просто сидели, уткнувшись в полные тарелки, – к еде почти никто так и не притронулся. Наверняка Розалия Павловна это предвидела, но все равно не смогла оставить воспитанников без ужина. В темноте по земле стелился едва различимый голубоватый туман – плод какого-то волшебства.

Вещий Олег бросил взгляд на единственный стол, за которым шла более-менее оживленная беседа. Эбонит Павлович и Федор Кошечевич – последний редко посещал столовую, предпочитая ей уединенные ужины в своем тереме, – сидели друг напротив друга. Рядом с ними Густав Вениаминович изучал журнал, изредка вставляя замечания в диалог двух наставников.

Каждый год в это время, даже несмотря на частенько случавшееся ненастье, юные маги и некоторые наставники собирались в Говорящем саду, где под предводительством Розалии Павловны обрывали созревшие яблоки. Затем все дружно рассаживались за огромный стол, резали фрукты и дальше чего только не делали: варили варенье, давили сок, скакали по яблонам, обстреливали друг друга гнилыми плодами.

В общем, в прошлые годы в эту пору в Заречье несколько дней царило настоящее веселье.

– О, Олег, какая удача, что вы зашли! – Эбонит Павлович первым заметил наставника по Легендологии и махнул ему рукой, указывая на свободное место.

– Да, в такой ненастный вечер единственное спасение – это какое-нибудь людное место, – улыбнулся молодой колдун, садясь за стол.

– Вы не знаете, где остальные наставники? – хитро прищурившись, спросил Эбонит Павлович, хотя буквально минуту назад сам же рассказывал Федору Кошечевичу, что старейшины вызвали Велес в Росеник. «Только такой случай, как похищение Водяной колдуньи, мог заставить Веру Николаевну посетить их собрание», – заметил он.

Вещий Олег лишь подтвердил его слова:

– Знаю только, что Вера Николаевна отправилась в город на Вече.

– У Нестора Ивановича приболела жена, – прогнусавил целитель, не отрывая взгляда от свежего номера «Сорокиного хвоста». – Говорят, ужин готовили неофиты. Нервы Розалии Павловны уже давно шалют, а известие о похищении Водяной совсем подкосило старушку.

– Я знаю, – протянул Вещий Олег. – А я все ждал, когда же они пригласят нас в гости! Но встреча откладывается вот уже второй день подряд.

– Говорите, Веру Николаевну вызвали на Вече? – словно не обращая внимания на слова Густава Вениаминовича и на последнюю жалобу Вещего Олега, спросил физимаг.

– Да. Водяную похитили прямо у нас под носом – невиданное дело! Я слышал, что Старейшины крайне недовольны.

– Кем же? – уточнил Эбонит Павлович.

Молодой наставник замялся:

– Ирвингом, естественно. Все пришли в ужас, когда узнали, что к Водяной не было представлено должной охраны. На какое-то время она оказалась во Франции совсем одна. Ну, разумеется под присмотром наших французских коллег, но я бы не стал слишком уж полагаться на них. Да и эта история с Македоновым...

– С Македоновым? – Лицо физимага вытянулось от удивления.

– Ну вы же знаете, что он был странником, – нехотя продолжил Вещий Олег. Разговор заходил не в то русло. Молодому колдуну нравился наставник Огненных, но идти против мнения влиятельного большинства, которое не питало к нему доверия, он все же не решался.

– Александра подозревают в причастности? – взволнованно спросил Эбонит Павлович, наклоняясь к Олегу и переходя на шепот, – среди магов, не спешащих покидать в этот вечер столовую, больше половины были Земляными и обладали острейшим слухом.

– Это запутанная история, – постарался отмахнуться Олег. – Ирвинг, конечно же, не подозревает его. Но девочку похитили за день до того, как ее должен был забрать из Франции именно Македонов. Когда твое прошлое связано со странниками, такие совпадения вызывают беспокойство.

Густав Вениаминович, который уже дочитал газету, теперь внимательно прислушивался к словам молодого наставника, и выражение его лица демонстрировало крайнее неудовольствие от происходящего, словно он с самого начала знал, что решение сделать бывшего странника наставником не закончится ничем хорошим:

– Я предупреждал Велес, что это абсурдная затея. Тем более что его родной брат уже давно на стороне Темных.

– Чей брат? – Федор Кошечевич потрянул головой, словно очнувшись ото сна, и внимательно посмотрел на целителя.

– Неужели вы не знаете? Игорь Македонов. Он проходил Посвящение в Росенике вместе с Александром и Дарьей.

– Да... – задумчиво произнес Эбонит Павлович. – Способный был мальчик, очень способный. Помню, он делал большие успехи в Физимагии.

– Судя по последним событиям, он продолжает делать успехи, только уже в других областях и на другой стороне, – заключил Вещий Олег, допивая хмельной квас.

* * *

Все погрузилось во тьму. Про такие ночи говорят, что это Перун вновь пустился в погоню за неуловимым змеем на своей колеснице, обрушивая на землю гром и молнии. Редкие вспышки яркого света на доли секунды срывали черную пелену с неба, так что можно было увидеть, как бушует море у подножия голых скал и как чайки неистово кружат над морской пеной. Поместье Уточкино гнездо выглядело зловещим и давно покинутым. Казалось, это не

ветер завывает, попав в капкан утесов и скал, а духи, запертые в старинном особняке, воют, прося о пощаде.

Незванный гость смиренно следовал за старым слугой, который удосужился лишь сухо поприветствовать его, а теперь шел молча, изредка недовольно покашливая. По очереди коридоров, увешанных старинными картинами, они дошли до одной из гостиных. С порога могло показаться, что в комнате никого нет: она, как и мир за стенами дома, утопала в темноте. Но, приглядевшись, колдун заметил человека, стоявшего спиной ко входу. Глава Светлого сообщества смотрел в окно, словно в этой непроглядной тьме можно было увидеть хоть проблеск света или надежды.

– Я не мог не прийти, – первым нарушил непереносимую тишину Странник. Тонкие струйки дождевой воды стекали с его плаща прямо на ковер, оставляя темные лужицы.

– Черная Курица уже была у тебя? – в ответ спросил Ирвинг, продолжая смотреть в окно.

– Да, я отправился сюда сразу после ее ухода. Значит, она теперь в твоей дружине?

– Я сделал ее главой боевых магов. Она заслужила. Значит, она тебя отпустила? – Что ж, у меня нет основания не доверять ей.

– Но ты сомневался. – Голос Странника звучал обреченно.

Когда сегодня днем в дверь избушки постучали, он сразу заподозрил неладное: к нему уже давно никто не приходил с хорошими новостями. Суровое лицо Черной Курицы, которая тут же применила к нему Связывающие чары, подтвердило догадку. Похищена Водяная колдунья. Из дома дядюшки ее увел он – Странник. По крайней мере, так говорят тетя Полины и двоюродный брат девушки. Черной Курице понадобилось некоторое время, чтобы проверить, что в ближайшие дни Александр не покидал Росеник и не контактировал с Водяной магией. Что ж, дальше все было очевидно. Тем более Ольга Феншо обронила, что заметила перстень с необычным камнем на руке наставника. И Черная Курица, и Александр прекрасно понимали, что это значит. Понимал и Ирвинг. Но все равно сомневался...

– Сомнения – величайший дар человека, но одновременно и ужаснейшее наказание. Каждый день меня одолевают сомнения. Бывает, что они оберегают от ошибок. Но я не всегда прислушиваюсь к их тихому голосу. Например, перед Русальным кругом... Должна ли была Даша становиться велием? Я сомневался. – Наконец Ирвинг повернулся и прошел к двум креслам у камина, приглашая и гостя сесть у ярко вспыхнувшего огня. – Я сомневался и тогда, на Пустых холмах, когда ты попросил меня о помощи. Я понимал, что той ночью история не заканчивается, а только начинается...

– Я готов уйти на Темную сторону, разыскать брата, сделать все, что ты от меня потребуешь. – Странник словно пытался ухватиться за край спасительной ниточки, которая бы вытащила его из темной пучины отчаяния.

– Уйти? Сейчас?

– Так будет лучше. Ты сам говоришь, что сомневался, нужно ли было мое возвращение. Возможно, оно было ошибкой.

– Я не сказал, что это были ошибки. Ни в случае с Дашей, ни в случае с тобой. Все в этой жизни происходит ровно так, как должно. Просто мы так ничтожно малы, что не можем увидеть весь путь, – только вплотную приблизившись к финалу, начинаешь понимать, зачем нужны были все эти повороты и препятствия. Да иногда я сам не понимаю, что значит то или иное событие, – сказал Ирвинг. – Но, слава богам, мы еще не у финала. – Глава Светлого сообщества улыбнулся, глядя на языки пламени, которые жадно лизали деревянные поленья, и впервые за все время разговора посмотрел гостю в глаза. – Ты еще молод, Александр. Но пора понять, что, убегая, ты не решаешь проблему: она обязательно тебя догонит. Нет, даже не так – она всегда с тобой, где бы ты ни был: в заколдованной деревне, непроходимом лесу или среди потусторонних – заберись хоть на голые скалы, – Ирвинг указал рукой за окно, – от своих проблем не убежать.

– Но я не могу просто сидеть на месте. – Словно в подтверждение своих слов, Александр вскочил с кресла и принялся ходить по комнате. – Мне нужно что-то делать, ведь это из-за меня девочка оказалась у Старообрядцев!

– Из-за тебя? Мне казалось, что все же не ты увел ее из дома Феншо? Или ты винишь себя в том, что брат как две капли воды похож на тебя? Ты берешь на себя слишком много – за это можно винить только богов, но я бы не советовал.

Странник тяжело опустился обратно в кресло. Вина. Да, это то самое чувство, которое он испытывал с тех пор, как Черная Курица сказала ему, что Водяную колдунью похитили. Если бы он не был наставником Заречья, то Игорь не смог бы выкрасть Полину. Слишком много совпадений привело к катастрофе.

– Послушай, – тем временем продолжал Ирвинг, – я знаю, что ты чувствуешь себя виноватым и что готов прямо отсюда ринуться в логово Старообрядцев. Но не торопись! Поверь, твоя помощь еще пригодится. Просто надо дождаться момента – ты поймешь, когда он наступит. А сейчас ты нужен Заречью. Нужен Велес, хоть она и никогда этого не признает, нужен Даше и Огненным магам. Не беги от людей, которые впустили тебя в свои сердца, не совершай эту самую страшную ошибку.

Когда Александр покинул поместье Ирвинга, гроза почти унялась, но дождь продолжал идти плотной завесой. Было в этом звуке что-то умиротворяющее, приносящее спокойствие. Пару минут Огненный колдун стоял, позволяя крупным каплям дождя смыть с него напряжение последних часов, после чего направился напрямик к ближайшим скалам, где располагалась порталная станция «Остров Буян».

* * *

Дышать. Дышать так, чтобы в небо вздымались стаи мертвых листьев. Чтобы они оживали, превращаясь в помятых жухлых бабочек... Воздух слишком влажный, слишком терпкий... Кто бы мог подумать, что все будет именно так.

Дышать. Поднимать снопы листьев и трав, разметывать одним выдохом заготовленное на зиму сено... Одним взмахом крыльев сшибать сотни сухих веток. Крылья! Но... крыльев-то нет.

Бежит юркая тропка, струится меж камней и лесного мха, ведет на гору. На горе будет легче. Но туда нельзя – на вершине застыл белоснежный зверек. Зеленые глаза его веселые, но смотрят странно, ловят отблески заката. Он неестественно шевелит хвостом. Это не настоящее его тело, не его вымокшая от дождя шерсть, не его когти, не его острые клыки в маленькой пасти. Он знает, каково это – жить в чужом теле. И, наверное, знает, как иногда трудно вспомнить, какое же из тел первоначальное, твое...

Его сестрица, каменная ведьма, обнимает валун, прикасаясь щекой к его зеленому мшистому бархату. Глаза ее закрыты. Она тоже не слышит шагов, не знает о моем приближении. Никто не слышит... никто не знает...

* * *

Прошло уже два дня с тех пор, как стало известно об исчезновении Полины Феншо. Александру вспоминалось ее бледное перепуганное лицо и при этом серьезный, решительный взгляд. Последний раз он видел ее в ночь нападения на Русальем круге. Интересно, почему она не сбежала, едва напавший на нее невидимый маг переключил внимание на подоспевшего Муромца? Неужели думала справиться с ним? Или не хотела бросать подругу? В памяти тут же возникло дерево, у корней которого лежала в крапиве черноволосая девушка. И если кроме

холодных серых глаз из облика Полины Феншо он ничего больше не помнил, то черты воспитанницы Маргариты Руян возникали слишком отчетливо.

Кроме Македонова в Кудыкиной горе никого не было – все наставники давно разошлись по избышкам. Нестор Иванович, наверное, уже попил чай с пирогами, которые так искусно готовила его жена. Наставники часто собирались в доме у этой радушной пожилой пары. Пожалуй, в Заречье их избышка была самой гостеприимной – неудивительно, что маги, проходящие Посвящение, и даже те, кто давно его прошел, часто приходили к Нестору Ивановичу не только чтобы узнать подробности жизни леших или Морянок, но и чтобы насладиться кулинарными шедеврами его жены.

Странник и раньше не был частым гостем на этих вечерних посиделках – разве что иногда Лиса уговаривала его пойти или Розалия Павловна приглашала отведать чая с колобками, – сегодня же он точно решил не приходить и не портить настроение Кассандре Степановне и Кошечкам. К тому же он не был уверен, что наставники все же собрались своим тесным кружком, – по Заречью ползли слухи, что Розалия Павловна слегла с неизвестной болезнью и никого не принимает.

Последние два дня для Македонова прошли ужаснее некуда. После посещения его избышки Черной Курицей кошмар не закончился. Всего несколько часов назад он вернулся с Вече Старейшин, где снова стоял между скрытыми под куколями фигурами и подвергался допросу.

– Они не должны узнать, что ты использовал Зелье-блокатор, – предостерегла его Лиса. Ее лицо покрывала холодная, молочная бледность, под глазами собрались тени, желтые радужки тускло мерцали в свете кристаллов-световиков. Что-то неуловимо новое появилось в ее движениях: слабость, усталость, так несвойственная молодым. Казалось, силы ее куда-то уходят, что-то тянет из нее энергию, будто Стихия перестала помогать восстанавливаться после сложных колдовских обрядов. Все шептались о велеи, не закончившем свое Посвящение в мире мертвых, об опасности, что отныне грозит сбежавшей от Морянок Лисе. Странник же думал лишь о том, чего на самом деле она избежала. Что за магия открылась бы ей? И, обретя новую мудрость, стала бы его подруга детства терять человеческий облик, как это происходило с сильными мира сего? Велес, Ирвинг, Дивномор... всех их уже давно нельзя было мерить привычными человеческими рамками... Стала бы Лиса такой же непостижимо-далекой? – Я же говорила тебе, чтобы ты прекратил! Зачем тебе нужны эти тайные вылазки? Зачем ты ищешь поселения, где скрываются Старообрядцы? – Ее голос снова ворвался в его голову. – Запомни, если Старейшины заподозрят, что ты готовил и использовал это зелье, они сочтут, что делалось это для встреч с братом! И что это ты раскрыл ему место, где прячут Водяную! От Вече тебя не спасет даже Ирвинг!

Но след от блокатора не так-то просто было скрыть. Допрос подозреваемого в зале Вече Старейшин был не просто допросом. Из колдуна вытягивали всю магию, нащупывая «хвосты» произнесенных заклинаний и сотворенного колдовства. А блокировка своей силы, подпитывавшейся от Огня, была заметна еще долгое время. Скрыть свою стихию всегда считалось сверхсложным умением. И всегда эта магия вызывала подозрения: зачем колдуну обманывать других и притворяться, будто силу тебе дает, например, воздух, а не огонь? Александр долго изучал способы, которые помогли бы этому колдовству сработать, но помог ему в этом бессловник Лев Маркович, с которым он повстречался в тот памятный раз на собрании Вече старейшин. Тогда бессловник и упомянул зелье-блокатор. Для действия зелья необходим был «донор» – тот, чью силу и чью стихию на время забирает колдун. И у Светлых наверняка кто-то для этого был – не зря же мельком упомянули пленника, содержащегося в подземельях у Вещего Олега. Но Александру не нужен был плененный Темный маг. У него был брат-близнец, чью магию – магию Воздуха – он мог похитить на время, даже не ставя того в известность.

Сейчас Македонов чувствовал себя усталым. Не хватало энергии даже на то, чтобы силой мысли зажечь расставленные повсюду красные свечи. К счастью, он понимал, что это лишь временное явление. Он зажег свечи обычным способом, которым пользовались колдуны других стихий, и теперь очень медленно восстанавливался, окруженный приятным подергивающимся пламенем. Этим вечером он решил наконец заполнить Велесовы книги. Все же он был совершенно необразцовым наставником: он так и не приучил себя аккуратно вести записи о своих подопечных, чем вызывал постоянное недовольство Веры Николаевны.

– Александр, вы несете ответственность за юных Огненных магов. Поймите, это очень важно – заносить в книги сведения об их успехах: как развивается их сила, как она растет...

В такие моменты Македонов сам чувствовал себя юным колдуном, которого отчитывает главная наставница. Мысленно он возвращался в те времена, когда сам жил в Заречье, тогда еще как воспитанник, который не всегда соблюдал заведенные правила. Это время казалось таким далеким и нереальным, столько воды утекло с тех пор...

За размышлениями он не сразу заметил, как за спиной скрипнула дверь и впустила в комнату еще одного Огненного. «А ведь раньше я улавливал малейшие шорохи, которые указывали на приближение человека», – с досадой подумал колдун, а вслух произнес:

– Добрый вечер, Дима. Вера Николаевна уже ушла.

– Я знаю. – Колдун стоял в тени у самого входа, так что Странник почти не видел его лица. – Мне нужны именно вы.

Александр вопросительно посмотрел на него. Дима уже давно прошел Посвящение и сейчас, как вспомнилось Страннику, изучал право, поэтому было непонятно, что ему могло понадобиться от наставника по Стихии.

Сегодня от встречи с любым магом он ожидал только плохого: все вокруг подозревали его, обвиняли, заставляли отвечать на вопросы.

– Я слушаю.

Дима сделал шаг вперед, так что на него наконец упал свет от тусклой лампы и свечей на столе. Между бровями у него залегла глубокая складка, и все лицо с четко очерченными линиями выражало крайнюю степень напряжения.

– Я хотел попросить вас стать моим наставником, – произнес он натянутым голосом, словно готовился защищаться, ждал подвоха в любую секунду.

– Наставником? – Македонов так удивился, что даже отложил в сторону книги, которые только что собирался заполнять. Странно, этот парень смотрел на него сегодня из-под капюшона серебряной куколки, не произнеся ни одного слова в его защиту. А теперь пришел с такой просьбой. – Но вы же уже прошли Посвящение...

– Вы не поняли, – перебил Дима, – я хочу стать вашим неофитом.

Странник оторопел. Он никак не ожидал такого поворота, поэтому ответил не сразу.

– Оеофитом? Дима, вы уверены, что пришли к тому человеку? В свое время Огненной магии вас обучал Ирвинг. Да и что далеко ходить, профессор Звягинов отличный наставник. Он...

– Да, далеко ходить и правда не надо, – с едва заметной усмешкой ответил Дима.

Ни для кого в Заречье не было секретом, что внук Веры Николаевны недолюбливает ее мужа, да и с бабушкой у него были довольно натянутые отношения. Однако как раз это Странника и не удивляло.

– Но есть Ирвинг, – продолжил Македонов, но Дима снова перебил его.

– Я говорил с ним. – Он отвел взгляд, словно его заинтересовал кустик ветреницы, принесенный сюда Бабой Ягой. Старая колдунья утверждала, что один вид этих цветков должен умиротворять и успокаивать. – Он и посоветовал мне обратиться к вам.

– Вот как? – Македонов застыл, все никак не оправляясь от удивления. Зачем к нему пришел этот наследник древнего влиятельного семейства, внук главной наставницы, посвящен-

ный, полноценный маг, допущенный на Вече Старейшин?! К нему, почти безродному, бывшему страннику, чей родной брат предал Светлую сторону и похитил Водяную колдунью? – Дима, но вы же понимаете, что выбор наставника – это очень ответственное дело. И вообще, почему вы решили стать моим неофитом? Вы же, кажется, право изучаете.

– Я уже принял это решение, – тут же ответил Огненный маг, взглянув прямо в глаза Македонову. – Мне нужен наставник, который владеет магией Огня и сможет научить меня использовать ее не только в теории... Мое положение обязывает меня быть сильным колдуном, а не только знать свои права.

Странник внимательно смотрел на парня, стоящего напротив, и пытался понять, о чем тот думает. Хотя он и не был Воздушным, прочитать мысли Огненного мага было легко – у них все написано на лице. За внешней Диминой отстраненностью и напускным безразличием скрывалась разрушающая стихия. Странник почти физически ощущал его нетерпение и острое желание добиться своей цели. Но какой? Почему он вдруг решил стать неофитом? И почему Ирвинг направил его именно к нему? На эти вопросы он ответов не знал.

– Вера Николаевна не придет в восторг от этой идеи, – сказал он, сдаваясь.

– Ее это не касается. Даже главный наставник не может повлиять на выбор неофита. Тем более она Земляная колдунья, а мы говорим про Огонь.

– Хорошо. Я вас понял. Но мне нужно подумать, это непростой шаг, причем для вашей репутации – даже рискованный. Не сомневаюсь, что вы знаете о моем прошлом.

Дима кивнул и уже собирался развернуться, чтобы уйти, как Странник окликнул его:

– Советую и вам хорошо все обдумать. Я, конечно, не нравлюсь вашей бабушке, но это еще не значит, что мы с вами сможем найти общий язык.

Колдун еще раз кивнул, и Македонову показалось, что на его серьезном лице наконец мелькнула улыбка.

Не успел Дима дойти до двери, как та распахнулась и в комнату почти бегом влетели Лиса с Густавом Вениаминовичем, а за ними медленно и бесшумно вошла Велес.

– Александр, очень хорошо, что вы здесь, – начала главная наставница и только теперь заметила Диму, стоящего всего в паре шагов от нее. На секунду ее взгляд задержался на внуке, а потом она снова повернулась к Македонову и продолжила:

– Ваша подопечная, Маргарита Руян, попала позавчера в лазарет. Теперь окончательно стало ясно, что у нее Лисья хворь.

– После Руян в лазарет попали еще трое. Если Лисья хворь будет распространяться такими темпами, то у меня не останется свободных коек! – недовольно прогнусавил Жаба. – Да еще и Розалия Павловна с ними заодно!

– Даша, надо сейчас же написать письмо в Здравницу и отправить его с Иваном на сером волке – так вернее всего. – Велес оглядела комнату в поисках почтальона и снова наткнулась на Диму, который неподвижно стоял на месте.

– Ты искал наставника по...?

– Нет. Я приходил к Александру Владимировичу, но мы уже закончили.

Когда дверь за Димой захлопнулась, Вера Николаевна вопросительно посмотрела на Македонова, но тот, казалось, думал уже совсем о другом. И даже Лисе не удалось почувствовать ничего, кроме естественных переживаний за свою подопечную Маргариту Руян, – он даже не заметил, как она проникла в его мысли.

– Кто-то еще из Огненных заболел? – тем временем спросил он целителя.

– Пока нет, но они очень подвержены недугу, поэтому вам стоит срочно их предупредить.

Странник кивнул и направился к лифту.

Глава третья. Лазарет

Ливень не прекратился ни вечером, ни ночью, ни на следующий день. Маргарита слушала его стук сквозь сумрак и не могла даже вспомнить, когда и от чего именно она проснулась и засыпала ли вообще. Все тело было раскалено, как уголь, но этот жар внезапно сменялся ознобом и дрожью, пробегавшей по рукам и ногам. От дождя за окнами было серо, невозможно понять, который час хотя бы приблизительно. Монотонный шум бьющих капель не давал сосредоточиться на окружающих предметах – вокруг плыли только нечеткие белые пятна, перемежавшиеся резкими черными прямоугольниками и глянцевыми бликами окон. Из ближайших воспоминаний читалось лишь лицо бабушки. Неужели она была здесь? Когда? И где она теперь?

Внезапно сквозь отчаянный бой дождя по стеклу послышался непривычный новый звук. Маргарита еще не успела подумать, что бы это могло быть, но уже инстинктивно повернула голову к двери – на пороге лазарета стояли Василиса с Анисьей, их длинные волосы были темнее обычного, они спадали с их плеч гладкими мокрыми змейками. Пару секунд Маргарита ждала, что увидит еще одно лицо – бледное, с печально-удивленными глазами, но никто так и не появился.

– Марго! Ты не спишь! – Анисья первой заметила внимательный взгляд подруги и поспешила к ней. – Как ты? Плохо? Знаешь, ты, оказывается, не единственная, кто подхватил эту Лисью хворь. Забава тоже заболела, но пока лежит дома.

– Половина колдунов ходит с температурой. Нам всем прописали пить укрепляющие снадобья. Ребята, которые практикуют целительство, вынуждены помогать Жабе с больными, – добавила Василиса. – Говорят, что-то плохое есть в этом дожде. Но я знаю: причина не в нем.

– Ты не видела Юлю, Севину мачеху? Она предложила свою помощь Заречью. Она ведь тоже целительница и согласилась работать в лазарете, присматривать за больными, помогать Густаву. И не одна она. Я видела еще двоих или троих незнакомых врачей, – продолжила Анисья после короткой паузы.

Маргарита качнула головой и закрыла глаза – так было легче.

Севина мачеха? Нет, ее лицо не всплывало в памяти.

– Мы не спали почти всю ночь, – тихо сказала Василиса, беря подругу за руку. – И думали, как это могло произойти с Полиной.

Она рассказала, что узнала вчера от Мити. Маргарита пошевелилась и что-то прошептала одними губами.

– Мы обсудим все, когда тебе станет лучше. Сейчас нельзя, Густав Вениаминович не велел тебя беспокоить.

– Только не уходите.

– Хорошо, мы не уйдем. – На лице Василисы появилась заботливая улыбка.

– Конечно нет, – подхватила Анисья. – Только пришли и уже уходить? Лучше я расскажу тебе нововведения, которые появились в Заречье, пока ты лежишь тут. Возможно, ты подумаешь, что времени прошло мало, но только не для нашей Веры Николаевны! Раз она заперла нас здесь, то решила разнообразить жизнь всевозможными увеселениями. Вот. – Анисья достала из кармана сложенную в несколько раз бумажку, развернула ее и стала читать. – Каждый найдет себе занятие по душе.

Она посмотрела на Маргариту, но та казалась безучастной.

– Орфей Добрыньевич нанимает учителей музыки, так что все, кто еще не овладел игрой на каком-нибудь экзотическом инструменте, могу успеть записаться. Я пытаюсь поставить галочку напротив арфы, но она упорно появляется возле варгана. – Анисья показала листок Василисе, подтверждая правдивость сказанного, и та в ответ улыбнулась. – Есть еще кружок

по рисованию мандал и уроки, тебе должно понравиться, Марго, по рукоделию. Кстати, рукоделие включено в раздел «Древние способы медитации». Лучший из этих способов, как ни странно, – перебирание зерна.

Маргарита не проявила интереса.

– Так, есть еще спортивные мероприятия отдельно для Земляных и магов всех остальных стихий. Например, борьба. Ну, это вряд ли тебя заинтересует. О! А может, танцы?

– Да, танцы – это здорово, – сказала Василиса.

– И иностранные языки. Марго, хочешь? Наречие шотландских кентавров. Ну, это так, на случай, если ты вдруг встретишь где-нибудь кентавра и захочешь с ним поболтать о том о сем. Есть еще язык Морянок, но я не представляю себе самоубийцу, который запишется! Вижу, тебе это не так уж интересно? Ладно, тогда я сама запишу тебя на рукоделие. Рукоделие тебя развлечет. И, может, все-таки танцы? Африканские, восточные, балет?

– Нет, Анисья, балет не надо... – еле выговорила Маргарита, снова закрыв глаза.

– А шаманский бубен?

За стенкой, в жилой части дома целителя стало шумно. «Нет, никуда не годится!» – послышались возмущенные восклицания Густава Вениаминовича, затем голоса, звуки отодвигаемых стульев, скрип столов и половиц; дверь в лазарет отворилась и впустила целую процессию магов и целителей – ее замыкал молодой колдун, явно примкнувший к строю случайно. Его рыжая голова вертелась из стороны в сторону, высматривая что-то.

– Я сказал вам, что здесь и так слишком много народу! – снова возмутился Жаба. – Нет, надо открыть другой вход в лазарет, не со стороны моей гостиной. Вторая практика сорвана!

– Ладно вам сердиться, – оборвала его незнакомая Маргарите колдунья, прибывшая сегодня утром из городской Здравницы для помощи Жабе. – Кого куда класть?

Слава наконец увидел свою девушку и ее подружек и направился к ним.

– Как быстро распространяется эта Лисья хворь... – сквозь шум дождя различила Маргарита бурчание Густава Вениаминовича. – Ни дать ни взять порча!

– Ну, как вы? – Слава тем временем подтащил свободный стул к Маргаритиной койке и уселся. – Ощущение, будто все посходили с ума. Сначала пропажа Водяной колдуньи. Потом этот дождь... Теперь болезнь. Действительно, страшно – чем это может кончиться? Творится что-то неладное.

Из-под соседней кровати выбрался домовой в зеленом кафтанчике. Он держал в руке что-то похожее на поздравительную открытку, изображавшую букет переливающихся цветов. Домовой оглядел помещение, кивнул Густаву Вениаминовичу и, остановив свой взгляд на Анисье, двинулся прямо к ней. Она как раз хотела возразить Славе, но заметила домового и вопросительно уставилась на него.

– Муромец, это вам, – вежливо произнес маленький человечек.

– Спасибо. – Анисья удивленно приняла открытку и раскрыла ее. В воздухе тут же засеребрилась пыльца, повеяло приятным ароматом духов. – Это от Марьяны.

– Она думала, что у тебя сегодня день рождения? – через силу произнесла Маргарита и попыталась улыбнуться. Василиса прыснула. – Перепутала август с апрелем?

– Конечно, шуточки – это по твоей части, и никакие жар, боль, обморок и даже, наверное, смерть не помешают тебе от них воздержаться, – парировала Анисья с усмешкой. – Но нет, это какое-то странное приглашение от нее. Вот, слушайте: «Дорогая Анисья. Завтра я собираю у себя нескольких интересных людей, чтобы обсудить все важное. Мы будем несказанно рады твоему присутствию. В семь часов вечера, в моей избушке».

– Интересных людей? – переспросил Слава. – Это кого же, как думаете?

– Галеньку и Валеньку? – предположила Маргарита.

– Их зовут Ниночка и Настенька, – поправила Василиса.

– О, ты запомнила их имена? – Анисья, захлопав ресницами, обернулась к подруге. – Ну, что вы считаете?

– Как что? Надо пойти, – тут же отозвалась Василиса. – Может быть, будет действительно интересно.

О чем разговаривали дальше, Маргарита уже не помнила – подошел усталый Густав Вениаминович, без церемоний сунул ей в рот ложку с каким-то пряным сладковатым снадобьем, и она заснула. Тенью продолжала двигаться перед взором фигура колдуньи-целительницы; отдельные слова, произносимые в стенах лазарета, стали доноситься словно из длинной трубы.

Потом все стихло.

Тишина длилась долго, пока звуки не начали снова нарастать, – от них Огненная колдунья и проснулась. В лазарете было совсем темно, за окнами давно наступила ночь. Маргарита села на кровати и вдруг сквозь звон ливня различила какой-то беспокойный шорох, доносившийся из самой середины комнаты. Этот шорох вызвал воспоминания о летнем вечере, когда на нее и на Полину набросился неизвестный маг. Ее охватил страх. Она потрогала лоб – жар все не проходил.

Внезапно совсем рядом кто-то вскрикнул, Маргарита чуть не подскочила на месте и сама едва не вскрикнула от испуга. Глаза никак не могли привыкнуть к кромешной темноте и разглядеть хоть что-нибудь.

– Милонег! – надорвано произнес чей-то голос. – Мы все в беде! Мы в беде!

Маргарита вздрогнула. Вокруг на кроватях заворочались остальные колдуны.

– Это правда, правда! Это проклятье! – Незнакомый голос вдруг перешел на шепот и прошипел последнее слово с отчаянием.

Маргарита услышала, как кто-то забежал внизу под ней, под ее кроватью, под полом. Звук был очень отчетливый – шаги сначала стали удаляться, а потом раздались уже прямо за дверью. В ту же секунду она открылась, зажегся свет, и на пороге появилась женщина с длинными светлыми волосами.

Это была не Лиса, но черты ее лица показались Маргарите знакомыми. Она шла твердо, прямо держа спину, при этом движения ее казались летящими и плавными, – все это не было похоже на крадущуюся походку Дарьи Сергеевны.

Долю секунды Маргарита смотрела на нее и, узнав в ней Севину мачеху Юлю, огляделась. Весь лазарет был забит до отказа, все кровати заняты. Но самое интересное представляло собой то, что находилось в центре комнаты: там стояла еще одна кровать, совсем неуместно повернутая по диагонали. Она была лишней в обоих рядах коек, выстроенных вдоль стен, и отличалась своим видом. На ней сидел взъерошенный, растерянный человек с испуганными глазами и безумно озирался.

– Где я? Где я? Мы в беде! В беде! Милонег! – бормотал он, всхлипывая.

– Что это такое? – спросила Юля, решительно двинувшись к нему навстречу. – Кто вы?

Несмотря на ее нежный голос, незнакомец все равно ее испугался.

– Нет, лекарь, это правда!

– Я не лекарь, – возразила Юля, остановившись. – Кто вы и как сюда попали? Не знаете? Ах! – Она прижала ко рту ладонь.

– Что здесь случилось? – В открытую дверь влетел Густав Вениаминович. – Что за шум посреди ночи?

– Густав Вениаминович, я поняла! – Юля приблизилась к целителю и понизила голос. – Я знаю, откуда этот несчастный. Городская здравница, отдел бредовых пророчеств.

– Бредовых пророчеств? – переспросил Жаб.

«Бредовых пророчеств? – подумала Маргарита. – Что за название!»

– Во-первых, эта кровать. Посмотрите. Она из здравницы. Во-вторых, цвет его постельного белья. Он один из тех ясновидящих, которые слегка, как бы это сказать, помешаны на своих предсказаниях.

– Милонег, Милонег! – шептал больной в это время. – Она была здесь!

– Нет-нет, не волнуйтесь, никакой Милонег здесь не было, – в полный голос ответил ему Густав Вениаминович, стараясь говорить как можно спокойнее, а сам тем временем обращался к Юле: – Откуда он здесь взялся? Как он попал из здравницы в наш лазарет? Не волнуйтесь, голубчик, не волнуйтесь. Выпейте Сон-чая, мы сейчас все уладим!

– Это из-за кроватей-переправляек. Так же, как здесь используют переправляйки, чтобы отправлять всех в Белую усадьбу, в здравнице – чтобы перемещать больных на разные этажи. Иногда случаются сбои. Иногда целители находят кого-то из пациентов во дворе или вообще за пределами здравницы... Но чтобы так...

– Милочка, все не так просто. Дело в том, что сюда никто не может попасть. Никто! Эта магия такая древняя, что я в замешательстве от вашего предположения... Надо срочно связаться с главой порталных перемещений! Срочно! Нельзя вот так запросто переместиться в Заречье! Это даже Велес сделать не может... А ну-ка, вперед! – Последнюю фразу он адресовал лишней, стоящей по диагонали кровати, щелкнул в воздухе пальцами, и кровать медленно поплыла за ним к дверям, ведущим из лазарета.

Сидевший на ней больной только теперь начал понимать, где он оказался, и воскликнул, беспомощно косясь на целителя:

– Немедленно, немедленно верните меня обратно в здравницу. Они сказали, что мне требуется всего два дня отдыха под присмотром врачей.

Разбуженные маги поворачивали головы и смотрели вслед постепенно удаляющейся кровати со странным колдуном; тот тоже смотрел на них, сконфуженный своими недавними выкриками о беде, но, когда его взгляд встретился с Маргаритиным, незнакомец вдруг снова изменился в лице и предостерегающе прошептал сквозь зубы:

– Ты знаешь, беда близится! Ты должна что-то сделать!

Кровать исчезла в темноте. Из-за двери донесся успокаивающий голос Жабы: «Я все устрою. Вас сейчас же вернут назад, не волнуйтесь».

Маргарита долго не могла заснуть, ворочаясь с боку на бок, ей мешали поднявшаяся температура, перешептывания других магов, обсуждавших случившееся, собственные сбивчивые мысли. Так она лежала в забытии, но уже не чувствовала ломающей все тело слабости. Чувствовалось только, как бьется у висков кровь и горит лоб.

Внезапно показалось, что кто-то на нее смотрит. Она открыла глаза и по серому свету, бившему в мокрое окно, поняла, что прошло немало времени, заполненного тревожной пустотой сна. Перед самым пробуждением она слышала чей-то голос. «Каждая юная колдунья по ту сторону реки, – сказал он, – знает, как найти то, чему можно доверять. Иногда для этого достаточно всего лишь оказаться одной в темном лесу или попасть в грозу».

Все тело немного покалывало, дышать и двигаться было тяжело. Хотелось пить и есть – впервые с момента болезни. Маргарита огляделась: в лазарете, кроме спящих больных, никого не было.

* * *

К вечеру следующего дня все Заречье болтало и перешептывалось о том, что произошло ночью в лазарете, но Анисья, наслушавшись не один десяток вариаций этой новости, теперь совершенно запуталась. Они с Василисой несколько раз заходили к Маргарите в надежде поговорить, но Густав Вениаминович каждый раз выпроваживал их, объясняя, что все больные спят. Вести о странном происшествии словно сочились прямо из стен избушек, казалось, все

вокруг силилось крикнуть о чем-то очень важном, но кто-то намеренно зажимал рты, позволяя довольствоваться лишь пересказами – одним нелепее другого.

Избушка, где жила Марьяна Долгорукая, оказалась совсем неподалеку – в конце той же улицы. Продолжал накрапывать дождь, небо было бесцветное, словно изможденное, под ногами хлюпала вода. На дороге образовалось настоящее болото.

Сама хозяйка избушки стояла под козырьком крыльца и при виде Анисьи нетерпеливо, но в то же время радостно махнула рукой.

– Анисья! Наконец-то! – воскликнула она. Мокрый ветер отбросил назад ее каштановые локоны, платье облепило точеную фигурку.

Анисья привыкла считать Марьяну маленькой девочкой – на целых два года младшее ее самой, – она относилась к ней как к младшей и обычно умилялась, замечая ее смущение при встрече с Митей. Теперь же у Марьяны был вполне важный вид, словно, попав в Заречье, она получила какую-то власть. Ее крыльцо было украшено позолоченными цветами, от которых исходил неправдоподобно сильный аромат, – очевидно, юные Земляные колдуньи перестарались.

Анисья прошла внутрь избушки, следуя за струящимся подолом хозяйки. «Скоро Марьяна перестанет носить небыльский шелк в этой деревне, как только пару раз прогуляется с Велес по здешнему лесу и придет в ужас от того, во что превратится ее дорогое платье».

Внутри все было почти так же, как и в остальных избушках, только чуть отличался цвет стен, и стульев стояло заметно больше, чтобы вместить всех приглашенных. Их оказалось семеро: две Марьянины подружки, три колдуньи, хорошо знакомые Анисье по званым вечерам, сама Анисья и, наконец, Варвара в белоснежном платье, которую когда-то давным-давно бросил Сева. Эта последняя гостья вызвала у Анисьи недоумение: с какой стати она находится тут, среди дочерей знатных фамилий и Марьяниных подруг? Казалось, что и сама Варвара думает о том же самом. Она была почти самой старшей из присутствующих и все равно неловко озиралась по сторонам, а на вошедшую Анисью и вовсе взглянула с опаской, будто вдруг сильно пожалела, что когда-то выпытывала у нее про Заиграй-Овражкина. Варвара взволнованно теребила темную косу, и Анисья, заметив это, в противовес ей постаралась держаться спокойно. Кристаллы-светильники, сделанные в форме двух пышных роз, при ее появлении засияли ярче.

– Прости, Марьяна, но что у нас за... мероприятие? – спросила Анисья, когда все расселись и замолчали и в воздухе отчетливо стала ощущаться торжественность момента. Было слышно, как по окнам постукивает невесомый бисер дождя. Почему-то Анисье стало неуютно, хотя вокруг были давно знакомые лица.

– Это... что-то вроде клуба по интересам, – быстро ответила Марьяна. – Нет-нет, Анисья, не такой клуб, какие устраивает Иван «Клуб», а самый настоящий и серьезный. Перед нами стоит сложная задача. Мы собираемся обсуждать только серьезные проблемы, которые касаются Светлого сообщества, и будем стараться привлекать как можно больше мыслящих и понимающих в этих вопросах людей.

– Тогда я бы посоветовала пригласить... еще кого-нибудь, – выдавила Анисья. – Тебе не кажется, что для обсуждения таких вопросов нас слишком мало? – и тут же вспомнила, что они с подругами тоже пытались разобраться в проблемах Светлых магов, разгадать тайны Заречья, а ведь их было даже не восемь, а всего четыре. Но то были Василиса с Маргаритой и Водяная колдунья, а не дочери древних родов. И отчего-то именно с ними вместе не казалось глупым ребячеством искать сокровища богов, забираться в подземелья. Оглядев собравшуюся компанию, Анисья засомневалась, что захочет обсуждать все это с присутствующими.

– Это же только первое собрание! Затем мы составим список, кого еще стоит приглашать, и будем приглашать... – сказала Марьяна.

– Ясно... – пробормотала Анисья.

– Итак, первый вопрос, который мы должны обсудить, касается сегодняшнего ночного происшествия в лазарете. Ну, угощайтесь, угощайтесь! – Она указала на золоченые пиалы, доверху наполненные фиалками в сахаре. – Полагаю, все знают, что произошло этой ночью? Неизвестный больной из городской здравницы таинственным образом переместился прямо в лазарет на кровати-переправляйке!

– Переместился? – Анисья вздрогнула. – Все-таки это правда? – Ей тут же стало обидно, что она не смогла узнать этого от Маргариты.

– Нельзя же просто так переместиться в Заречье! – подхватила Елена Трувор. У нее было прозвище Елена Прекрасная, которое она сама себе придумала. Члены семьи тоже ее так звали, и она очень этим гордилась. – Как ему это удалось?

– Это никому не известно, в том числе и самому больному, – вдруг робко сказала Варвара.

– Я забыла представить вам Варвару! – спохватилась Марьяна и указала на Снежинку. – Я думаю, у нее есть некоторые сведения, которые она могла бы сообщить нам. Информация об этом неприятном случае... Правда, Варя? Ты же расскажешь?

– Дело в том, что... – начала Варвара, но Марьяна тут же перебила ее:

– Ее мама работает в здравнице в отделе «бредовых пророчеств». Больного, который неожиданно переместился в наш лазарет, содержат именно там, и в последнее время он твердит о возвращении Милонегги. Хотя все мы знаем, что она давно умерла и ее прах покоится на кладбище Мертвой луны.

– Он сильно бредил, когда вдруг исчез из палаты и переместился в лазарет, – быстро сказала Варя, чтобы хоть малую часть этой истории рассказать самой.

– О, как интересно! – воскликнула Марьяна. – Нина, запиши все, что она сказала.

– Да-да, интересно, но слушать это десятый раз уже как-то надоело, – со скучающим видом сказала Людмила. Маргарита узнала бы в ней бывшего неопита Маливиничка. Она сидела, положив ногу на ногу и откинувшись на спинку стула. – Все трещат об этом с самого утра.

– А я узнала об этом только что, – сказала Анисья.

– Анисья, и что ты думаешь по этому поводу? – Марьяна заерзала на стуле, Ниночка с Настенькой открыли от нетерпения рты.

Анисья не сразу смогла ответить.

– Я думаю, что если все это правда, то такое случайное перемещение постороннего человека в Заречье может значить что-то плохое... например, грозить нам опасностью – мало ли кто еще сможет проникнуть сюда.

– Такая серьезная брешь в защитном механизме может стоить нам жизни! – подала голос молчавшая до этого Саша Велес – троюродная сестра Димы. – Это же древняя магия! Она всегда была сильной и никогда не подводила! А теперь... теперь она как будто стала ослабевать... прямо изнутри...

– Темная сторона где-то набрала силу, – робко ответила Варвара. – Это действует словно весы.

– Об этом пока сведений нет, – произнесла Ниночка.

– Мы думаем, что нет, а «Тридесятый Вестник» наверняка напишет об этом завтра во всех подробностях, – снова вставила Людмила. – Наверняка выпустит интервью с каким-нибудь дружинником Ирвинга.

– Может, тогда пригласить на собрание дружинника? – пошутила Анисья и тут же отметила, как ей тоскливо, когда рядом нет Маргариты, Василисы и Полины, чтобы поддержать ее и посмеяться.

– Зато мой папочка сказал... – таинственно начала Марьяна, – будто все Светлое сообщество под угрозой. Сами посудите, брешь в защитной магии и болезни! Будто кому-то удалось добраться прямо до Заречья.

– И этот дождь... – добавила Анисья. – Такой тяжелый, выматывающий, бесконечный дождь.

– Нет-нет, в это время такие дожди здесь бывали часто, – поправила ее Людмила, не сменяв скучающего лица. – Пока не появилась Водяная колдунья. Проблемы с погодой – побочный эффект действия некоторых заклинаний, которые делают это место секретным, недоступным никому, а присутствие Полины в Заречье влияло на них. Но если защитное колдовство перестанет действовать – дождь пройдет. Так что лучше радуйтесь ему.

* * *

От дождевых туч стало темнеть слишком быстро, но Василиса, вместо того чтобы в такую погоду оставаться дома, покинула избушку и направилась по тропинке в сторону соседнего леса. Без Анисьи в этот вечер было особенно серо, поэтому она пролистала бересту с записями, наткнулась на растение «Подмоховая цистера» и вспомнила, что эту самую цистеру нужно было собрать.

В воздухе стояла холодная взвесь, но на улицах было не так уж и безлюдно, хотя некоторые колдуны прогуливались явно без надобности – лишь бы не сидеть дома и не умирать от тоски. Василисе казалось, что все они, в том числе и она сама, не идут, а плывут под водой, – такая была влажность. От природы густо и еще совсем по-летнему пахло цветами и листьями. Колдунья натянула капюшон и пошла чуть быстрее, надеясь укрыться от этой невидимой липкой воды под кронами деревьев. Лесок, куда она направлялась, был смешанным, и в нем среди берез и осин встречались разлапистые ели с покрытыми мхом островками земли под ними. В нем-то и скрывалась подмоховая цистера, и отыскать ее могли только Земляные маги-друиды.

В лесу было тихо и пусто. Василиса выбрала подходящее место, опустилась на колени и положила на мох руки. Она закрыла глаза и несколько долгих минут просидела неподвижно. Наконец ей стало казаться, что она слышит все, что происходит вокруг, слышит саму землю и чувствует, как внутри, под ее ладонями, все живет и движется, как тонкие корни раздвигают почву где-то в глубине.

«Я расту, – подумала она. – Я расту, как трава, прямо из земли».

Через некоторое время Василиса открыла глаза: темный влажный мох перед ней покрылся нежными светло-зелеными шишечками, которые медленно-медленно двигались, словно внутри них раскручивались маленькие спиральки.

За спиной послышался звук шагов, но колдунья не обратила на них внимания – мало ли кто мог ходить поблизости, может, кто-то из Земляных тоже наконец озаботился поиском цистеры.

Шаги постепенно приближались, и внезапно шорох травы раздался прямо за Василисой. Колдунья оглянулась: над ней возвышалась фигура Мити Муромца. Он внимательно смотрел на бледные бутоны, набухающие на стеблях цистеры, и как только бутоны раскрылись и превратились в желтые цветы, сел рядом с Василисой и одобрительно воскликнул:

– Вот это круто! У меня так не получается.

– О...

– Я не шучу! – Митя дотронулся до ближайшего цветка пальцем. – Помню, мы с этой цистерой намучились!

– Да, бывает... – кивнула Василиса. Появление Муромца выбило ее из равновесия, из головы вылетело, что нужно скорее срезать цветы. Она хотела было спросить, как Митя нашел ее тут, но отчего-то передумала, решив, что в ее воображении ответ может оказаться гораздо интереснее, чем в реальности. Скорее всего, он просто шел мимо и заметил ее у дерева.

– Ты почему одна?

– А ты почему не у Марьяны? – тут же спросила она.

– А почему я должен быть у Марьяны?

– Так она же... так Анисья у нее... я думала, она вас всех пригласила. Марьяна прислала Анисье приглашение на какую-то встречу...

– Ничего про это не знаю, – простодушно усмехнулся Митя, срезав несколько цветков своим кинжалом и уложив их в Василисин платок. – Слава Солнцу, мне она ничего не присылала.

– Но... ты разве не видел ее?

– Марьяну? Ну почему же, видел. Пару дней назад, кажется.

– А потом? Ну, то есть... Она же твоя невеста.

– Ну и что? – улыбнулся Митя. – С чего это мне с ней видется каждый день?

Василисе ничего не оставалось, как рассмеяться.

– А где же Сева?

– Пребывает в состоянии измененного сознания. Все же это очень сложно – быть целителем. Иногда они перетягивают на себя все болезни пациентов и потом вынуждены от всего этого избавляться. Ну что? Теперь ты пойдешь домой? – спросил Митя, когда они собрали цистеру. – Хочешь, провожу тебя? Мне все равно нечего делать!

– Ну... раз нечего делать... – кивнула Василиса.

По дороге она совершенно не знала, что сказать, и только искоса поглядывала на Муромца. Кожа его была ровного, золотистого цвета. Влажные от дождя светлые волосы ложились безупречными завитками. За лето он сильно повзрослел, черты его лица немного изменились – стали жестче и мужественнее, и тем не менее его сходство с Анисьей не пропало, а даже наоборот будто стало только заметнее.

До края опушки они оба так и шли молча, затем Митя, словно тяготясь тишиной, снова заговорил:

– Тебе не кажется, что Велес озверела?

– Что ты имеешь в виду? – рассмеялась девушка. – Ты же ее неофит, вдруг она узнает, что ты говоришь такое?

– Да, но она запретила даже практику! Конечно, вместо этого у нас появились занятия для души – я видел Анисью в списке желающих освоить варган, но...

– Нет, мы с Анисьей записались на арфу. – Смех Василисы звонко разлился по лесу. Она сразу догадалась, кто наложил чары на Анисьино писало, упорно отмечавшее варган.

– Я заметил, что у главной наставницы просто какая-то мания запирает нас в четырех стенах. Я понимаю, она заботится о безопасности, но сейчас, когда в Заречье уже начали проникать больные из городской здравницы, это не так уж актуально! А про Праздник военной славы ты слышала?

– Слышала... и очень из-за этого волнуюсь. Велес сказала, что все должны приготовить номера... Но я не очень люблю выступать на публике.

– Я тоже не люблю! Кому сейчас нужны эти печальные баллады о победах великих магов и эпические сказания о богатырях? И Овражкин не в восторге от всего этого. Правда, он сказал, что, раз Велес от него не отстает, он найдет самую слезливую из всех грустных песен, и все, в том числе и Велес, будут рыдать, раз им так хочется. А ведь у этой нежити получится! Готовьте носовые платки!

Василиса улыбнулась:

– Наверное, этим Вера Николаевна хочет поднять наш боевой дух.

– Я думал, что для этого она ввела обязательную Боевую магию. Кстати, никаких новостей о Полине?

– Нет... Как бы мне сейчас хотелось заглянуть в Ярилину рукопись! – призналась Василиса.

– Не тебе одной. Но этого не может сделать даже Ирвинг – если только они со Звягиновым не придумали, как обходиться без третьего заколдованного кольца.

– Есть какая-то лазейка. Мы же с Анисьей читали рукопись!

– Скорее всего, в тот день книга не находилась под защитой этих самых колец – наверно, кто-то незадолго до вас подходил к книге и, возможно, не успел сразу же скрыть ее от посторонних глаз. Иначе Ирвинг бы понял, как можно обратиться к Рукописи без кольца, и уже узнал бы, как найти логово Темных магов!

– Но дело в том... что в Ярилиной рукописи не так-то просто найти ответы на такие вопросы. Я же сама ее видела. Возможно и то, что Ирвинг ищет, ищет в ней ответ! Но ведь эта книга – не список адресов. Это совсем другое...

– Хм. Возможно, ты права.

Они остановились возле нужной избушки.

– Я давно хотела спросить... – начала Василиса, – ведь раз существует Ярилина рукопись, то должны существовать и другие сокровища, которые оставили боги... ты не думаешь? Почему вы не пытались их найти?

– Как это не пытались? Еще как пытались! – Тут Митя кивнул в сторону крыльца. – Можно мне зайти?

– Да-да, конечно! – спохватилась Василиса, и избушка низко присела, гостеприимно подставляя свою лестницу. – Ну так что? – спросила она, когда они зашли в теплую комнату и сняли мокрую обувь.

– Не все так просто, но кое-что нам удалось узнать. – Митя сел за стол и стал перебирать оставленные на столе склянки. – Наше поместье отмечено планетарной руной Солнца – это то же самое, что Щит Дажьбога, ну, ты и сама знаешь. И если Ярилино копье – это оружие, то щит – это то, что должно от оружия защищать. Что может служить защитой? Защитой от тех знаний, которые хранятся в Ярилиной рукописи, или просто от чего-то, что может нанести вред? Здесь задействована защитная магия, именно магия...

– Постой-ка... – Василиса села напротив Мити и, забыв про цистеру, уставилась на него. – Всегда же говорят, что вы, Муромцы, непобедимы.

– Непобедимы – это слишком громко сказано, – улыбнулся Митя, кивая на свою руку, раненную не так давно заклятьем Рассечения. – Но у всех нас действительно есть какая-то защита. Я думал над этим. Ты ведь видела медальон, который носит Анисья? Такие медальоны у всех членов нашей семьи. У всех абсолютно одинаковые медальоны. Их магия действует только на тех, в ком течет кровь Муромцев, и на тех, кому мы отдаем свой личный медальон. Никто чужой не может снять его с нас – ну, тут все как с кольцом, которое сняли со Святогора, только когда убили его и отрубили ему палец.

Василиса поежилась.

– Наталкивает на что-то, правда? – продолжал Митя. – Сколько было наших предков? Сколько будет потомков? И у всех эти медальоны... Считается, что именно из-за них мы так неуязвимы. Я подумал, что дело тут не столько в их форме, сколько в материале, из которого они делаются. Это золото. Какое-то специальное заговоренное золото. Золото – щит... Теперь ты понимаешь?

Василиса молча кивнула, не сводя с Муромца горящих глаз. За окошком снова застучал дождь.

– Но наших предков было слишком много. – Митин голос стал тише. – Откуда столько странного, волшебного материала, который делает весь огромный род непобедимым и богатым? Откуда столько золота? Я был в сокровищнице. Там нет несметных золотых гор, как принято думать. Но есть кое-что другое. Неиссякаемый золотой слиток.

– Что? – вскрикнула Василиса. – Неиссякаемое золото?

– То, что еще называют неразменным червонцем. Это ведь считается чистой воды выдумкой, – усмехнулся Митя. – Но это правда. Я проверил. Это то, что хранится в сокровищнице, то, что охраняет Гамаюн и другие... древние силы.

– Невероятно! Невероятно... – Изумленная Василиса покачала головой. – Еще один туннель ведет... к Севиному дому, я правильно понимаю? Меркурий – это ведь никакая не здравница, а дом потомственных целителей.

– Да, именно, – охотно отозвался Митя, радуясь интересу Василисы к его истории. – Меркурий, он же – Велесов Шлем. Но, к сожалению, у Заиграй-Овражкина мы пока ничего не нашли.

– Но вы же догадываетесь, что надо искать?

– Да мы уже сто лет думаем над этим! Смотри, – Митя подался немного вперед, словно желая скорее донести смысл своих слов, – шлем тоже защищает, но защищает именно голову. В этом его принципиальное отличие от щита.

– Значит, это что-то, связанное с головой...

– Возможно, это и правда какой-нибудь головной убор. Мы перебирали все: шапки-невидимки, волшебные колпаки, рога – ну и все остальное, что можно хоть как-то приложить к голове. Но кого всем этим удивишь? Это должна быть единственная в своем роде вещь!

– Действительно... – На миг Василисе даже показалось, что она сама идет по темному подземелью, что руки ее ищут потайную дверь, за которой скрывается разгадка. Еще совсем чуть-чуть, и она вот-вот узнает секрет руны Велесов Шлем или какой-нибудь другой из рун... – Значит, ничего вы не нашли?

– Мы не знаем, где именно искать. В доме у Овражкиных нет сокровищницы, нет никаких тайников. Нет даже входа в этот самый туннель!

– Нет? А как же туда попасть?

– Надо спрыгнуть в колодец.

Не успела Василиса изумиться, как щелкнул дверной замок, дождь на несколько секунд стал громче и отчетливее, а затем снова затих – это Анисья залетела в избушку вместе с ветром и с трудом закрыла тяжелую дверь.

– Привет, – привычно бросила она и, только когда сняла тонкий промокший плащ, повернулась и увидела за столом брата. – Митя? Что это ты здесь делаешь?

– Как что? Тебя зашел навестить! И не застал.

– И зачем же я тебе понадобилась? – недоверчиво уточнила Анисья.

– А что, я просто так не могу провести любимую сестру?

– Перестань пудрить мне мозги. Ты никогда не зайдешь, просто чтобы провести меня.

– Ладно-ладно, не кипятись! – засмеялся Митя. – Лучше расскажи, что это у вас была за встреча с Марьяной, куда меня не позвали.

– Мы решали проблемы вселенской важности. – Анисья тоже уселась за стол и, остыв, повернулась к брату. – Нет, я не шучу. С одной стороны, Марьяна неплохо придумала – собирать у себя интересных людей и обсуждать все проблемы, касающиеся Светлых магов. А с другой, пока что большинство присутствующих можно назвать «интересными» людьми с большой натяжкой. Я предложила приглашать хотя бы парочку парней, а то все разговоры девушек в конечном счете сводятся к сплетням. Я выставила твою кандидатуру на следующее собрание.

– Что? – воскликнул Митя.

– А то, что ты достаточно много знаешь. Правда, Марьяна так смутилась, что покраснела, как вареная свекла. Она почему-то сильно тебя стесняется.

Митя усмехнулся.

– И какие же вопросы вселенской важности вы обсуждали? – поинтересовалась Василиса. Анисья рассказала о незнакомце, переместившемся ночью в лазарет, и затем добавила:

– Всех, конечно, больше всего интересует исчезновение Полины. Я думаю, об этом они будут говорить еще очень долго... Но пока что все топчутся на одном месте.

– Что ж, жаль, что Марьяне не пришло в голову решение этой проблемы, – иронично заметил Митя и встал. – Ладно, мне пора уходить.

– Кстати, где Сева? – спросила Анисья.

– Где надо. Ну, счастливо оставаться. Мне завтра рано вставать на Боевую магию.

* * *

В недрах Кудыкиной горы стало тише, только главная наставница продолжала сидеть за центральным столом: перед ней и над ее головой зависли свитки пергамента и бересты, которые то и дело менялись местами, выстраиваясь в определенном порядке. Из боковой двери вышла Лиса и направилась к выходу, однако Вера Николаевна ее окликнула:

– Ты разобралась с Воздушными? – спросила она. Помимо бересты над главной наставницей висело облако тяжелых раздумий и трудных решений.

– Да.

– А с Боевой магией?

– Нет.

– Жаль. Время идет. Ирвинг будет не рад такому промедлению. Но ты не сможешь быть единственным наставником.

– Я справлюсь. И готова начать хоть завтра, – ответила Лиса, хотя понимала, что переубеждать Велес бесполезно: та знала что-то такое, что было недоступно другим, даже остальным опытным наставникам.

– Только подумай, это же почти сто разновозрастных колдунов! – воскликнула Вера Николаевна. – Ты растратишь все силы.

– Вы знаете мое мнение. Пригласите Македонова. Всю эту толпу можно легко поделить между нами.

Вера Николаевна глубоко вздохнула, что-то мешало ей сделать этот выбор. Берестяные свитки над ее головой снова пришли в движение.

– Ни у кого больше нет подходящего времени... – наконец сказала она. – Только у Густава, но он не хочет помогать. Может, тебе удастся его уговорить?

– Вы серьезно полагаете, что он сможет учить кого-то боевому искусству?

– А Нестор Иванович? – с надеждой спросила Велес, но сама тут же покачала головой.

– Да неужели вы не знаете, как они себя ведут на Боевой магии? – улыбнулась Лиса. – Это же вам не Дружинники! Так что нужен авторитетный наставник – Македонов или вы.

– Я? Вот еще не хватало! – Главная наставница вздрогнула. – А ты, значит, тоже авторитетный наставник?

– Я могу ими управлять.

– Ну, а что ты думаешь о Вещем Олеге?

– Его мы уже обсуждали.

– Верно. К сожалению, Олег слишком занят, все эти его заседания в Вече... – Вера Николаевна с разочарованием поглядела на стопку бумаг, словно только все эти записки и схемы были виноваты в том, что она не могла найти нужного наставника. – Как же я могу согласиться на Македонова? После того, что случилось?

– А что случилось? – Лиса сверкнула глазами.

– Старейшины не уверены в его невиновности. Это темная история...

– А лично мне в этой истории все понятно. И вам тоже, я знаю, – возразила Дарья. – И прошу вас, давайте закроем тему. Сделайте его наставником по Боевой магии, и вы увидите, что не только я, но и воспитанники ему доверяют. Судите по тем поступкам Македонова,

которые мы видели своими глазами, а не по тому, о чем шепчутся Старейшины. Он сделал из бестолковых Огненных нормальных магов, догнавших в мастерстве колдунов других стихий. Из этих эмоциональных холериков, не способных контролировать даже свой голос во время разговора, он сделал уравновешенных и сильных колдунов. Его воспитанники не только ночи напролет распевают песни и мешают спать колдунам с соседних улиц, но еще и занимаются самостоятельными практиками. Проводят время в уединении, в размышлениях и в медитации. Они растут. Их дух крепнет. Это замечаю не только я.

– Хорошо, я назначу его, но только временно.

«Неужели сдалась?» – подумала Лиса.

– Наставником по Огненной магии вы его тоже назначали лишь временно – так что это хороший знак.

* * *

Заречье робко плакало, роняя редкие капли дождя на макушки посвященных, – те вереницей тянулись на Боевую магию. Холодный ветер обнимал их, старался утешить, но парни и девушки лишь сильнее хмурились и прятали носы за воротниками непромокаемых плащей. Мало на чьих лицах читалось воодушевление. Впервые всем им пришлось идти на встречу с наставником не по собственному желанию.

– Столько всего навалилось на нас за последнее время... – тихо говорила Людмила, кутаясь в вязаный шарф. – Я чувствую, как что-то высасывает из меня силы! Особенно после вчерашних разговоров у Марьяны Долгорукой. Я не хочу ни с кем сражаться. Не хочу даже соприкасаться с чем-то, что может быть связано со злом, с разрушением...

– Ну а как же самозащита? – отвечал ей Арсений. Он увлекался Боевой магией уже несколько месяцев и был в числе тех немногих, чье настроение в этот час было ближе к хорошему. – А если вдруг тебе придется кого-нибудь защищать? Тебе ведь нужно уметь это делать!

– Если бы мы могли научиться только защите!

– Не воспринимай так близко к сердцу, – посоветовала ей Аленка. – Не всем нам быть боевыми магами. Дарья Сергеевна понимает это. Встречи с ней проходят легко, будто это все шутка или какая-то игра, хотя на самом деле она учит очень полезным вещам. Постарайся не думать, что теперь тебе действительно это может понадобиться.

– И ты об этом! – всплеснула руками девушка. – Неужели все из-за Водяной колдуньи? Все верят, что теперь она станет нашим врагом. Верят, что благодаря ей Старообрядцы обретут какую-то небывалую силу. По-моему, это чушь. Полина не могла колдовать с нами, неужели она так легко научится колдовать со Старообрядцами? Вот увидите, ничего не изменится! Никакого темного Союза четырех стихий не появится!

– Я бы не была так уверена, – покачала головой Аленка. – Что-то плохое уже случилось. Люди шепчутся о том, что Темные набрали силу. Равновесие нарушено.

– Слухи! – возразил Арсений.

Лиса ждала в центре круглой поляны. Ее желтые глаза были безжизненны, лицо непривычно серьезно – глядя на нее сейчас, вряд ли кто-то поверил бы, будто она собирается превратить встречу в игру.

В нескольких шагах от нее стоял Александр Владимирович Македонов. Его могучая фигура с развевающимися от ветра темными волосами возвышалась, как огромная скала. Он безмолвно оглядывал магов, не обращая внимания на стекавшие по лицу первые капли решившего все-таки начаться дождя.

Когда все были в сборе, Дарья Сергеевна велела выстроиться кольцом.

– Доброе утро, посвященные, – сказала она. – Теперь изучение Боевой магии обязательно для всех, кто остался жить в Заречье. Так решил Ирвинг. Но вас слишком много, чтобы прак-

тиковаться всем вместе. Пока будет два наставника. Моя задача разделить вас, но я не знаю, по какому принципу это сделать. Если оставлю себе только тех, кто уже знаком с азами Боевого колдовства, то это будет сравнительно маленькая часть. Поэтому в первую очередь я предлагаю тем, кто захочет, перейти к Александру.

На этом она замолкла и остановилась, обойдя лишь половину круга. Прошло несколько секунд, но никто не шевельнулся.

– Вы прямо сейчас можете подойти к Александру Владимировичу. Это и будет означать, что он теперь ваш наставник по Боевой магии.

И снова никто не сдвинулся с места. Маги начали переглядываться, всех охватила неловкость. Редкий дождь стал превращаться в ливень, зашелестели под его ударами листья на деревьях, воцарившееся на поляне молчание стало только заметнее.

– Друзья, скажите, вы осознали, с чем мы все столкнулись? – Лиса возобновила движение по кругу, теперь нарочито заглядывая каждому в глаза. – Никто не знает, что точно произошло, но все мы видим результат. Да, кто-то из вас сомневается, что наши собратья, использующие магию крови, смогут испортить вашу мирную жизнь. И вас совсем не пугает то, что они заполучили Водяного мага? Тогда мне придется рассказать вам еще кое-что. Велес совершенно против того, чтобы кто-то это знал, но я позволю себе открыть тайну. Может, хоть она сделает вас решительными?

Лица колдунов удивленно вытянулись. Страх еле заметным туманом застыл среди собравшихся. Лиса прищурилась и бросила довольно резко:

– Я напому вам об одной, давно сгинувшей колдунье. Она была известна тем, что подчинила себе три стихии и стала Союзом стихий в одном лице. Страшная легенда, больше похожая на выдумку... Все знают, о ком я говорю? Но та темная история не закончилась с ее смертью. У Милонегии есть потомок. Не те псевдосыновья, которыми провозглашают себя Темные предводители, а настоящий потомок-маг, о котором знали лишь мы, но о котором теперь, без сомнения, узнают и Темные. – Лиса оглядела круг, все затаили дыхание, тревога читалась на лицах колдунов. – Это Водяная колдунья. Полина Феншо – правнучка Милонегии.

Раздались тревожные возгласы, по кругу пронесся шепот.

– И правнучка Милонегии теперь со Старообрядцами. Хоть на секунду представьте последствия, если она с ними и останется. А сейчас разделитесь на две группы, живо!

В ту же секунду толпа зашевелилась, и Сева с Митей, а за ними Арсений с Аленкой, поравнялись с молчавшим и удивленно поглядывавшим на Лису Странником. Муромец и Заиграй-Овражкин, уже не обращая внимания на всполошившихся, перепугавшихся товарищей, вели тихую беседу, переговариваясь еле слышно и все больше показывая что-то взглядами.

Тем временем к ним присоединились несколько девушек, следовавших, очевидно, за сыном целителя, пара Огненных колдунов и двое Земляных.

– Это все? – спросила Лиса. – Негусто!

– Для первого раза достаточно, – остановил ее жестом шрамолицый наставник.

– А что я буду делать с такой толпой? – не скрывая разочарования, возразила Дарья Сергеевна.

Странник ничего не ответил, только как-то по-доброму, чересчур приветливо подмигнул и повел небольшую группку магов сквозь заросли березняка к месту их новых практик. Когда вся немногочисленная компания остановилась в центре поляны, Александр заговорил:

– Я понимаю, что погода и напутственные слова Дарьи Сергеевны не способствуют поднятому настроению, но мне хочется, чтобы сейчас вы сосредоточились исключительно на колдовстве. Как я понимаю, некоторые из вас уже знакомы с Боевой магией? – Он вопросительно посмотрел на собравшихся. Сева, Митя и Арсений с Аленкой кивнули.

– Так, теперь разберемся со стихиями: Огненных только трое – Марфа, Игнат и Дима.

– Остальные потухли под таким ливнем, – пошутил Арсений, а Митя с Севой удивленно обернулись: на общем сборе они не заметили Диму Велеса, а сейчас он стоял недалеко от них.

– Сева и Арсений – Воздушные. Есть еще кто-то Воздушный?

Две невысокие девушки, державшиеся вместе и не понимавшие, как так вышло, что они променяли Лису на этого почти незнакомого наставника, робко подняли руки.

– Вы... – Странник вопросительно посмотрел на них.

– Даша и Света, – ответили они. – Но вообще-то я Земляная, – тут же подала голос вторая девушка, хихикнув.

– Хорошо. Кроме вас Земляные маги: Муромец... – Странник снова запнулся, понимая, что не знает по именам никого из Земляных. Но Митя быстро пришел ему на помощь:

– Это Алена и Матвей с Ярославом.

Аленка и два коренастых брата-близнеца кивнули.

– Хорошо. Времени у нас не так-то много, поэтому придется учиться по ходу дела. Ориентируйтесь по обстоятельствам, вспоминайте все, с чем вы сталкивались здесь на протяжении последних лет. Каждый раз оказываясь на распутье, вы выбирали дорогу, которая в итоге привела вас ко мне. Любая мелочь будет важна. Ведь даже обычное бытовое колдовство при умелом обращении может оказаться отличным боевым. Теперь, думаю, пора начинать двигаться, иначе вы совсем окоченеете. Я разобью вас на пары, а вы покажете, на что способны.

Сева оказался в паре с розовощекой красавицей Марфой, а Митя – с миниатюрной Дашей, которая, несмотря на то что уже прошла Посвящение, выглядела еще совсем ребенком. Друзья с недоумением переглядывались, не понимая задумку наставника. Их немой вопрос тоненьким голоском озвучила Света:

– Извините, но я не могу быть в паре с Арсением.

– Почему?

– Он же уже знает что-то из Боевого колдовства. К тому же он Воздушный, а я владею магией Земли.

– К сожалению, – Александр убрал с лица мокрую прядь волос, обнажив шрам, – Темные чаще всего не спрашивают, какой вы стихии и обучались ли Боевой магии. На наших встречах вы должны научиться не только защищаться, но и атаковать и использовать для этого все свои знания, полученные ранее. Умение атаковать совершенно не означает, что вы должны делать это первой. Но когда придет время, если оно придет, – Александр сделал ударение на слове «если», – вы должны суметь это сделать. Именно поэтому я ставлю в пару магов разных стихий и разной силы – вы должны узнать их слабые стороны, сами прочувствовать их. Вам всем нужно научиться побеждать более сильного противника и не расслабляться перед уступающим вам.

Македонова слушали в тишине, которую нарушал только мерный шелест дождя.

– Закончим лирическое отступление и вернемся к практике, а то еще немного, и нас просто зальет. Итак, вам нужно повалить противника на землю или обездвижить его.

Все оставшееся время Александр больше не возвращался к поучительным наставлениям. Он ходил между колдунами, которые пытались доступными способами атаковать своего противника, и только делал редкие замечания:

– Света, не старайтесь одолеть Арсения силой, это же Воздух.

– А я – Земля! – резко ответила колдунья, поднимаясь из лужи после очередной атаки Воздушного мага.

– Илья Пророк сказал бы тебе: «Не плюй против ветра», – весело заметил Митя, уворачиваясь от стайки осенних листьев, поднятых порывом сильного ветра.

– Или «Семь раз отмерь – один отрежь», – добавил Сева. – Но это слишком философски.

– Именно! «Смекалка и воду останавливает!»

– Еще он бы точно сказал, что «Пока битва впереди – храбрецов хоть пруд пруди!».

Митя не успел ответить: на этот раз ему пришлось уклоняться от длинной ветки березы, которую Даша с помощью магии направила прямо на него. Миниатюрная Воздушная колдунья то забрасывала Муромца ураганом из листьев, которые летели ему в глаза, то запускала сильный поток холодного воздуха, так, что он не мог продохнуть, теперь же в ход пошли ветви деревьев – Митя едва успевал отдышаться и атаковать в ответ. В конце концов волей дерева завладел он, и береза нагнулась, схватив Дашу цепкими ветвями за руки и за ноги, так, что та даже не могла шевельнуться.

– А сейчас я защекочу тебя до смерти, – сказал Муромец, приближаясь к сопернице, и та завизжала:

– Нет, Митя! Только не это! Я сдаюсь!

Наставник, удостоверившись, что Митя не собирается исполнять угрозы, приблизился к следующей паре.

– Найдите его слабые стороны и используйте силу своей стихии. – Александр вновь обратился к Свете, которая теперь стояла и, тяжело дыша, отряхивала плащ от грязи. – Вы друид?

– Да.

– Ну вот, – колдун понизил голос, чтобы Арсений его не услышал, – обратитесь за помощью к силе природы. Почему все вы думаете, что Боевая магия – это только огненные шары, щиты и разряды молний?

В следующий миг ничего не понимающий Арсений уже растянулся на мокрой земле, с удивлением глядя на свои ноги, увитые каким-то растением, а Света победоносно смотрела на поверженного противника.

Колдуны входили в азарт. Аленка, которой достался в пару Ярослав – один из братьев-близнецов, – еле успела создать щит, чтобы отразить летящий прямо на нее ком мокрой земли.

– Ярослав, Алена, – окликнул наставник. – Забудьте о том, что вы маги одной стихии – будьте хитрее. Ищите у противника слабые стороны. Кто с какой руки атакует, на какую ногу опирается – все это очень важно. Алена, воспользуйтесь своим преимуществом! Вы хоть и меньше, чем Ярослав, но зато можете быстрее двигаться. Не пытайтесь мериться с ним силой, померяйтесь ловкостью – утомите его.

На голову Ярослава тут же посыпалась целая череда неизвестных ему чар, от которых он под конец стал отбиваться, словно от полчища насекомых. И как раз в этот момент Алене удалось удачно атаковать его с другой стороны, так, что коренастый, но не очень поворотливый колдун не смог увернуться и упал.

Пока он поднимался, колдунья переводила дух и даже подпрыгнула от неожиданности, когда увидела, что ее противник находится уже на другой стороне поляны, – такой скорости она от него ожидала. Только через пару секунд девушка поняла, что это был Матвей, его близнец, который пытался выпрыгнуть из огненного кольца, сотворенного вокруг него Игнатом и Димой.

В это время Марфа всячески пыталась атаковать Севу, но тот словно предугадывал все ее действия. По сравнению с остальными магами, которые уже выбились из сил, Заиграй-Овражкин выглядел самым бодрым – его соперница никак не могла нащупать его слабое место.

– Марфа, постарайтесь атаковать его не улыбкой, а колдовством, – строго велел наставник. – Он ведь даже не прилагает усилий, словно с потусторонней сражается. Неужели с такими способностями вы получили руну отличия по Стихийной магии?

Именно в эту минуту Огненная колдунья метнула в Севу сноп искр. Воздушный маг еле успел прикрыть глаза, чтобы спастись от неизвестного колдовства. Когда он наконец пришел в себя, то увидел Македонова, который стоял рядом с Марфой и что-то объяснял ей. Реакция его была молниеносной – вытянуть руки вперед. Одна линия: глаза, пальцы, воля... Отличный подвернулся случай, чтобы проверить новые чары. Он представил, как соперницу откидывает

назад, и Отбрасывание тут же сработало. В ответ щит, отлично! Это именно то, что нужно, чтобы увидеть все ее незащищенные мысли. Он схватил руками воздух, будто нащупал там что-то, за что можно было зацепиться. Все, что в этот момент пронеслось в головах у Марфы и стоящего рядом наставника, тут же предстало перед его глазами.

«Силовой шар», – понял Сева подсказку Странника. Но он был совсем не готов, что Марфа применит эту магию так быстро. Не успев защититься, Заиграй-Овражкин навзничь упал в самую грязь. Александр Владимирович резко повернулся к нему, в его глазах мелькнуло недоумение – без сомнения, он понял, что только что произошло.

– Молодец, Марфа, – произнес наконец наставник. – Только в следующий раз некому будет разозлить тебя, да и отвлечь противника.

* * *

Если не смотреть на календарь, очень трудно понять, какой сейчас день и вообще быстро ли или, наоборот, слишком медленно, проходят недели. Сегодня было похоже на вчера и, можно не сомневаться, будет похоже на завтра. Холодный дождь лил стеной, лишь изредка ненадолго переставая. Опытные колдуны пытались извлечь из дождя пользу, рассуждали об упорстве природы, втолковывали юным магам свои теории о том, как важно наблюдать за этим необычным и непрерывным явлением. И все же каждый из них предпочел бы, чтобы дождь скорее закончился. Анисья уже не верила в то, что подобный дождь «случался здесь часто» до появления Водяной колдуньи, как сказала Людмила. Может, осадков раньше было и больше, но уж точно они не наводили такую тоску, иначе об этом твердили бы все, например, ее брат Митя.

– Какие красивые сапоги! Новые? – спросила Забава у шагавшей чуть впереди Анисьи.

– Да, только вчера доставили. – Анисья вытянула ногу, почти равнодушно посмотрев на обновку, и тут же чуть не поскользнулась. Благо рядом оказалась Василиса, которую она успела схватить за руку.

Она опасливо глянула на утреннюю лужу, в которую могла бы упасть. Подол шерстяного платья, и так укороченного до колен, чтобы не промок, был теперь забрызган грязью, как и чулки.

Навстречу девушкам прошли старшие колдуны, возвращавшиеся с Боевой магии, за ними следовала Дарья Сергеевна.

Вскоре за небольшим подлеском на возвышении показался теремок, там обычно ждал юных магов наставник Легендологии. Внутри было тепло, все принялись снимать плащи и рассаживаться по местам. Но даже несмотря на уют и сухость, настроение магов вряд ли можно было назвать хорошим. Во взглядах ощущались тревога, волнение, всех тяготила одна и та же безрадостная мысль о Темных и о похищении Водяной. Воспитанники вели себя тихо, не смеялись и с напряжением ждали наставника.

Вещий Олег появился пятью минутами позже. Его нестрогое, безмятежное лицо на этот раз было немного угрюмо. Анисья с Василисой сели на ближний к нему диванчик и с нетерпением стали ждать очередной легенды, которая – в этом они были уверены – должна коснуться Темной стороны. Однако почти сразу они поняли, что ошиблись.

– Сегодня легенда будет посвящена одному древнему сокровищу, некогда утраченному Светлым сообществом. Кто-нибудь из Огненных, будьте добры, вскипятите нам воду для чая.

Начал он без особого интереса, затем на пару минут умолк и стал глядеть в окно. Фадей и Оля тем временем набрали воды в большой самовар и, приложив к нему ладони, попытались нагреть.

– Анисья, не передашь мне чашку? – Наставник повернулся к Земляным колдуньям, сидевшим ближе всех.

– Держи. – Анисья выбрала одну из чашек, замерших на полке ровным строем, и протянула наставнику.

– Ты назвала его на «ты»? – шепнула Василиса.

– Я с детства его так называю, и на званных вечерах в нашем поместье он этому очень даже рад. Только здесь слишком важничает. – Она оглянулась, чтобы убедиться, что Олег ее не слушает.

Наставник, казалось, не заметил ее фамильярного обращения. Рассеянно налив воды из самовара, он вернулся на свое место.

– Оля, Фадей, спасибо. Остальные... нет, у вас настрой совсем не для легенд, вы сейчас как будто не здесь. Сосредоточьтесь. По моему хлопку в ладоши вы должны вернуться в эту комнату.

– Запишите куда-нибудь, – продолжил он. – «Источник трех вод». Легенда странная, сохранились лишь обрывки. В конце подумаем вместе, почему могло исчезнуть это сокровище. Итак, источник трех вод считался важнейшим божественным даром.

Василиса вдруг выпрямилась и совсем по-иному взглянула на только что написанное заглавие. Вот сейчас она действительно «вернулась» на встречу с Вещим Олегом и ощутила каждый уголок пространства вокруг, будто эти стулья, тумбочки, шкафы и маги скрывали какую-то любопытную тайну, которая вот-вот вырвется наружу.

– Божественный дар... – пробормотала она.

– Что? – переспросила Анисья.

– Бо... нет, объясню потом, Вещий Олег смотрит на нас.

– Почему божественный? Да потому, что только им, богам, было под силу создать то, что текло в двух из трех русел этого таинственного источника. Но! – Вещий Олег встал со своего кресла и поднял вверх чашку с чаем. – Мы уже обсуждали с вами то, что под «богами» в разных легендах подразумеваются абсолютно разные существа. Мы знаем те дни, когда богами потусторонние нарекали обычных колдунов. И сами колдуны, будучи не всегда просвещенными и посвященными, могли принять за бога очень могущественного и одаренного собрата. Итак. Источник трех вод, если бы мы знали его местонахождение, ныне представлял бы собой три высохших русла. Когда-то же в одном из них бежала нескончаемая живая вода. Вы понимаете, что это значит? Не требовалось специальных мест, которые в наше время так сложно найти, пригодных для животворения воды, не требовалось ни знатока в этой области, ни... Водяного мага. Живой водой были обеспечены все колдуны, жившие рядом с этим источником. Второе русло, по легенде, было наполнено мертвой водой. Мертвая вода используется не только для заживления глубоких ран, но и для перемещения по миру духов. Третье русло, наполненное простой водой, служило проходом, через который возможно было подобраться к первым двум. Кто-то говорит, что создать такой источник было под силу лишь Перуну, некоторые легенды упоминают некого Кресеня, чей трезубец якобы имел власть над водой и мог создавать колдовские источники там, где их нет...

* * *

Когда Маргарита узнала, что пролежала в лазарете чуть больше восьми недель, ей стало не по себе. Сменились два полных лунных цикла. Целых два месяца. Пролетело восемь выходных дней. Нет, у девушек их было больше, вспомнила колдунья. Но что делали в Полнолуние и в Новолуние ее подружки? Кажется, они навещали ее несколько раз... Но все это было словно в далеком сне. Сны стали для нее особенной, важной темой для размышлений. В одном из них она бродила по ночному лесу: лапы столетних елей образовывали полупрозрачные своды, хвоя мягко шуршала под ногами, пахло смолой и сыроежками – все было точно наяву. Медленно взошла луна, ее невозмутимый лик навис над острыми макушками деревьев. Маргарита

шла, раздвигая руками ветви. Она что-то искала. Лишь внезапно выйдя к перекрестку трех дорог, она почувствовала, что колотившееся сердце уgomонилось. Кажется, именно сюда вел ее путь. Она огляделась. Было тихо, не доносилось ни шороха. Луна казалась одушевленной: она как будто наблюдала за ней с высоты. Страх почти не было, он лишь коснулся ее своим призрачным крылом, когда на одной из дорог что-то зашевелилось. Маргарита обернулась и увидела приближающуюся старуху. Сгорбленная фигура, окутанная кладбищенским мраком, безмолвно ступала, подволакивая одну ногу, и остановилась, не дойдя всего пару шагов до перекрестка. В тот же миг кто-то появился на второй дороге.

Навстречу двигалась высокая, очень полная женщина. Красота ее крутых бедер, колыхавшихся под слоями тонкой ткани платья, казалась неоспоримой, словно это была древняя богиня, необъятная мать-Земля, носящая прямо на своем теле холмы и вулканы, болота и реки, леса и города. Черные волосы вуалью ложились на лицо, ветер поднимал к небу длинные пряди – с них сыпались звезды.

Женщина тоже остановилась. Маргарита пыталась взглянуть в ее лицо, но не хватало света.

– Встречаясь со злом, – сказал знакомый голос, который она уже не раз слышала во снах, – колдунья просто делает глубокий вдох и идет дальше своей дорогой.

– Встречаясь с болью, – вдруг голос стал громче, будто кто-то выкрикнул эти слова прямо Маргарите в ухо, – колдунья просто делает глубокий вдох и идет дальше своей дорогой.

Слова эхом разносились по лесу, становясь громче и нестерпимее. Захотелось сжать голову руками.

– Встречаясь с несправедливостью, колдунья просто делает глубокий вдох и идет дальше...

– Своей дорогой, – прошипела старуха и кивнула на последнюю дорогу перекрестка.

Сны были тем и хороши, что в них не требовалось задавать вопросов. Маргарита все поняла. Она шагнула на свободную тропинку и обернулась. Обернулась – и ужас накрыл ее... Она увидела свое отражение в облике этих страшных видений. Она была старухой. Она была той полной женщиной. Она была собой. Она была всеми ими сразу. И она была...

Голос, что доносился одновременно со всех сторон, не дал додумать эту мысль.

В полночь папоротника цвет
Решит судьбу и даст ответ.
Исчезнет боль, исчезнет твердь,
Страстей и страхов круговерть.
Я замыкаю круг.
Я – смерть.

Маргарита подскочила на кровати. Оказалось, что в тот раз она проспала меньше часа. Никогда еще время не тянулось для нее так странно. Об использовании времени в колдовстве должен был этой осенью рассказывать наставник по физимагии. И впервые за последние дни Маргарита вдруг задумалась о том, какие наставники ей ближе и интереснее, а с какими можно перестать видеться. Эбонит Павлович однозначно попадал в список первых.

– Чаровник сегодня еще не пила... – От звука этого голоса Маргаритина спина покрылась липким потом. Голос из ее сна? Нет, просто наваждение.

Перед ней стояла Кассандра Степановна и держала в руке серебряную ложечку с зельем.

Если бы это именно Кассандра появлялась в ее сне, она ведь должна была бы намекнуть Маргарите? Подмигнуть? Обронить такую фразу, по которой она обо всем догадалась бы? Но нет, гадалка лишь сунула ей ложку с зельем и тут же сказала кому-то за ширмой, очевидно, продолжая старую тему:

- Ну а строительство домов в Долине Гремящих Ветров? Как они могли это допустить?
- Вы против? – спросил кто-то из-за ширмы.
- Еще бы, голубушка! Жизни там людям не будет.
- Это пророчество?

– Можете считать, что да! – рявкнула цыганка, выдернула ложку изо рта Маргариты и удалилась, качнув бедрами и задев ширму.

Маргарита снова осталась одна. Два месяца в лазарете, подумать только, это же целая вечность! И за эту вечность никаких новостей о Водяной колдунье.

Девушка прислушалась к шелесту травы. Первое время она никак не могла понять, откуда доносятся все эти звуки: щебетание птиц, шуршание высохших колосьев, стрекот кузнечиков. Все окна были плотно закрыты и даже занавешены, но в лазарете всегда было свежо, словно ранним летним утром. Естественно, объяснить все это законами логики колдунья не могла, поэтому просто перестала об этом думать. В конце концов, что удивительного в стрекотании кузнечиков, когда за стенами обычные на первый взгляд подростки поднимают предметы силой мысли и непринужденно превращаются в лесных зверушек.

Да, обычные подростки. Это-то никак и не могло уложиться в голове. В их внешности не было ничего такого, что выдавало бы наличие сверхъестественных способностей, – разве что чересчур длинные волосы у девушек. Но когда Маргарита вспоминала подруг и друзей из своей прошлой жизни, то невольно представляла их более приземленными. Теперь ей казалось, что у них не было такой осанки, таких таинственных глаз, такой плавности движений. Это было похоже на игру воображения, но ее бывшие друзья всегда виделись ей более блеклыми, чем обитатели Заречья, – в них словно было меньше жизни, меньше красок и характера.

Маргарита потянулась к тумбочке и сняла верхнюю книжку со стопки – кто-то принес их сюда еще неделю назад, но сил читать у нее не было. Книга называлась «Основы метафизики» и начиналась разделом «Душа». Вступление колдунья осилила: в нем приводились теории происхождения души. Говорилось о магических традициях разных стран, восточной медицине, представлениях потусторонних, их религиях, но чем больше всплывало легенд, убеждений и описаний, тем сложнее становилось понять, что же такое душа на самом деле.

«Надеюсь, в конце концов книга это объяснит», – подумала Маргарита и перелистнула несколько страниц, возвращаясь к оглавлению.

Когда приходит душа. Многодушие. Бездушие. Бездушие? Один из пунктов привел ее в замешательство.

Ее чтение прервал внезапно появившийся Слава. Игры больничного пространства она тоже до сих пор не могла понять: когда она приходила к Полине, то запомнила, что лазарет выглядит как обычная палата с чередой коек и ширмами, которые позволяли отгородиться от соседей. Но теперь она словно находилась в каком-то отдельном помещении: она не видела и не слышала других ребят, которые, как она догадывалась, лежат совсем рядом. Ширма полностью отгораживала ее, не пропуская ни единого звука. Поэтому девушка и не заметила, как вошел Слава.

- Привет. – Он улыбнулся. – Ты как?

Маргарита пожала плечами. Странно, в последнее время она почти не вспоминала о своем молодом человеке, и его появление не вызвало в ней никаких чувств.

– У вас тут так солнечно, – продолжил Слава, садясь на край Маргаритиной кровати и щурясь от яркой полосы света, проникающей сквозь занавески. – А снаружи дожди. С погодой в Заречье вообще какая-то беда. Мне еще повезло, что я попал к тебе. В лазарете столько народа, что Жаба ужасно злится, когда маги ходят навещать своих друзей через его комнаты.

- И как же ты прошел?

– У него как раз нет встреч с целителями, к тому же ему было некогда выпроваживать меня – легче пропустить. Все больше и больше людей заболевают Лисьей хворью, в лазарете уже нет мест, поэтому ему нужно придумать, как разместить их в городской здравнице.

– Так странно, я уже давно вернулась из Мурманска, но еще ни разу не использовала магию и тем более не узнала ничего нового, – произнесла Маргарита.

– Конечно, ты же сразу заболела. Но ничего, скоро поправишься и снова будешь жаловаться на Жабу и Кассандру. – Слава попытался подбодрить девушку, но встретил только равнодушный, почти отсутствующий взгляд.

– На Кассандру... – пробормотала она тихо. – Я лежу здесь, и иногда у меня создается ощущение, что все это просто сон. Что я никогда не была в Заречье, мне просто все это принилось.

– Это не может быть сном.

– Не может? – Маргарита слабо усмехнулась. – Ты себе не представляешь, сколько людей живет обычной жизнью, даже не догадываясь, что вы существуете. Если бы любая моя знакомая или друг из Мурманска услышали рассказ про мои встречи с Кассандрой или Македоновым, то они просто решили бы, что я сошла с ума. Они верят в совершенно другие вещи. Например, в инопланетян, в мировой заговор, в бога...

– В Ярилу?

Маргарита даже сначала не поняла вопроса Славы, а потом рассмеялась, но снова в этом смехе не было ничего общего с ее привычной веселостью:

– В Ярилу? Нет, конечно. Да даже если бы они верили в него, это неважно. Они не верят в заклинания, наговоры, снадобья. Ходят к гадалкам, когда прижмет жизнь, но не верят. Если я увижу в огне чье-нибудь будущее, они решат, конечно, что я экстрасенс. Экстрасенсы... я даже не знаю, маги ли они...

– Это наблюдатели, – откликнулся Слава.

– Наблюдатели?

– Потусторонние с одной развитой магической способностью. Например, видеть умерших или предсказывать будущее по картам. Мы называем их наблюдателями, потому что они как будто смотрят на наш мир, но не видят его до конца. Иногда у них встречаются очень сильные и необычные способности, какими далеко не каждый колдун может похвастаться. В биомагии им посвящен целый раздел. Но ты... ты же, наверное... не разбираешься в биомагии, раз жила с потусторонними? Или они изучают это?

– Изучают биомагию?! Это все сказки в их мире. Сказки, которые рассказывают детям перед сном. А потом дети вырастают и перестают верить. У них появляются другие интересы. Они ездят на машинах, пользуются компьютерами, мечтают об отпуске или даже о яхте. Мои подруги больше всего на свете хотят отхватить себе богатого жениха или сделать карьеру. Ты понимаешь?

Слава решил просто кивнуть. Про «отхватить богатого жениха» все было ясно – все колдуны мечтали, чтобы какой-нибудь Муромец взял их в жены!

– Ты все-таки не понимаешь, – отчаявшись, бросила Марго. – Ты ничего не знаешь об их жизни. И о моей... В той жизни все так... точно, продуманно. Ты знаешь смыслы и цели. Сначала идешь в школу, хорошо учишься, чтобы поступить в престижный университет. Это тебе нужно, чтобы найти хорошую работу, за которую много платят. Еще нужно завести семью. Путешествовать. Купить автомобиль. Все действия и правила можно объяснить надеждой на светлое, безбедное будущее. Так живут все. А здесь? Вы платите кармические долги, исправляете ошибки прошлых жизней, разговариваете с деревьями... Учитесь сдерживать мощную энергию, управлять ветром... Вы гармоничные и счастливые дети природы. А я каждый раз думаю как потусторонняя: зачем все это? В какой вуз меня примут с этими знаниями? Как же я потом найду работу? И где я буду жить после Заречья? Вы...

– Не «вы», а «мы», – поправил ее Слава. Все это время он сидел, потупившись, не зная, что ответить. Он никогда всерьез не задумывался о том, как живут потусторонние. До него, как и до любого колдуна, чаще доходили фантастические истории о том, что люди создали себе подобных роботов, разучились делать что-то самостоятельно – для всего есть определенная машина. Но слова Маргариты не очень соотносились с этими слухами. Тем более во всем этом не было ничего такого уж странного – вон и некоторые маги разучились готовить еду сами и даже причесываться с помощью расчески: все это можно было сделать с помощью колдовства.

Некоторое время они сидели в тишине, ее нарушало только стрекотание кузнечиков, да под кроватью, казалось, шуршал еж. И внезапно Маргарита поняла, что этот еж занимает ее мысли больше, чем парень, сидящий на краешке ее кровати. Она перевела на него взгляд: темно-рыжие волосы, прозрачные глаза, слегка лопухие уши – все это раньше вызывало нежность, а теперь от нее осталась только пустота. Слова вылетели сами собой:

– Слава, я не люблю тебя.

Она произнесла это спокойно, словно давно приняла решение, но, встретившись с ним взглядом, тут же захотела отмотать время назад. Ком подкатил к горлу, она не могла больше вымолвить ни слова. А Слава продолжал растерянно смотреть на нее, словно ожидая, что она рассмеется, скажет, что эта шутка... вообще что-нибудь скажет. Минуты стекали по невидимой стене между ними.

– Проходите. – Вместо голоса Маргариты Слава услышал за своей спиной голос Жабы.

В сопровождении целителя в палату вошел наставник по Огненной магии.

– Я забыл, что у Руян уже есть посетители!

– Я ухожу. – Слава поднялся с кровати и, словно загипнотизированный, вышел из лазарета, даже не взглянув на наставника.

Маргарита резко отвернулась к зашторенному окну – расплакаться в присутствии Македонова ей вовсе не хотелось.

– Вот, Маргарита, вас пришел проводить ваш наставник. Я же говорил, Александр, что она уже поправляется, – какой румянец на щеках! Скоро выпишем вас, Руян. Мест и так на всех не хватает, – выплыл откуда-то из недр тоски предательски-оживленный голос Жабы.

Маргарита наконец повернула голову и даже удивилась. Она так давно не видела наставника, что его суровый вид показался ей незнакомым и чужим. Македонов внимательно смотрел на нее.

– Ну ладно, пока вы тут, я пойду погляжу, что там с остальными, – прогнусавил Густав Вениаминович и скрылся за ширмой.

Маргарита все еще думала о Славе, с которым так нехорошо поступила. Ей виделся взгляд его бесцветных глаз: такой растерянный и удивленный. Она моргнула несколько раз, чтобы избавиться от наваждения. Но перевести взгляд на наставника тоже представлялось настоящим испытанием. Она все еще боялась оставаться с ним наедине: после того случая, когда она подслушала его разговор с Лисой, они почти не виделись и у него не было возможности высказать ей все, что он думает. Но, к ее удивлению, его голос прозвучал довольно миролюбиво:

– Добрый день, Маргарита. Как самочувствие?

– Ничего так, – вяло отозвалась она.

– Наверное, как ваш наставник я должен был проводить вас еще раньше, но было много дел.

– Меня навещали подруги, – тут же отозвалась Маргарита.

Она почему-то была уверена, что Македонов тоже вспомнил о подслушанном разговоре, только по каким-то причинам делает вид, что ничего не произошло.

– Анисья Муромец?

– Да, она, и Василиса Умнова.

Маргарита по привычке хотела назвать и Полину, и от этого в глазах появилась неприятная резь. Странник, видимо, уловил ход ее мыслей, поэтому сменил тему:

– Я решил, что вам может быть скучно лежать в лазарете, поэтому принес почитать.

Маргарита и не заметила, что все время, пока они разговаривали, он держал что-то в руке. На постепенно увеличивающуюся стопку книг опустилась еще одна.

– Спасибо, – отозвалась Маргарита. На обложке еле заметно проступал темный силуэт дракона, а название было написано глаголицей. Было стыдно признаться, что она не смогла сразу перевести его, поэтому она поспешила сменить тему:

– Кто-то постоянно приносит мне книги. Сегодня я попыталась читать «Основы метафизики». Но не догадалась, кто из наставников прислал.

– Это Фея. – Лицо наставника вдруг тронула улыбка, и он, пододвинув стул, уселся напротив Маргариты. – Едвиг Яковлевна. Метафизик. Вредная особа, если честно. Не любит иметь дело с новичками, так что раньше вы вряд ли с ней встречались. Если она прислала книгу, значит, вам пора познакомиться. Стара как мир. Как и темы ее книг. Она заставит поломать голову над многими вопросами.

– Утром я читала про душу.

– Ну вот, как я и говорил.

– Я видела раздел «бездущие». Пришлось перечитать название еще раз, чтобы убедиться, что не привиделось, – осторожно начала Маргарита, бросив робкий взгляд на Македонова.

– Есть такой. Говорят, по нашей планете бродят и бездушные существа. Иногда душу выгоняют из тела некроманты, чтобы вселить туда кого-нибудь другого: низшую сущность или душу давно умершего колдуна. А некоторые считают, что души нет у...

– Потусторонних?

– Да, – наставник неохотно кивнул. – Но из меня плохой рассказчик. Лучше отправляйтесь к Фее, когда поправитесь.

– А как дела у ребят? – немного помолчав, спросила Маргарита. Александр Владимирович спокойно и пристально смотрел на нее, но ей не хотелось признаваться, что тема потусторонних уже сегодня всплывала. – Теперь мне их, наверное, не догнать? Они занимались магией, а я целых два месяца ничего не делала.

– Почему вы говорите, что ничего не делали?

– Ну... я все это время пролежала в одиночестве. Смотрела сны и передумала кучу всего.

– И не считаете это делом? Вы тоже занимались магией. Два месяца в одиночестве – это непозволительная роскошь для большинства из нас. Иногда этого так не хватает, что некоторые уходят...

– В странники? – удивленно прошептала Маргарита.

– Предположим. Но вернемся к магии. Не стоит считать, что ваша сила развивается только от встреч с наставником или другими Огненными. В Заречье все устроено так, чтобы пробудить ваш потенциал. Ничего случайного. Каждое слово – якорь. Каждая вещь – знак, оставленный вам богами.

– И каждый сон?

– И тем более сон.

– Мне сложно это понять... – устало проговорила Маргарита. – Я пытаюсь, честное слово. Но все еще думаю как потусторонняя.

– В этом нет ничего плохого. Как потусторонняя вы можете увидеть то, к чему привыкли и чего не замечают местные колдуны. Не принимайте свои преимущества за недостатки. Поправляйтесь.

Наставник поднялся со стула, все еще не спуская с Маргариты спокойного взгляда. Тут Густав Вениаминович снова заглянул за ширму.

– Еще двое Огненных заразились Лисьей хворью. Совершенно не хватает мест, вот куда их класть, по-вашему?! – спросил он у Македонова, словно тот был виноват в случившемся.

– Я сейчас загляну к ним, если вы меня проводите, – ответил Странник и направился к выходу.

* * *

Маргариту отпустили из лазарета через несколько дней. Накануне еще сильнее похолодало, и вымокшие от дождя черные жухлые растения кое-где покрылись инеем. Маргарита вышла на улицу, закутавшись в теплую куртку, которую ей принес домовой, и огляделась: она не узнавала Заречье, словно все те воспоминания, которые хранились в голове об этом сказочном месте, и правда были лишь сном.

Однако вскоре колдунья все же узнала в покрытой серебристой корочкой льда дороге ту, по которой раньше ходили только в жаркие летние и уютные осенние дни толпы юных магов. Несколько кленов за поворотом тоже выглядели знакомо, но сильно изменились: деревья совсем облетели, а на их темных стволах маленькими льдинками застыли капли дождевой воды. Над кленами вились и кричали птицы. Под голыми ветками стояли два колдуна – из тех, что остаются в Заречье на много лет после Посвящения. Один из них глядел на птиц и что-то бормотал, держа в руке бересту для записей. Другой, заметив Маргариту, повернулся и ободряюще сказал:

– Если поторопишься, то еще можешь успеть.

«Что? – мысленно спросила Маргарита, лишь кивнув ему в ответ. – Куда успеть?!»

Она поудобнее перехватила сумку и, не ускоряя шага, двинулась дальше. С одной стороны, успеть хотелось – вдруг это было что-то важное? С другой, раз ее никто не предупредил, значит, именно ей спешить некуда, да и куда идти, она тоже не знала. Поэтому она просто разглядывала изменившуюся природу, пока не услышала вдалеке гул голосов. В той стороне, откуда доносился шум, находилась столовая, и Маргарита немного задержалась на распутии, размышляя, не свернуть ли с дороги.

– С выздоровлением, красавица! – Неожиданно раздался знакомый голос, и из-за кустов вынырнул лысый Василий.

– О, – только и смогла вымолвить Маргарита, повстречавшись с Огненным колдуном. На ее лице появилась улыбка. – Спасибо.

– Иди скорее, что же ты стоишь? – не понимая ее нерешительности, воскликнул Василий. – Ты и так уже почти все пропустила.

– А что это было за... мероприятие?

– Праздник военной славы! – Вася округлил свои фиолетовые глаза. – Ты что же, не слышала о таком?

– Нет...

– Я видел твоих подружек, они еще там. Давай, беги к ним. Это очень веселый праздник! Тебе понравится!

Маргарита пожала плечами, но все же направилась по совету Васи по тропинке, ведущей к столовой. Однако на сам праздник она так и не успела. Она поняла это, когда увидела огромную толпу людей, идущую ей навстречу: колдуны расходились по домам, расползались из-под крыши столовой змейками и ручейками. Многие несли музыкальные инструменты, шелестели нотными тетрадями. Некоторые смеялись. Некоторые почему-то плакали. Маргарита уж было подумала, что сходит с ума или бродит во сне, но, увидев длинные светлые кудри и ярко-рыжую косу, поняла, что она действительно сейчас в Заречье и все происходит на самом деле.

Анисья, едва заметив Огненную колдунью, бросилась к ней.

– Марго! Как я рада, что тебя наконец выпустили!

– Что это был за праздник? – спросила Маргарита, расцеловав подружек в облаке лаван-
довых духов Анисьи. – Я встретила Василия, и он говорил, что это что-то невероятно веселое...

– Веселое? – изумленно воскликнула Анисья. – Да он рехнулся, было ужасно грустно.

– Ну, я всегда подозревала, что у него странные взгляды.

– Я бы не сказала, что было скучно, – вмешалась Василиса. – Но и весельем назвать можно
с натяжкой. Орфей Добрыньевич хотел, чтобы все показали какие-нибудь номера, посвящен-
ные победам в войнах между магами. Но в основном ребята пели грустные баллады.

– Таким образом нас хотят к чему-то подготовить? – быстро подхватила Маргарита.

– Да, ко сну, – зевнула Анисья, рассмеив девушек. – Нет, стоящим было только выступ-
ление Севы.

– Да ты же не видела и половины, – перебила ее Василиса, снова рассмеявшись. – Ты
закрывала лицо платком и плакала.

– Просто песня, которую он пел, была очень печальной! – воскликнула Анисья.

– Как же я скучала по вам! – вырвалось у Маргариты. Она уже и забыла, что тихой Васи-
лисе удавалось подтрунивать над Анисьей и что где-то еще существовал и пел грустные песни
Сева.

– Я хочу на настоящий праздник, где люди не плачут, – как ни в чем не бывало продол-
жила Анисья. – Ах, кстати! Это же новость, которую я хотела рассказать вам обеим! Совсем
скоро состоится официальная помолвка Мити и Марьяны! Вот здорово, да? Хоть что-то хоро-
шее за последнее время.

– Эй, – протянула Маргарита. – Хорошее для кого? И ведь они уже давно помолвлены,
разве не так?

– Да, но наши семьи решили устроить по этому поводу настоящий праздник, чтобы хоть на один день отвлечься от ужасных новостей последних недель.

– Тогда обязательно пригласите Севу петь и на этом празднике. Чтобы Митя, когда будет плакать, смог сделать вид, что это просто песня очень печальная...

– С чего ему плакать, Марго? – удивилась Анисья, беря ее под руку.

Маргарита переглянулась с Василисой, и они понимающе улыбнулись друг другу.

Глава четвертая. Сын провидца

Моросящий осенний дождь не проникал в столовую, словно натыкался на какую-то преграду за массивными резными столбами, зато ветер беспрепятственно залетал внутрь и безжалостно трепал волосы обедавших колдунов. Сухо в столовой отнюдь не было: вода стекала в низину по небольшим холмикам и заливалась под столы, отчего под ногами хлюпало, и пол больше напоминал грязное болото. В этот час было непонятно, что маги делали усерднее – ели или сушили куколи.

За одним из столов сидели Сева с Митей. Оба молчали. После Целительства, на котором практиковали сложный способ оживления увядшего растения, у Севы сил осталось лишь на то, чтобы жевать. Митя, даже не пытавшийся разговорить друга, сидел без движения и глядел вдаль, подперев голову ладонью. Сева уже почти разделался с едой, а тарелка Муромца все еще была полной. Ветер доносил обрывки слов старших и младших колдунов, составляя из них бессмысленные фразы. Дождь продолжал бить по деревянной крыше.

Сева посмотрел на часы: до следующей встречи осталось совсем мало времени. Он собрался было поторопить Муромца, но, увидев, к кому прикован его взгляд, передумал.

– Мне пора идти, – сказал он. – Ты оставайся.

– Что? – Митя вздрогнул и огляделся, будто очнулся ото сна. – А, нет, я сейчас. Подожди меня три минуты.

– Зачем, тебе же некуда торопиться, это я теперь изучаю морянский язык, а не ты.

В последнее время Сева был хмур и объяснял это тем, что его угнетает непрерывный дождь, но на этот раз Муромцу померещилась на его лице усмешка, причем веселая.

– Все, оставляю тебя одного. Ну или не совсем одного. – Сева снял со спинки стула свой потрепанный рюкзак, набитый берестой и морянскими словарями, и скрылся в облаке холодной мороси.

«Он все понял, – с досадой подумал Митя. – Чертов Воздушный!»

Он встал, пригладил рукой своевольные кудри и направился в другой угол столовой, где за почти опустевшим столом сидела рыжеволосая девушка.

Василиса быстро перелистывала страницы лежащего перед ней «Тридесятого Вестника», будто пыталась найти там что-то конкретное: взгляд ее задерживался лишь на заголовках и некоторых иллюстрациях. Когда рядом раздалось дружелюбное «Привет», она от неожиданности захлопнула журнал, так и не просмотрев его до конца.

– Ой, ты снова появился так внезапно! – смутившись, сказала она Мите.

– А ты снова одна.

– Потому что снова жду Анисью, которая снова у Марьяны...

– Мы ходим по кругу! – Митя улыбнулся.

Василиса отложила в сторону журнал и попыталась вернуться к еде. Но отчего-то есть вдруг перехотелось, картофель с лисичками вставал поперек горла.

– Хм, мне в прошлом номере, – Митя указал на «Тридесятый Вестник», попытавшись сгладить неловкое молчание, – понравилась одна статья.

– И какая же?

– Да так... даже не статья, а небольшой очерк об обстановке в мире Светлых. Очерк глазами жителя Заречья. Он, кажется, на предпоследней странице.

– Правда?! – Василиса вдруг покраснела.

– Что правда? Что он на предпоследней странице?

– Нет, что понравился...

– Да, конечно. А почему ты так удивилась?

– Нет-нет, ничего я не удивилась... То есть... Ты знаешь, мне он тоже показался неплохим, но я слышала, что многие посчитали его глупым.

– О, зато наверняка им всем понравилась статья на первой полосе, – улыбнулся Митя. – Тот чудовищный бред о Темных колдунах. Дай-ка вспомнить, что там было? Название, кажется, такое: «Призыв оборотня – обряд Темной магии!». Вот бы знать, кто это пишет.

– Он подписывается «ваш вурдалак».

– За это мало стукнуть его по голове, ты не находишь?

– Возможно, – усмехнулась Василиса. – Кстати, а вот и старый номер. – Она взяла с соседнего стула потрепанный, промокший от дождевых капель журнал. Кто-то явно использовал его не по назначению.

Василиса аккуратно раскрыла его, чтобы не порвать тонкие страницы, которые впитали в себя влагу и начали закручиваться в уголках. На странице размещалась объемная статья под заголовком большими красными буквами: «Призванные оборотни. Темная магия или проклятие?». Дальше следовала довольно мрачная картинка, изображающая волка с желтыми горящими глазами, который испуганно прижался к земле рядом с высоким колдуном.

– Вот! Мое любимое! – Митя взял журнал из рук Василисы и, пробежав глазами первые абзацы, начал читать где-то с середины:

«...издревле на Руси оборотни не считались злыми существами. Волхвы и ведуньи по своей воле принимают облик животного. Даже берендеи и волколаки не представляют угрозы, ведь, превращаясь, они сохраняют трезвое сознание – только облик их походит на звериный.

Во время кровопролитных войн между Темными и Светлыми колдунами оборотни сражались в своих звериных обликах не на жизнь, а на смерть. Ведь рана, нанесенная животному, остается на теле мага даже после возвращения в человеческое обличье. А сила животного и его ловкость во много раз превышают людскую.

И хотя время войн прошло, многим до сих пор не дает покоя мечта о том, чтобы овладеть секретом оборотничества.

– Но это невозможно! Это наипростейшая магия, которая связана с кровью и полным подчинением. – Митя сделал страшные глаза и продолжил чтение нарочито-таинственным шепотом: – Если человек не наделен этой способностью от природы, ему придется пройти через такие муки, что встреча с Индриком покажется ему легким развлечением. Зелье для этого обряда изготавливается из крови невинной жертвы. Мы, конечно, не будем приводить здесь весь его рецепт, хотя он и известен автору этой статьи. С той секунды, когда первая капля готового зелья попадет на уста колдуна, он обречен. Он на всю свою жизнь становится рабом человека, который готовил для него это зелье. Его «повелитель» способен сделать с ним все, что пожелает: приказать ему убить кого-то или даже что-нибудь похуже, – на этих словах Митя усмехнулся. – Ведь без зова этого мага призванный оборотень не может вернуть человеческий облик. Нам известна масса историй, когда призванные оборотни были вынуждены десятилетиями скитаться, пока их «властелины» не удосуживались позвать их. А что же произойдет, если у хранителя тайны начнутся проблемы с памятью?»

– Нет, это невозможно дальше читать. Что он пишет? Какие проблемы с памятью? Какие кровавые зелья? – Митя отбросил старый номер от себя, словно это была мерзкая скользкая медуза, а не журнал.

Василиса засмеялась:

– Да, там еще было про то, что оборотни могут превращаться в неодушевленные предметы, например, в клубок или сноп сена. Как я поняла, если ты становишься призванным оборотнем-клубком, то это не очень страшно... почти не считается темной магией.

Митя и Василиса вместе рассмеялись.

– Клубком? – переспросил Митя. – Посмотрел бы я на того, кто захочет превращаться в клубок!

– Или в сено. Какой в этом смысл? Чтобы тебя съела лошадь? – подхватила Василиса. – А ты видел, что этот «вурдалак» написал для свежего номера? – продолжила она и снова притянула к себе новый журнал. – Нет? Боюсь, эта статья хуже предыдущей.

– Я готов, – улыбнулся Митя. – Читай.

«Вода, Воздух, Земля, Огонь. Каждый волхв на земле русской наделен способностями сообразно своей стихии. Один может посоревноваться с Огнедышащим Драконом в ловкости обращения с огнем, другой – помериться с ним силушкой, третий – залить извергающееся из его пасти пламя потоком воды, ну а четвертый – развеять прах его по ветру. Но кто не мечтал объединить все четыре таланта? Союз Четырех Стихий. Он так и манит своей безграничной силой и мощью, способной преодолеть все препятствия на своем пути. Нет силы, которая бы противостояла четверем колдунам, родившимся под разными стихиями.

Но зачем делить власть и могущество на четверых, если можно собрать все четыре стихии в одном колдуне? «Нельзя!» – возразите вы. Но спешу открыть вам глаза, мои наивные друзья. На протяжении всей истории Тридевятого государства было несколько примеров: сильный ведун пытался собрать в себе силу Огня, Воздуха, Земли и Воды. Естественно, это были Темные колдуны. И оттого подобный союз стихий принято называть Черным Союзом.

Наитемнейшая магия крови. Погубить три чистые души, чтобы овладеть их силой, – на это способен не каждый колдун. К сожалению, до нас не дошло описание сего обряда, поэтому доподлинно неизвестно, как именно волхв объединял в одном теле четыре противоборствующие стихии, но в том, что это связано с кровью, можно не сомневаться.

Один из ярчайших и самых близких к нам примеров мага, который объединил в себе три стихии, – это Темная ведьма Милонег, возглавлявшая сообщество Старообрядцев несколько десятилетий. Как ей удавалось столько лет удерживать власть в своих руках? Объяснить это чем-то другим просто невозможно. Только благодаря сочетанию стихий она смогла подчинить себе Темных. Ее боялись, перед ней пресмыкались, а ведь она была всего лишь женщиной. Как ей удалось объединить все стихии, неизвестно, но мы можем предположить, что ради этого была загублена не одна живая душа. По данным, которые приводит газета «Сорокин хвост», в тот год, когда Милонег взошла на «трон», увеличилось количество смертей именно среди мужчин-волхвов. Милонег завидовала мужчинам, что свойственно всем женщинам...»

Василиса отвлеклась от чтения:

– Я не понимаю, кто ставит его статьи на первую полосу! Это же какая-то ерунда! Милонег ненавидела мужчин, что свойственно всем женщинам...

Митя притянул к себе журнал.

– Нет, это надо дочитать. Обычно в конце у него самое интересное.

«Но соседство стихий в одном слабом женском теле не могло протекать спокойно. Свидетели, заставшие ужасные годы правления этой колдуньи, утверждают, что от ее тела всегда шел непереносимый жар. Единение Воздуха и Огня превратили ее в пылающий уголек, отчего ее слуги не могли долго находиться с ней в одном помещении. Пальцы на ее руках были соединены короткими перепонками, а кожа была иссушена словно бумага. Поговаривают, что в гневе она была страшна. Огненные потоки вырывались из ее рта, словно она была огнедышащим драконом. Одним взглядом она могла испепелить человека или...»

Теперь уже Митя закрыл журнал и положил его на стол:

– Это уже слишком, он, видимо, провел целый день в душном шатре Кассандры Степановны и надышался ароматами всяких благовоний.

– В таком случае он должен жить в шатре Кассандры Степановны, потому что все его статьи под конец почему-то выглядят как бред сумасшедшего.

– И несмотря на всю его ненависть к Темным, о них он любит писать больше всего. Хотя, знаешь, Василиса, можно ведь вычислить, кто пишет эту ерунду.

– Каким образом?

– Наверняка он сочинил статью, вдохновившись недавней Боевой магией. На ней Лиса как раз упомянула Милонегу и ее таинственную способность использовать магию трех стихий. Еще она сказала... – Митя на секунду задумался. – В общем, в этом я ее не поддерживаю. Она рассказала всем, что Полина – потомок Темной колдуньи.

– Зачем она это сделала? – удивилась Василиса.

– Скорее всего, чтобы запугать тех, кто не хотел изучать искусство сражения, – их было большинство. И все же я уверен, это было лишним. Что будет с Полиной, когда она вернется и все будут знать, что Милонегу – ее родственница?

– Может быть, наставники... не верят в то, что Полина вернется? – спросила Василиса тише. – Слушай, я недавно снова думала о Ярилиной рукописи, о том, как бы кстати она была сейчас. И вспомнила наш разговор об остальных сокровищах. Мне кое-что пришло в голову... не знаю, насколько это реально... Я, кажется, догадываюсь еще об одном божественном даре, скрытом в подземельях.

– Ну-ка!

– Вот. – Василиса вынула из сумки маленький обрывок бересты, на котором была изображена карта подземных ходов. – Вещий Олег недавно рассказывал нам легенду об источнике трех вод. Ты помнишь ее?

– Три русла: в одном живая вода, в другом мертвая, в третьем – обычная. Старая сказка!

– Да, связанная с именем Перуна по одной версии и с трезубцем Кресеня – по другой. Посмотри, на карте поместье Горынычей отмечено Венерой. Если сравнить с Вестью семи богов, Венере соответствует руна Кресенев Трезубец.

– Так... – Митя уставился в карту, глаза его загорелись.

– Трезубец. Три зубца, три русла...

– И три головы у змея, которого ищут Горынычи! – добавил Митя.

– Интересно, это мне в голову не приходило. В легендах трезубец всегда создает водоемы, и, возможно, Кресенев Трезубец – это завуалированное название источника трех вод.

– Это очень вдохновляет! Ты гений! – Митя схватил ее ладонь и потряс.

Василиса покраснела, отвела взгляд от веселого Митино лица и вдруг увидела, что Ася Звездинка смотрит на них пристально и хитро.

* * *

С гулким скрипом один за другим стали раздвигаться засовы и щелкать замки на двери из черного дерева. На тяжелых дверных кольцах были выгравированы древние руны, на самой двери вырезаны защитные заклинания и силуэты огромных крылатых существ с хищными суженными глазами и заостренными клювами. Заскрипели петли, и на пороге в лучах утреннего света появились высокая женщина, закутанная в длинный плащ, и светловолосый юноша, державшийся не столь уверенно, сколь его сопровождающая.

– Входи, – произнесла женщина, обращаясь к юноше. В ее голосе звучал холод, сдобренный каплей пренебрежения, словно парень был повинен в чем-то таком, чего на дух не переносила эта особа. Она поглядела на ждавшего их обоих колдуна и сказала уже ему: – Это сын Провидца Ворцлава, как ты и просил. Алексей. Знакомьтесь.

Юноша с благоговением посмотрел на представшего перед ним мага, не обратив внимания на изображенных на двери птиц, которые задвигались: их деревянные глаза-прорези уставились прямо ему в спину.

– Алексей? Неужели ты представляешься своим настоящим именем? – удивленно бросил колдун в ответ. – Алексе-е-ей. Понятно. Меня же они зовут Берендеем. – Тут он рассмеялся отрывистым, рывкающим смехом. – Но ты зови меня как хочешь, мне все равно.

Он развернулся и зашагал в глубь пустынной залы, звук его шагов эхом разнесся в воздухе и наполнил все вокруг.

Женщина кивнула Алексею в знак того, чтобы он следовал за хозяином поместья. Когда они вошли в следующую залу, почти не отличавшуюся видом от первой, колдун, назвавшийся Берендеем, вдруг остановился и обернулся.

– Ты знаешь, зачем ты здесь?

– Конечно! – последовал немедленный ответ. Парень расправил широкие плечи.

– Здесь эта девчонка... – словно не слыша, пробормотал Берендей. Какое-то воспоминание на миг заволокло его глаза туманом.

– Я знаю, знаю. И это большая честь для меня – быть здесь!

Берендей снова неожиданно расхохотался.

– Честь? Честь! – проговорил он с сарказмом, и у молодого человека забегали по спине мурашки. – Это не честь, это будет мука, обещаю тебе! – После этих слов он раздраженно, с силой хлопнул дверью, через которую только что прошли его гости. – Мы искали Водяного мага! Все думают, что стоит лишь найти его и тогда... справедливость!.. слава!.. могущество! Но нет! Не-е-ет, – протянул Берендей и с таким выражением нагнулся к самому лицу Алексея, будто именно этот парень был виноват в том, что Водяной маг чем-то не угодил всему миру. – Болваны, которые громко называют себя «Светлыми», успели внушить ей, что с нами не стоит связываться. Теперь это змея, а не девчонка! – Голос его перешел на хрип. – Сколько тебе лет, Алексей, сын Провидца Ворцлава? У него столько сыновей, что я запутался.

– Двадцать три... я младший сын.

– Двадцать три? Ты так молод... так молод, но уже успел усомниться в нас, не правда ли? Успел усомниться в магии наших праотцов?

– О чем вы?

– О странниках, в числе которых ты успел побывать! Что, колдовство твоих предков показалось тебе слишком темным?

– Нет... нет, я же вернулся обратно... это была ошибка! – Молодой колдун попятился.

Берендей снова разразился страшным рыкающим хохотом.

– Хватит о прошлом, – равнодушно оборвала его женщина, до этого молчавшая со скупым видом. – Оставь мальчишку в покое. По крайней мере, он принес ценные сведения от странников.

– Ценные сведения! – со смехом повторил Берендей. – Ну что ж, тогда отлично. Помни, о принесший ценные сведения, что нахождение Водяной колдуньи здесь – строжайший секрет! Ни одна живая душа не должна знать, что ты был тут, что ты видел ее. Иначе останешься без языка! – Он усмехнулся. – Ну? Идите сюда оба!

Он указал еще на одну дверь.

– Вниз по лестнице, – кивнул Берендей, затем развернулся и стремительно удалился, скрывшись за поворотом коридора. Звук его зловещего смеха еще долго носился отголосками по зале, отскакивая от сводов, стен и потолков.

– Спасибо, тетушка, за то, что вступилась за меня.

– Ну, будет, – отрезала колдунья, не глядя на племянника. Он помнил ее живой и веселой, но с тех пор, как он вернулся от странников, она стала разговаривать с ним будто с каким-то жалким потусторонним. – Ступай вниз. Там направо. Увидишь дверь, не ошибешься.

– Так она... в подвале?

– Да.

– И вы хотите, чтобы я... подружился с ней? – Это вдруг показалось ему какой-то наивной идеей, детской глупостью.

– Да, Алексей. Иначе с ней не сладить.

– Как не сладить? Заставить! Приказать! Сломать! – Без Берендея парень вновь ощутил силу, подаренную ему природой.

– Дурень! – перебила колдунья и поморщилась, как от какой-то мерзости. – Ты хоть что-то знаешь о Союзе стихий? Эта магия построена на добровольном сотрудничестве! Приказать и сломать попытались с самого начала и добились лишь того, что из нее теперь не вытянуть ни слова, ни вскрика, ни тем более колдовства! Ах, ну и глупцы! Почему в такие важные дела оказываются замешаны остолопы вроде тебя? Слышал? Да иди же! Сделай хоть что-нибудь. Время идет. И оно идет не в нашу пользу!

Она слегка толкнула племянника в спину, он оступися и перескочил через несколько темных ступенек. В конце лестницы повернул и в тупике увидел одну-единственную дверь.

Та поддалась с протяжным замогильным воем; за ней открылась огромная, без окон, комната, уставленная старинной черной мебелью с вырезанными повсюду силуэтами разнообразных крылатых существ: их хребтами изгибались подлокотники высоких ветхих кресел; хвостами и языками вились ножки стола и кровати, крыльями образовывался над постелью навес, а из пасти одного из них лился тусклый свет в углу. Из того же угла за Алексеем наблюдали два глаза, принадлежащих кому-то живому. Он осторожно вошел и прикрыл дверь, которая упорно сопротивлялась, выла и цеплялась за скрипучий пол. Из угла ему навстречу немедленно поднялась фигура – это была очень худая девушка с белой как снег кожей. На змею она вовсе не была похожа, она казалась хрупкой, безобидной, и он вздрогнул, заметив, что ее спутанные волосы спускались лишь чуть ниже плеч.

Постояв секунду, девушка вновь опустилась в кресло, но продолжала пристально разглядывать Алексея огромными глазами.

– Добрый день. – Собственный голос показался колдуну чужим, но он только постарался придать ему большей уверенности. – Кхм... я... Алексей. Младший сын Провидца.

Он выдержал паузу. Знал, что имя его отца всегда производит впечатление на людей. Однако девушка даже не моргнула. Слегка задетый, Алексей уточнил:

– Провидца Ворцлава.

Настоящие маги предпочитают не называть своих имен, данных по рождению. Но сам Провидец и его дети ничего не боялись.

– Хочешь, чтобы я подумал, будто ты не знаешь, кто это? А, впрочем... – Алексей начал медленно понимать, что она и впрямь могла не знать его отца, но с трудом в это верил. – Впрочем, провидение – это дар, в большей степени развитый у настоящих волхвов... да, а не у... «светлых». Так что ты могла и не слышать о моем отце! – добавил он и затем, не зная, куда деть себя под ее немигающим взором, резко сел на пустующий стул.

Водяная колдунья не двигалась, ее руки лежали на коленях и были сцеплены в замок, лицо оставалось серьезно. Она молчала.

– Хм... я знаю, кто ты. И даже знаю твое имя. Ты Полина. У меня есть подруга, ее зовут так же, правда, свое имя она скрывает.

В ответ – тишина.

– И я рад, что увидел тебя. Ты понимаешь... Все хотят хоть раз в жизни увидеть Водяного мага.

Снова молчание.

– Я сделаю свет поярче? Я тебя почти не вижу! – Он взмахнул рукой в сторону светящейся пасти чудища.

Теперь ему представилась возможность разглядеть колдунью получше: на ее худом лице сильнее всего выделялись глаза цвета холодных горных озер, и они производили странное впечатление.

«Заставить! Сломать!» – вспомнил он свои собственные слова, и вдруг совершенно неожиданно ему стало страшно – страшно, что она их слышала. Вокруг витала, просачиваясь во всё, ее чужая, незнакомая магия.

«Как защищаться от Водяного колдовства? – пронеслось у него в голове. – И какое оно, Водяное колдовство?»

– Кстати, я... – повинувшись своему необъяснимому страху, вновь заговорил Алексей, – просто пришел тебя проведать. Вообще-то, мне не нравится, что тебя здесь держат. Ты знаешь, я специально добился того, чтобы меня к тебе пустили. Я уговорил самого Берендея – а он никого не пускает в свое поместье! И ты... ты лучше ему не сопротивляйся. Мы не хотим тебе зла.

Он вздрогнул, когда она внезапно расцепила руки и провела напряженными пальцами по краю стола. Что-то в этом жесте настораживало, и первое, что пришло в голову, как Воздушному, – было узнать смысл. Всем известно, что мысли Водяных читать не так-то просто, что они скрываются под надежной защитой редкой, неизученной магии, но попытаться все же стоило.

Он резко перевел взгляд на колдунью и посмотрел ей в глаза, и – вот странность – почти не пришлось прилагать усилий, чтобы добраться до ее мыслей. Он ощутил это знакомое чувство, когда тебя всего будто затягивает на секунду в чужой мир, в чужую историю, и ты знаешь, видишь все чужие мысли как свои – сначала неясно, затем отчетливее и ярче. Что-то глухое, тоскливое померещилось ему, промелькнули и без следа исчезли какие-то лица.

«Помоги мне, – услышал он у себя в голове. – У меня здесь нет ничего. Они отняли даже мои вещи. И это низко и подло. Сделай то, что я прошу... Мне нужна одна вещь, всего лишь одна...»

Дальше произошло что-то странное и совсем непредвиденное: мысли оборвались, словно он и не имел к ним доступа. Водяная колдунья поднялась на ноги и стремительно приблизилась:

– Ты когда-нибудь видел Муромцев? Ты знаешь, кто они? – произнесла она резким и требовательным полусшепотом.

– О... о... них много предсказаний, – ответил Алексей и на секунду смутился от того, что уже привык к ее молчанию и теперь чувствовал себя совершенно не в своей тарелке под ее испытующим взглядом. – Так что я слышал о них. Но не видел. Да и с какой стати мне это нужно? – Самообладание наконец вернулось к нему.

– Я улавливаю в твоём лице что-то похожее на их черты.

– Мы все исходим из одного древнего рода, – с недовольством поморщившись, ответил он. – Как бы мне ни было стыдно это говорить, но есть вероятность, что мы кровные родственники.

– Я бы предпочла, чтобы ты гордился этим.

– Гордиться? – Его взгляд стал надменным. – Я приверженец древней магии, самой первой и единственной настоящей... Магии моих праотцов!

Едва последний звук слетел с его губ, как все перед глазами завертелось, блеснул и погас свет, лившийся из пасти существа-светильника. Ноги оторвались от пола. Его подбросило и швырнуло об стену со страшной силой. Полетела на пол картина, посыпалось стекло. Он почувствовал что-то горячее, липкое под носом, ощутил вкус крови, которая ручьем стекала по подбородку.

Как только под ним оказался крепкий пол, он попытался применить щит, однако сила покинула его, руки не слушались, он весь был словно пуст и оттого беспомощен. Ужас заполнил все его существо.

Он попытался встать – впереди в темноте ему померещились очертания двери, но не успел он и дернуться, как его снова отшвырнуло, и он влетел головой в какой-то твердый угол, все тело саднило.

Где дверь?

Где же тетя?

Где Берендей?

Почему никто не приходит на помощь?

Почему его бросили здесь один на один с этим страшным созданием?

Мелькнуло что-то белое. В ту же секунду Водяная колдунья склонилась над ним. Лицо ее, к его пушному ужасу, было все так же печально и бледно.

– Если прочесть мысли Водяного мага, если даже просто попытаться, можно потерять всю свою силу, – прошептала она без тени сожаления. – Не знал? Тебя послали, чтобы задобрить или разжалобить меня? Передай им, что ничего не выйдет. Убирайся отсюда. И больше не приходи. Или приходи, но принеси то, что я попросила.

В темноте он нащупал наконец дверь и выполз через нее. Тетя ждала наверху – он с трудом нашел ее в огромном пустынном поместье. Он не чувствовал рук, затылка, носа – вместо них пульсировало раскаленное, липкое месиво. В глазах мелькали пятна и лица, увиденные в мыслях Водяной, одно появлялось особенно часто: мужское, молодое, с черными нечеловеческими глазами, – и от его равнодушного спокойствия становилось еще хуже. Сзади раздался оглушительный хохот Берендея, вошедшего вслед за Алексеем в зал.

– Погляди только, Шелога, он все-таки заставил ее немного поколдовать. Ну, дружок, как тебе Водяная магия? Не такие уж добряки и святоши наши собратья, именующие себя «Светлыми»? Да, наша магия рано или поздно вскружит ей голову. Так и должно быть. Ей лишь надо привыкнуть.

Глава пятая. Кладбище

Все собирались под навесом, образованным черными, словно лапки огромных пауков, изломанными ветвями деревьев. Поляна выглядела совершенно непривычно, но наставник назначил встречу на улице, даже несмотря на похолодание.

Хотя Огненные меньше всех страдали от плохой погоды, мелкая морось, сочившаяся с неба, и им не доставляла удовольствия. Маргарита не спеша спускалась по пологому склону. Внутри все сжалось при виде пятка вытоптанной земли, окруженного стеной стволов. Казалось, она не приходила сюда уже целую вечность, поэтому тело пронзила дрожь, – и дело было отнюдь не в холодном ветре, который остервенело трепал темные пряди ее волос и концы яркого шарфа.

Девушка присоединилась к группе колдунов, собравшихся на поляне. Все они выглядели чуть сонными, однако, стоило им увидеть Марго, как на лицах большинства появились бодрые улыбки:

– Маргарита, привет! Нам тебя не хватало! – Емеля подошел и дружелюбно похлопал ее по плечу.

Маргарита улыбнулась, но тут же, словно опомнившись, спросила:

– Миша еще в лазарете?

– Я здесь. – Из толпы выглянула лохматая голова, оливковые глаза парня, казалось, занимали все его лицо. За дни, проведенные в лазарете из-за Лисьей хвори, он совсем исхудал. – Жабе не удалось запереть меня там надолго.

На поляну обрушился порыв северного ветра, колдуны подняли воротники плащей и курток.

– Мы же Огненные, почему нам холодно? – Фадей, топтавшийся возле Марго, попытался разрядить обстановку, но почти никто не оценил его шутку. Только Миша начал занудно объяснять Фадею механизм повышения температуры воздуха.

Остальные принялись зевать и скучаяще смотреть по сторонам в ожидании наставника. К всеобщему удивлению, Александр Владимирович появился не один, а в сопровождении нескольких посвященных. Среди них Маргарита увидела Митю и Севу, которые, естественно, никого не замечали и о чем-то перешептывались. Кроме них, на поляне появились Арсений, Дима Велес, двое Огненных и несколько незнакомых парней и девушек. Овражкин, Муромец и две длинноволосые колдуньи держали в руках посохи – у Мити он ветвился, на нем даже пристроилась крохотная птичка; Сева же сжимал длинную палку, которая была настолько гладкой, словно ее много лет лизало прибоем море, а потом еще целую вечность обдувал ветер. У одной из девушек к концу посоха был приделан большой кристалл.

– Что они тут делают? – нетерпеливо спросила Оля, но никто ей не ответил. Все удивленно смотрели на приближающихся колдунов.

– Итак, все собрались? – Странник вышел на середину поляны. – Прекрасно... Отработаем щит.

– Но мы же знаем, как создавать щит, – возразил Емеля: было видно, что этим умением он гордится.

– Что? Боевая магия? – встрепенулась Оля, наслышанная от старших о Боевой магии, к изучению которой обязали всех посвященных.

– Почти. Сегодня я объединяю Боевую магию у старших колдунов и нашу практику по Стихии – вы будете работать вместе. Сейчас вы можете защитить только себя. А вот создать щит вокруг посвященных, особенно другой стихии, может быть вам не под силу. Вы должны научиться работать сообща, вместе создавать защиту, способную отразить сильную атаку.

– На прошлых встречах мы упражнялись в световых заклинаниях, а сегодня будем учиться отражать сильные атаки? – растерянно прошептал Емеля. Это был риторический вопрос. Все давно чувствовали, что даже в таком защищенном месте, как Заречье, наставники готовятся к худшему.

Тем временем Александр Владимирович продолжал:

– Многие из вас уже пробовали работать в паре с магами своей стихии, и, конечно, если вы будете колдовать с более сильными Огненными, то вам будет легче. А вот совладать с внешним полем Воздушного или Земляного сложнее – оно может помешать вашим чарам.

Огненные внимательно слушали. Они понимали, что эта практика – лишь вынужденная мера, вызванная похищением Водяной колдуньи. Старшие тоже молчали и вникали в слова Македонова, который теперь обращался к ним:

– В прошлый раз я говорил, что вам нужно научиться сражаться с колдунами разных стихий и разной силы. Теперь же вам придется объединиться с ними. Причем ваша задача особенная. Так как только Огненные могут создавать щит, способный оградить сразу нескольких колдунов, от вас требуется лишь одно – не мешать им и делиться своей силой. Не мешать – это тоже важное умение.

Посвященные переглянулись: работа в паре с магом другой стихии – первый шаг к созданию Союза Стихий, пусть и не полного.

– Сейчас каждый из вас, – Македонов вновь обратился к младшим колдунам, – по очереди попытается создать щит вокруг себя и одного из посвященных. Старшие Огненные – Дима, Игнат и Марфа – потренируют атакующие заклинания, чтобы проверить прочность вашей защиты.

Колдуны нерешительно стали разбиваться на пары, пытаясь положиться на интуицию. В таком деле только она могла подсказать правильный выбор. Сева не успел сделать и двух шагов вперед, как к нему подбежала Оля. Она собралась что-то сказать, но Странник опередил ее:

– Мне кажется, вам лучше попробовать свои силы с Арсением или Ярославом.

Краем глаза Маргарита заметила, что Оля скорчила недовольное лицо и тяжело вздохнула, пробормотав что-то себе под нос.

Когда все разбились на пары, а Огненные приготовились атаковать, Македонов дал сигнал о начале задания. Первые минуты ни у кого из Огненных колдунов не получалось создать щит, способный отразить даже слабое колдовство посвященных. При этом и сами посвященные мало чем могли помочь. Подстроиться было сложно. Сбивало все: и внимательный взгляд наставника, и колдуны других стихий, стоящие по соседству, и страх перед атакующими Огненными...

Мускулистый Земляной колдун Матвей, который смотрелся настоящей горой мышц рядом с щуплым Фадеем, выглядел крайне растерянно, не зная, как помочь младшему соратнику.

Тот так переволновался, глядя на красавицу Марфу, которая должна была их атаковать, что совершенно не мог сосредоточиться. В итоге вместо щитового заклинания он создал световой шар, который так напугал колдунью, что та отскочила в сторону, угодив прямо в лужу.

В пару Мише досталась Воздушная колдунья Даша. Единственным ярким пятном на ее бледном лице были обветренные губы брусничного цвета, которые она постоянно кусала от волнения. Несмотря на то что она была старше его лет на пять, из-за маленького роста она выглядела совсем юной. После нескольких попыток им удалось создать такой прочный щит, что его не смогла пробить даже сильная атака Македонова.

Тем временем Оля сразу же повеселела, стоило ей увидеть, что в пару ей достался Ярослав, брат-близнец Матвея.

– Оля, используйте силу Ярослава. Сейчас ваша стихия сопротивляется магии Земли, а вы должны прочувствовать ее, пустить внутрь себя. Сосредоточьтесь на одной мысли – защи-

тить. Помните об опасности, – подсказал Александр Владимирович. Он переходил от одной пары к другой. Создать полноценный щит, который не пропустил атаку Игната, им удалось только с третьей попытки.

Сева и Емеля не могли похвастаться даже такими успехами. Уже пятая атака Димы беспрепятственно проникала сквозь еле заметную оболочку, которую создавал Емеля. Ребята едва успевали пригнуться или отскочить в стороны, избегая контакта с огненным шаром.

Лицо Севы было непроницаемо. Раз за разом он пытался отдать свою силу Емеле, но, видя, что атака внука Велес направлена прямо в него самого, непроизвольно создавал Воздушный щит.

– Сева! Ваша магия только мешает Емеле. Насколько я знаю, у вас никогда не было проблем с отдачей силы. – Странник остановился рядом с Димой и посмотрел на двух защищающихся колдунов.

– У вас старые сведения, – отшутился Воздушный колдун. – К тому же у меня сегодня важный целительский обряд, не хотелось бы растратить все силы.

Емеля очень старался, на его щеках появился яркий румянец, но щит так и не приобретал видимой формы.

– Вы колдуете вместе, но создаете два параллельных щита, которые ослабляют друг друга. Попробуйте направить энергетические потоки в одно русло, – добавил Македонов.

После очередной неудачи, когда Димина атака пролетела в сантиметре от уха Заиграй-Овражкина, Странник внезапно обратился к Огненному магу:

– Ты должен целиться не в Овражкина, а в обоих. По-моему, Емеля довольно заметная цель.

Сева улыбнулся.

– А вы, Заиграй-Овражкин, представьте, что вас ранили. Просто отдайте Емеле часть своей силы, чтобы он создал полноценный щит.

– С таким щитом, как у этого парня, меня действительно уже ранили бы или даже убили, – ответил Сева. Он вдруг заметил, как внук Велес сделал слабое движение пальцами, будто рисуя в воздухе некий знак. Что это было за колдовство, Сева не знал. Он закрыл глаза и настроился на стоящих перед ним колдунов – так он обычно разгадывал планы противника. Лунная руна, ослабляющая влияние Воздушной магии, скользнула перед его внутренним взором, но вместе с ней почему-то возникла еще черноволосая Огненная колдунья Маргарита – она предстала не картинкой, а какой-то теплой волной, приятно разлившейся по всей спине. Сева открыл глаза в ту секунду, когда Дима метнул полыхавший жаром Огненный шар, а Емеля вдруг сумел сделать отличный щит. Странник же резко развернулся и зашагал к следующей тройке колдующих.

Пока Огненные разбредались по поляне, вставая в пары с посвященными, Маргарита в нерешительности оглядывалась. Она видела, как Странник поставил Емелю в пару с Севой, а Оле достался Ярослав. Колдунья переводила взгляд от одного колдуна к другому, пытаясь найти Митю, но тот словно сквозь землю провалился. Хотя нет, наверное, Земляные колдуны не могут провалиться сквозь землю. Или это, наоборот, их особое умение? Маргарита дернула бровью, подумав, что, если бы здесь была Полина, они бы развили эту тему.

– Чего это ты улыбаешься? – Муромец подошел к ней сам.

– О! А я как раз тебя искала.

– На ловца и зверь бежит, – улыбнулся Митя. – Как ты себя чувствуешь?

– Да как-то... Странно, если честно. Но я рада, что наконец вышла из лазарета. Хоть там и пахнет свежескошенной травой и днем светит солнце, лежать в четырех стенах стало невыносимо.

– И комары, наверное, по вечерам мучили.

Тут к ним подошла недовольная Марфа, отряхивая свое белоснежное пальто от грязи:

– Этот чудик только что так напугал меня! – Она указала на Фадея, который теперь пытался создать щит вокруг себя и Земляной колдуньи Светы. – Я попросила Игната помочь им, а сама решила поработать с вами.

Митя с Маргаритой кивнули. По сравнению с остальными у Марго было преимущество: она уже колдовала с магом другой стихии, вместе с Полиной. Но то была Полина, такая близкая и знакомая... Чтобы колдовать с ней, не нужно было делать ничего сверхъестественного, все получалось само собой. Маргарита опустила глаза. «Надо сосредоточиться», – подумала она. Сначала ей не удавалось отделаться от неприятного ощущения: она чувствовала незнакомую силу, которая вторгалась в ее личное пространство. Первый щит возник лишь на секунду и тут же исчез, пропустив атаку Марфы, пролетевшую ровно между магами.

– Надеюсь, с меткостью у Марфуши и дальше будут проблемы, – усмехнулся Митя, но на этот раз Маргарита смогла выдавить из себя лишь слабое подобие улыбки.

– Пробуйте еще раз, – послышался голос Странника.

Огненная колдунья закрыла глаза и попыталась полностью освободить голову от посторонних мыслей: «Вокруг никого нет. Я стою одна посреди поля. Огонь медленно поднимается внутри, заполняет все клетки тела. Сила увеличивается и принимает осязаемую форму», – она повторила слова, которые когда-то говорил Странник. Маргарита была уверена, что щит получился. Стоило открыть глаза, как она убедилась, что их с Митей окружают языки пламени, но полупрозрачные, словно реальные лишь наполовину. И это пламя пропустило внезапную атаку наставника, правда, значительно ослабило его силу.

Внутри Маргариты старание и упорство боролись с усталостью. Митя чувствовал, что силы ее на исходе, – еще чуть-чуть, и она не справится, – но его магия почему-то никак не могла пробиться, словно Маргарита ставила внутренний барьер. К тому же колдовство, которым Македонов атаковал их, было сильнее атаки Марфы.

– Сосредоточьтесь. Пробуйте еще раз, – продолжал тем временем наставник.

Маргарита снова закрыла глаза. Она попыталась прочувствовать силу, разливающуюся по телу. Кто-то дотронулся до ее руки, но она не должна отвлекаться, нужно удерживать внимание на цели. Она снова и снова представляла огонь, который проникает в ее кровь, придает ей уверенность, мощь... Но сил не хватало. Маргарита понимала, что стоит опять открыть глаза, как невесомые красноватые всполохи рассеются от атаки. Ее мысли вернулись к огню. Странно, но на этот раз, помимо привычного тепла, она ощущала что-то еще – сильный поток энергии вторгся в тело, потек по ее жилам. Это, несомненно, была чужая, незнакомая сила. От нее не исходило тепло, зато чувствовался огромный неизрасходованный потенциал, из которого можно было черпать и черпать.

Маргарита открыла глаза: их окружал настоящий Огненный щит. Она посмотрела на Митю, потом на его руку, которой он сжимал ее ладонь, и тихо произнесла: «Спасибо».

Атака Странника разбилась об их защиту, и, даже когда он усилил заклинание, оно не причинило им никакого вреда.

Через пару секунд щит стал бледнеть и вскоре вовсе растаял в воздухе, словно дым. Фадей радостно хлопал со своего места, выражая восхищение колдовством Маргариты. Наставник же оценивающе смотрел на нее и Муромца. Наконец он произнес:

– Это самый удачный щит, который получилось сегодня создать. Но, Маргарита, – теперь он уже обращался только к воспитаннице, – вам просто очень повезло с Муромцем. Его сил и мастерства хватило на двоих. Впредь вы должны научиться полностью отвлекаться от посторонних мыслей. Отделять себя от них. Забудьте все, что вам мешает. Как бы это цинично ни звучало, вы должны поставить стену между собой и своими переживаниями. Это вам только мешает, вы ничего не сможете сделать в таком состоянии. Представьте, что это могла бы быть реальная битва. Без Муромца вы труп.

– Не думаю, что... – начал Митя, но Маргарита не дала ему договорить.

– О каких именно переживаниях вы говорите? – уязвленно спросила она. Огонь в крови вдруг переродился в эмоциональный шторм, волна странной тоски и боли куда-то понесла ее, и сопротивляться не было сил. – Я не могу предать близкого человека, не могу выбросить из памяти Полину. Я могла колдовать только с ней. – Она сама не поняла, что произносит это имя вслух. Казалось, что с тех пор, как они узнали о похищении Водяной колдуньи, никто не произносил его – разве только мысленно. Сейчас же она почти выкрикнула эти шесть букв. Все внутри пылало, казалось, огня в крови было столько, что его хватило бы сразу на несколько щитов вокруг всего Заречья. Полина была не другом – она была частью нее самой. Магия Воды, вдруг осознала Маргарита, была близка и необходима.

– Наверное, только странники могут стирать из своей памяти все, что связывает их с жизнью: семью, родных, друзей...

Невероятно, но и эту последнюю фразу она произнесла вслух! Что с ней творится? Что-то плохое – она поняла это по взгляду спокойно-синих глаз. Еще на нее смотрел Сева. Смотрел задумчиво и тревожно, будто что-то хотел сказать и не мог. Маргариту озарило, что это был его настоящий взгляд, – в эту секунду она была неуязвима перед магией Сирен.

Лицо пылало: то ли от обиды, то ли от стыда за свои слова. Теперь она чувствовала на себе взгляды Марфы и Мити, но не решалась сама взглянуть на них, опять смотреть на Македонова ей тоже было страшно, поэтому она опустила глаза на втопанную в грязь траву под ногами.

Странник ничего ей не ответил. Он повернулся к остальным и спокойно произнес:

– Что ж, время истекло. Можете расходиться. Розалия Павловна приготовила по моей просьбе специальный восстанавливающий напиток, его вы можете взять в столовой.

* * *

Ирвинг с загадочной улыбкой поглядел на гостью. Велес сидела у камина, рыжие блики играли на ее седых волосах. Маленькая и тоненькая, как в юности, она казалась совсем крошечной в огромном кресле. О возрасте ее давно уже никто не спрашивал. Наверное, кто-то мог бы назвать ее старушкой, но порой упавший на лицо свет обманывал наблюдателя: она оборачивалась и казалась хорошенькой молодой женщиной.

– Вера Николаевна, сколько вам лет?

– Больше, чем деревьям в парке перед вашим домом, – помолчав несколько секунд, ответила она. – А вам?

– Примерно столько же, – рассмеялся предводитель Светлых магов.

– Я помню вас ребенком. – Теперь блики от пламени скакали по ее лицу, отчего невозможно было понять его выражение. – Вы были несносным мальчишкой. Так мне сказал ваш отец на одном из званных ужинов.

– А я помню вас маленькой девочкой. Тогда еще ничего не предвещало вашего величия. Зашел по делу к вашей матери, а вы хватались за мою руку и уговаривали поиграть с вами в куклы.

– Время – странная штука. Заставляет думать, что кто-то из нас двоих сейчас лжет.

Повисло молчание, Велес предостерегающе подняла ладонь:

– Тише, придется нам отложить философские беседы и вернуться в материальный мир. У вас гости.

Только через несколько секунд Ирвинг различил, как скрипнула дверь парадного входа и в коридоре раздались уверенные шаги Василия Ильича Муромца.

Слуга проводил его в малую гостиную.

– Приношу извинения за опоздание! – Муромец возник на пороге, как всегда, осветив улыбкой целую комнату. Велес поглядела на него и вдруг тоже улыбнулась.

– Ну, как дела? – Ирвинг подался навстречу гостю и подал ему руку.

– Как обычно, когда мне предстоит встреча с Верой Николаевной и разговор о финансах, – отшутился колдун, пригладив непослушный вихор на макушке. Он уселся в кресло напротив главной наставницы Заречья и притянул к себе чашку чая с ближайшего столика. – Чем порадуете?

– Боюсь, что радовать – не моя задача, – ответила Велес, но в ее тоне слышалось дружелюбие. – Заречью требуются самоцветы. Ради безопасности дети должны оставаться там, но им требуется больше занятий и развлечений. Не всем хватает одних лишь магических практик, а наставники заняты своей главной задачей – подготовкой Посвящения. С одной стороны, это прекрасно: воспитанники увлеклись шитьем одежды, рукоделием, керамикой, музыкой и спортом. С другой – нам требуются дополнительные вложения, чтоб обеспечить их всем необходимым.

– Понятно. – Василий Ильич взял из рук наставницы свиток, развернул и пробежал глазами. Несколько десятков комплектов постельного белья, нитки для вязания, бумага и чернила, краски, музыкальные инструменты, амагили, средства личной гигиены, батист, лен, шелк и, конечно же, продукты. Всего в несколько раз больше, чем обычно. – Морально мы были к этому готовы. Останется узнать у Старейшин, готовы ли материально.

– Не прибедняйтесь, – отрезала Велес. – Вы прекрасно понимаете, что это необходимо.

– Я вынесу это на обсуждение на следующем Вече. Вы же придете?

– Нет, – отмахнулась Вера Николаевна.

– А Дмитрий?

– Да, полагаю, он снова меня заменит.

– Как вам повезло, – понимающе улыбнулся ей Василий Ильич.

– Я слышу в вашем голосе печаль? – внезапно спросил Ирвинг, почувствовав напускную веселость Муромца.

– Возможно... Просто... – Василий Ильич на секунду задумался. – Мой сын не очень интересуется собраниями. Однажды он займет мое место, но до сих пор с неохотой посещает Вече. Даже отказался от приглашения Вещего Олега зайти после следующего собрания на дружеский обед. Говорит, у него дела. А вот ваш внук, Вера Николаевна, принял приглашение.

– У каждого свой путь, – проговорил Ирвинг.

– Верно, но мне хотелось бы видеть своих детей на подобных мероприятиях. Я и так почти не встречаюсь с ними!

– Ну так возьмите с собой дочь, – пожала плечами Вера Николаевна. – Вы же души в ней не чаете.

– Я бы с удовольствием! Но ведь вы сами запретили непосвященным покидать Заречье.

– Я сделаю для Анисьи исключение.

Ирвинг удивленно посмотрел на главную наставницу, всегда строго соблюдавшую заведенные в Заречье порядки и редко идущую на уступки – особенно на уступки Муромцу. Любопытно, что она задумала?

– Вам будет не так одиноко, – наконец сказала она Василию Ильичу, не выдержав настойчивого взгляда Ирвинга. – Да и моему внуку будет с кем поговорить.

* * *

Все стали расходиться: крупные капли только начинавшегося дождя подгоняли зазевавшихся колдунов. Маргарита продолжала стоять на том же месте, опустив голову. Кто-то дотронулся до ее кисти.

– Пойдем? – участливо предложил Митя Муромец.

Маргарита осторожно высвободила руку.

– Нет, я бы... хотела зайти сегодня к Яге. – Она развернулась и, не глядя на Муромца, пошла в другую сторону. Ей казалось, что она спиной чувствует все тот же странный взгляд Заиграй-Овражкина, – да, у Воздушных, в отличие от нее, нет проблем с контролем над эмоциями.

На поляне уже не осталось Огненных: кто-то отправился в столовую, другие же, как и Маргарита, решили сразу пойти к Бабе Яге. Дождь разошелся не на шутку. Мокрые пряди волос липли к лицу. Внезапно Маргарита почувствовала, как задела что-то в траве носком ботинка. Она остановилась – перед ней лежал небольшой кожаный кошелек, стянутый сверху тесьмой. Внутри прощупывались мелкие камни.

Точной такой же мешочек Маргарита видела пару раз на поясе у Странника. Она робко подняла глаза, чтобы посмотреть, не видно ли где-нибудь Македонова, и заметила, как его спина исчезла за сплетением ветвей. Кричать не хотелось. Маргарита еще раз растерянно взглянула на мешочек: можно просто оставить его здесь – наставник сам его найдет. Колдунья бросила его наземь. Но что-то не давало уйти. Пришлось снова поднять находку и побрести вслед за Странником.

Дождь все усиливался. Маргарита пожалела, что надела легкие ботинки и пальто без капюшона. За пределами поляны Странник почему-то свернул в сторону леса. Его фигура превратилась в маленькое размытое пятно. Он прошел небольшую рожицу, которую Маргарита всегда относил к лесу, – издалека та казалась темной и густой. Следуя за пятном, колдунья оказалась в незнакомой части деревни. Любопытство взяло верх: куда же идет Странник?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.